

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P. o. nel. 80

3334-4 Padonije

<36634768180015

<36634768180015

Bayer. Staatsbibliothek

Видно было. что дьява не воедывала во него же.
ум: В. Ломова.

ПАДШИЕ ВЕЛИКАГО НОВГОРОДА.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ XV ВѢКА,
ИЗЪ КНЯЖЕНІЯ
ІОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА III ВЕЛИКАГО.

СОЧИНЕНІЕ

Сергѣякаго.

Богатыри родной спраны!
Я вижу грозные ихъ лики;
Они свѣтло озарены!
И пы ихъ Вождь и пы Великій!
Тебя почтуютъ вѣка.....

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. СТЕПАНОВА.

1833.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шѣмъ, чтобы по оппечатаваніи представлены
были въ Ценсурный Комитетъ *три* экземпляра.
Москва, 1833 года, Марша 17 дня.

Профессоръ, Ценсоръ и Кавалеръ И. Снегиревъ.

ГЛАВА I.

МОСКВА. СОБРАНИЕ НАРОДА НА КРЕМЛЕВСКОЙ ПЛОЩАДИ.
ТОЛКИ ПРОСТОЛЮДИТЬ. ТАИСТВЕННЫЙ КОПЕЙЩИКЪ
ОТКРЫВАЕТ СОГЛАДАТАЯ. ДУМНАЯ ПАЛАТА. СОБРА-
НИЕ БОЯРЬ, МИТРОПОЛИТА И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ПРИ
ПОЛУЧЕНИИ НОВГОРОДСКОЙ ЗАПИСИ. УГОВОРЫ. ССОРА.
ПИСЬМЕНА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ И МИТРОПОЛИТА КЪ
НОВГОРОДЦАМЪ.

Скучающе смѣлыя дружины
Миролюбивою спешью Князей;
Имъ нѣтъ бывалаго раздолья
.....
Мечемъ помѣришься пора.

АНДРЕЙ КНЯЗЬ ПЕРЕСЛАВСКИЙ. Гл. I.

Когда буйный Новгородъ шумѣлъ и
кипѣлъ, какъ безграничное море, въ пол-
номъ разгарѣ своемъ, когда спѣны его
оглашались въ одно и позже время и во-

плыми предсмертными и хохошомъ раз-
каписпымъ, когда язва междоусобій па-
лящими спопами проходила по всѣмъ
домамъ гражданъ и жадно хватала жерш-
вы свои, посмошримъ, что дѣлалось въ
Москвѣ въ это время; мы давно поки-
нули ее.

Въ 1477 году, 30 Сентября, упрямъ
рано еще, народъ занялъ уже Кремль.
Флоровскія, Конспанпино-Еленскія, Боро-
вицкія и Тайницкія воропа совершенно
заперлись входящими и выходящими
полпами, шакъ, что подъѣзжавшія къ
нимъ колымаги Боярскія были сдавлены
народомъ, какъ писками. Напрасно вер-
шники кричали осиплыми голосами сво-
ими: берегись! дайше дорогу! поспорю-
нишесь! шаконпо Бояринъ ѣдетъ въ
Кремль по наказу Великаго Князя! Напра-
сно бубны ихъ заливались надъ самыми
ушами прихожихъ; напрасно даже кра-
шенныя палки ярыжекъ взвивались шу-
чами выше высокихъ шапокъ Русскихъ,

какъ самое дѣйствительное средство къ послушанію, народъ, проходя, жужжалъ свои доказательства въ неповиновеніи, что онъ не раздвинетъ спѣнь для бояръ и что дорога чрезъ него пролегалъ также не можетъ!

Неспройный говоръ, хлопанье бичей, крикъ, споръ, пронзительные звуки колоколовъ, съзывающихъ православныхъ къ обѣднѣ, раздававшіеся отъ церквей: Спаса на бору, Іоанна Лесвичника, Іоанна Войсвенника и Рождества Іоанна Предпечи— вошъ что было слышно въ Кремль въ то время; площади: Кремлевская и Красная залиты были пѣшеходцами до самаго Краснаго крыльца и дворца Великокняжескаго; солнце вскапывалось на небосклонъ и все болѣе и болѣе разраспалось на немъ пламеннымъ шаромъ, пускавшимъ блистательные оппрыски свои сквозь дымку густаго пумана. Влижнія крыши перемовъ, шапки и бороды людей бѣгли инеемъ; но золошья

маковки церквей опзалачивались солнцемъ; также переплешы оконъ Кремлевскихъ шеремовъ и выпекъ, набранные изъ мѣлкихъ спеколошекъ и слюды, рябѣли и блискали; даль же со всѣми спроенїями зашопла въ массѣ шумана. Морозъ серебрилъ окреспносшь, паръ оишь движущагося народа валомъ валилъ, ежеминутно бросалось въ глаза мельканїе рукъ молившихся на соборы и яркосшь нарядовъ, опливавшаяся издали.

»А! песка! съ праздникомъ хрисповымъ! Здравашь шебъ долготѣпно! И пы проперся сюда на народъ позѣвашь, да въспей новыхъ послушашь?« говорилъ одинъ низменный пожилыхъ лѣтъ горожанинъ другому, вспрѣпясь съ нимъ и снимая круглую бархапную шапку свою съ широкимъ лисьимъ окольшемъ.

» Спасибо, Симеонъ Авдѣевичъ, на добромъ словѣ,« опвѣчалъ другой, низко опкланиваясь. » И я дополкался сюда по-

глазѣхъ. Вѣдь пшѣ, чай, по себѣ знаешь, новая вѣспочка радосшна, а здѣсь понахвапались ихъ снолько, чшо не всѣ домой донесешь; сквозь спарую памяшь просыняшся онѣ, какъ сквозь худое рѣшешо, особливо какъ и вѣспи-шо худыя, вельгошно ихъ и памяновашь! «

» Правда, правда! А чшо, хозыйка пшоя, съ мальми чадцами, какъ живешь, мѣжагы? по добру ли по здорову? «

» Велика милосшь Господня до насъ грѣшныхъ! Она еще давича пошла въ Чудовъ поклонишься за воинство хри-стоблюбивое. ... «

» Спало необлыжная несешся молва, чшо войны не миновашь? «

» Наше дѣло шемное, а кажись, пакъ по всѣмъ домѣкамъ, вишь народу чшо собралось, гибель, ... шьма шьмуца, а не попому, чшо нынче день воскресный. Сказываюшь: дадушъ повѣспку, скоро съ кѣмъ-шо и за чшо-шо думаюшь войну весши. «

» Упаси Боже! Опяшь черные годы оденушь сирья головы наши смерпными крыльями! сердце въщуетъ: не-бышь добру!«

» Въспимо, ужъ какой прокъ воевалъ съ своими, а сего не миновашъ. Довременно все решивое выныло у меня, какъ посмошрѣлъ я намъсь на сборы воинскіе. «

» Чшо вы, спарички Божьи, наканунѣ смерпи чшо ли выбрѣли наружу досмошрѣшь свѣтъ бѣлый, пока не законопапили васъ въ могилу?« сказалъ шупливо подошедшій къ нимъ, осаниспый копейщикъ; съ легкимъ наклономъ головы и бросилъ небрежно шапку свою на одно ухо.

»Богъ души не вынепъ, сама душа не выдешъ!« ошвѣчалъ Симеонъ Авдѣвичъ съ примѣпнымъ неудовольспвіемъ. »Объиномъ спарикѣ смерть и забыла: онъ шагаетъ себъ за другой вѣкъ, а молодые ребяша недуманно, негаданно пропяги-

ваюся. Они припѣваютъ, да попѣваютъ, а она, откуда ни возмись, и прихлопнешь ихъ на самой скачкѣ, такъ что, что, *лихая*, говорится въ народѣ, съ спаростью дружна, присловье не совсемъ справедливое. «

»Эхъ, спарче, что жъ тебѣ не по норову слова мои? Я самъ вижу, что лихая не уживается съ вашимъ брапомъ; ужъ одно имя ее ошибло тебя, какъ обухомъ. Чего робѣшь? Коль душа бѣла, шагъ и шопъ свѣшь будетъ для нее не черенъ; а въ *противномъ случаѣ* замаливай. Ужъ тебѣ пора убираться во свояси;пусти другихъ пожишь.»

»Да я ни кому не мѣшаю. Бѣлый свѣшь для всѣхъ широкъ; хопъ бы и тебѣ, примѣрно скажешь, я гошовъ поспоронишься: живи на немъ долгіе вѣка.»

»Слова швой правдивы, да оно вонъ что: всякой изъ насъ долженъ жишь не самъ про себя, а для другихъ, ближнихъ

своихъ. Иней заслоняетъ опчизну или рукой, или головой, либо шпо, а шы опъ малыхъ лѣтъ до сѣдинъ маячишь срокъ свой ни за алпынь, ни за черснвѣй гречневый блинъ; шажъ къ шому-шо я и сказалъ: пора шебъ домой, ужъ шамъ на швою долю пакъ получаюшь, да шебя поджидаюшь!»

»Да чшо ны высчитываешь шуптъ? Ужъ хочешь все жинье былье моего шески на ладонку выпавишь!» возразилъ съ неудовольствіемъ пріятель Симеона Авдѣевича. »Словно шы шель рядышкомъ съ его жизнью, да заглядываль въ его душу.»

» Не заглядываль, а знаю, какая у ней изнанка: голой рукой не допронешься до нее!» опвѣчалъ значительно копейщикъ.

» Да кшо онъ, скажи-ка, опкуда родомъ и какого промысла? «

»Да шы самъ-шо вѣдунць ли о немъ? Вѣдъ онъ не землякъ швой?«

»Мнѣ чшо до шого? Я знаю, чшо онъ

поторговой спашьн, Кодошавецъ (*); зачалъ съ нимъ дѣла веспи по его промыслу и ознакомилъ; шоварь его проченъ, а мои деньги шажель; вонгъ у насъ и сошло съ прѣшшшво. «

»Да не кончилось бы разладомъ! Тебя я знаю: ты шпарикъ добрый, смиренный, богобоязненный, но не хитровой: шебя обвеспи, какъ шалкой прикрѣпи; а онъ проныра, лѣзешъ на гору по скользкой дорогѣ, да ужъ за шо, какъ сношкнешься, больнѣй ушибешся, чѣмъ упалъ бы на гладкомъ мѣстѣ! Ну, чшо вы разшоловаались о войнѣ шакъ оердобольно, жалѣете Русской крови? Такъ подсобите намъ управишься съ врагами. Толковашъ, вѣковашъ, слова дѣло бабье: водой расплывающа. Это все равно, чшо изъ снѣга шеперешняго лепешку замѣсишь, да въ печь посадишь....«

»Да кшо жъ я шаконъ? Развяжи насъ съ шедкой, коли ты гораздъ глазами-

(*) Кожевникъ.

ришь,« сказалъ, ободряясь, Симеонъ Авдѣвичъ.

» Ты чужакъ, не нашего спада, да и не въ своихъ перышкахъ; разгуливай по Москвѣ, да держи ропъ на запоръ!« отвѣчалъ копейщикъ.

» Да назови меня смѣло, авось шипунъ не прилипнешь на языкъ швой съ одного слова. Эка причина, что я тебѣ въ домъ! Да насъ почище тебя знаютъ!«

» Ну коль самъ напросился, скажу. Ты Тверской соглядашай, подосланный опъ Вельможнаго Князя Вашего Микулинскаго развѣдывашь... Ну, да ты понялъ меня. Теперь шараши глаза-шо; мы самі, не зажмурясь, смошримъ.« Копейщикъ, сказавъ сіе, вперся въ шолпу и высокая шапка его задвигалась къ Красному Крыльцу. Нѣкопорые изъ народа обспавиди кучкой говорящихъ, узнали его и почшипельно раздвинулись ему, чтобъ дашь дорогу, неговоря ни слова; но другіе не вышпергѣли и начали вдругъ

кричашь, бросающь за нимъ: »Эпо Анкудимъ Кипріяновичъ Ощера! Самъ не въ своихъ перьяхъ а другихъ урекаешь! Шнырешь какъ щука по морю, да не удалася ей цыкомъ карасей глошашь, подавишя! Чшобъ эпой щука не поипи сухимъ пушемъ ловишь червей въ землю! Чшо за нами подглядывашь? Мы не въ пайникъ!« и проч. продолжали кричашь просцолюдины, похожіе по зипунамъ и пронеи одеждъ на Симеона Авдѣевича, до шѣхъ поръ, пока прибѣжалъ ярыжка и махомъ палки осоей, какъ волшебнымъ мановеніемъ, онѣмилъ ихъ.

»Цыць, вы, жуки навозные! не моглише злословишь боярина. Вѣдь у него съ вами расправа коропка: мѣшокъ каменный, али госпинець деревянный съ желѣзными жабрами!« говорилъ ярыжка и всѣ полько покосились на него.

Симеонъ Авдѣевичъ съ своимъ шеской долго глядѣли другъ на друга съ недо-

вѣрчивостию. Первый былъ ошеломленъ словами шайнспвеннаго копейщика, и щеки его съ негодованія и досады, что его признали, вздулись, какъ паруса, и глаза запрыгали. Наконецъ они оба разошлись въ разныя спороны.

Думная Палата Великокняжеская была полна. Самъ В. К. засѣдалъ на спулѣ изъ слоновой кости съ рѣзною спинкою, которая покрывалась бархатною малиноваго цвѣта полоскою, окоймленною золотую бахромою. Длинные рынды въ бѣлыхъ одеждахъ своихъ спояли чинно по споронамъ его. По правой рукѣ В. Князя спояла скамья, на коей лежала шапка его, а по лѣвой другая съ посохомъ и кресломъ. Не вдаль сидѣлъ Митрополищъ Геронпій съ духовными сановниками своими; вокругъ него на лавкахъ, ушлаивныхъ суконными подушками, засѣдали Бояре и Князья; вдоль видѣлись богатыя шубы и высокія горлашныя шапки въ рукахъ. Подъ-

ичій Родіонъ Богомолъвъ съ перомъ за ухомъ споялъ, выцянувшись, на концѣ *длогого стола*, держа подъ мышкой длинный сволбецъ бумаги, въ ожиданіи знака, когда будетъ повелѣно ему писать. Копейщики и двѣи Боярскіе соспавляли спражу въ дверяхъ съ заряженными пищалами.

Роковая записъ Новгородская получена была наканунѣ эшого дня, и для выслушанія оной В. Князь велѣлъ собратъся всѣмъ ближнимъ Боярамъ своимъ въ Палату, чпобъ общемо думою порѣшишь дѣла, опносительныя *вольной отганы своей*. По прочтениі оной записи (извѣстной уже чипапцѣлямъ), чело В. Князя осумрачилось, копя онъ ожидалъ сего. Бояре ужаснулись, переглянулись межъ собой, пожали плечами и огладили бороды свои, пригошоваясь говоришь; но съ минушу никшо не смѣлъ первый нарушишь почтительную тишину. В. Князь повелъ глазами по собранію, бы-

спро взглянулъ на Назарія, мрачно повѣсившаго голову свою, на Мипрополища, объявшаго глубокою задумчивостію, однимъ словомъ, мгновенно выглядѣлъ онъ всѣкъ и, пользуясь эпою минушой, сказалъ, обращаясь ко всѣмъ:

» Владыко свѣщый и вы всѣ, вѣрные сыны — опоры опчизны нашей! не сердобольно ли слушаешь наши, какъ опвѣчающъ единокровные намъ смѣльчаки Новгородскіе? Они шоржестпвенно и безспыдно запираюпоя въ данномъ мнѣ имени опъ ихъ *Государя*; они, спропшивые, казнятъ позорною смерпцю вѣрныхъ людинъ законному Государю своему, прямо мѣкаюпъ о намѣреніи поддаться опяцъ Липвѣ иноплеменной и явно поспавляюпъ меня лжецомъ предъ лицомъ всей земли Русской. Присудите, думныя головы, какъ долженъ я поспупишь, чпобъ сперешъ и съ васъ пашно, омрачающее чеспъ нашу общую, — чернопашки налегла и на ваши души, — чпобъ

укоропишь языки и руки ихъ, подви-
зающіяся на обиду великую, тяжкую,
прикасающуюся до Государя ихъ, чшобъ
вынудишь ихъ вспомнишь, а не вшори-
чно измѣнятъ свяшѣйшимъ клятвамъ
ихъ ознаменованнымъ и крѣпко ушвер-
жденнымъ креспнымъ цѣлованіемъ, слѣ-
довапельно пѣсно сопряженнымъ съ не-
опвращимою карою небесъ и примѣр-
нымъ наказаніемъ земнаго ихъ суди!...»

Сильно, гнѣвно сверкали глаза его; весь
онъ пышалъ негодованіемъ, говоря слова
сін; кипящая месья горячими волнами
облила душу его и задвигала всѣмъ су-
щесшвомъ. Випіевашая рѣчь его прон-
зила груди всѣхъ слушашелей, и при-
мѣтно было, какъ зашевелились ушпа и
руки Боярѣ, желающихъ излить соглас-
ный опвѣстъ свой; но долгъ приличія
пробовалъ ушпунить прежде эшу чеспъ
Мипрополишу, кошорый шакъ началъ
говорить:

1*

» Возмогай о Господь; въ державѣ крѣпости Его одинъ пожнешь тысящу! Господь поплентъ тебѣ опъ Сіона жезлъ силы и одолѣешь враговъ своихъ, и смяшущся, и погибнушъ они, и разсѣюшся, яко прахъ. Богъ возспавишъ намъ тебѣ, Государя, яко древле Моисея, Исуса Навина и другихъ, освободившихъ Израиля; да и новый Израиль, земля Русская, освободишся шобой опъ беззаконныхъ бунповщиковъ, яко опъ нечеспивыхъ фарисеевъ, разбойниковъ и богоборцевъ; но прежде внемли мнѣ: удержи праведный гнѣвъ свой, обрати его еще на милосшъ имъ: *не вѣдали бо, что творятъ.* Мы пошлемъ къ нимъ обще увѣщанія свои, и если они и шогда не усмиряшся, шю пущъ заблужденія възграюшъ, яко орлы, и посреди звѣздъ усшроютъ гнѣзда себѣ, — свергнешъ ихъ Господь въ опшгуда!... «

Мипрополишъ, промзнеся вдохновенно слова сш, замолкъ. В. Князь преклонишъ

голову свою въ знакъ послушанія, а Болре, благоговѣнно молчавшіе досель, какъ бы заговоренные, очнулись и повсемѣстный ропотъ неудовольствія на зачинщиковъ брани прорвался изъ устъ ихъ сильными и громкими изливами:

» Чпо за переговоры еще съ ослушниками власпи верховной!« сказалъ Князь Даниль Холмскій. »Въ первую войну они опгрызались Липовщиной, и иперъ эшимъ же пахнушъ рѣчи ихъ!«

» Оно шакъ, да вѣдь увѣщательное слово льнепъ къ душѣ, особливо когда особа священная, богоизбранная произносишъ его,« возразилъ ему Болринъ Федоръ Давыдовичъ, недавно прибывшій изъ Новгорода.

» Тогда мы не урекнемъ себя, чпо послупили, не сприсясь ни совѣспи своей, ни совѣпа чпимаго Владыки и не принявъ опъ него благословенія на споль великое дѣло!« примолвилъ значипельно Назарій.

» Истинно! « сказалъ Князь Сприга Оболенскій. » Будемъ примѣромъ въ крѣпости и перепѣни. Враги наши сами успѣдятся, и мы чрезъ эшо жару насытимъ на главу ихъ.«

» Мы имъ зададимъ жару, когда осшупимъ спѣны домовъ ихъ! « прервалъ Князь Семень Ряполовскій. » Спало бышь, онъ поллюбился имъ, когда еще спарый не совсѣмъ проспыхъ, а они.... «

» Я съ побой одноголосень, Князь Семень! « вскричалъ Бояринъ Василій Сабуровъ. » Пора подавишь эшо брашоненависпное, враждешворное племя. Ихъ увѣщевашъ надо на языкъ смерши, словами, выкованными изъ желѣза; эшо одно полько они поймушъ, эшому полько и вѣру дадутъ!.... «

» И вѣдомо, а шо они подумаюшъ, чшо ихъ запись вписалась въ наши умы огневными черпами и подожгла крылья у смѣлоспи! « сказалъ Сабуровъ.

» А какъ мы сами опалимъ ихъ, да заспавимъ кровью подписанъ договорныя грамошты, такъ впередъ не опшкляшя опъ нихъ, какъ опъ своихъ головъ! « подхвашилъ Рязоловскій.

» Ни чья судьба не узнана: эшо дѣло закрышое. Бываетъ, чшо и самая заносчивая голова скашываешся съ плечъ ниже ногъ! « возразилъ Назарій. » Какъ лобъ не широкъ, спѣны имъ не спихнешъ; какъ окропишъ его свинцовой дождикъ, такъ и ищи просухи въ земль. «

» Эшакъ могушъ думашь и говоришь одни запечные храбрецы Новгородцы, « опвѣчалъ ему съ досадою Князь Рязоловскій. » Дома они соколами вишакюшъ по звону вѣчевому, на пешлю идушъ, мѣдъ за вшораго Бога чшупшъ, а опъ желѣза спаями бѣгушъ, даромъ чшо хорохорялся какъ пѣшухи! «

» И пѣшухи-шо пряничные! За чужь-

ми спинами всякой сумѣшь выше колокольной подняться, шапкой въ облака упираешься; а какъ дойдешь до размѣна ударовъ, и кричалъ громче своего колокола: давай мировую, за что намъ счипаешься, лучше чокаешься кубками, чѣмъ мечами!» прибавилъ Сабуровъ.

»Трусостьъ наша расперяна по полю; да не вы ли подобрали ее? « началъ говорить Захарій, никѣмъ прежде не замѣченный. »Опъ Волги до моря далекаго усыпаны слѣды Новгородскіе. Нашихъ ли молодцевъ назвашь домосѣдами? Какъ грибы роснутъ они предъ спѣнами вражескими, мечи ихъ хозяйничаютъ на чужбинѣ, какъ въ своихъ кисахъ, а самихъ хозяевъ посылаютъ хлебашь сырую уху на самое дно. Кшо ихъ не знаешь, того шѣло свербитъ, какъ ваши же языки на оспріе.«...

»Смотри пожалуй, какъ эши чернильныя дрожжи раздулись! Опдвинься Князь

Данила, а лю они лопнушь, шакъ за-
брызгаюшь!» сказалъ Сабуровъ.

«Долго ль до грѣха,» ошвѣчалъ Князь
Данила Холмскій; «онъ и самъ-шо не про-
сохъ еще съ дзвншной попойки. Для при-
мѣру, попробовашъ выжашъ его; начашъ
кошь съ головы, а ошъ нее у него и
до ногъ не далеко.

— «Ха, ха, ха!» раздались голоса. «Да вид-
но спорѣй, фляга опьянѣеть, чѣмъ онъ. У
него душа попонешъ въ винѣ, а шѣло
выплывешъ, какъ щепка, да еще попо-
пншъ и его въ себѣ. Молодецъ — дубовая
ягодка!...»

«А землякъ его прикусилъ языкъ. Ви-
дно, слова наши прямо въ цѣль попали!»...
сказалъ Ряполовскій.

Назарій болѣе не спертѣлъ; глаза его
разгорѣлись, руки невольнo сжали руко-
ятъ меча и онъ въ гнѣвъ, задрожавъ гу-
бами, быспро вскочилъ и произнесъ:
«Кшо хочешъ слышашъ ошвѣшь мой,

попъ можешъ принять его съ конца
копья. «

Великій Князь въ опдаленіи, жарко
разсуждая съ Мишрополипомъ, не вни-
малъ сначала заносчивому разговору Бояръ
своихъ, обратившемуся въ совершен-
ную ссору; но грозная выходка Назарі-
ева навела все его вниманіе на сіе. Цѣня
въ немъ чувство любви его къ опече-
сшву и порываемое движеніе месши за
оскорбленіе себя и его, онъ обратился
къ Бсярамъ своимъ, и голосомъ важнымъ
и повелительнымъ произнесъ:

» Правда, онъ горожанинъ безъ опече-
сшва; но вы люди безъ души, если спа-
вите ему въ укоръ самоопроверженіе его
опъ непризнашельнаго, неблагодарнаго
и буйнаго Вѣча Новгородскаго. Теперь
онъ Москвишянинъ, спольный градъ
дашъ кровь его, рука моя щипъ, а са-
мая заспуна моя—чеснь его; кшо хочешъ
на него, пойдеши черезъ меня. « . . .

» Я гошовъ! « ворчнулъ бѣлю Рядолов-

на вызовъ Назарія; но слова В. Князя пробили его до попу, и всѣ Бояра, вдругъ замолкнувши, почувствовали въ шлѣ своемъ разливъ огненныхъ искръ, кошорья какъ бы электрическимъ сообщились имъ изъ грозныхъ глазъ В. Князя. »Забьлись мы!« подумалъ каждый самъ съ собою, »Вопь чпо значить свое и чужое!«

Подъячій Родіонъ подобился вылипому на заказъ изображенію недвижимо-сти, сипоя молча и раболѣпно; глаза его будио бы приросли къ воспримъ носкамъ сапоговъ его. Иногда выглядывалъ онъ изъ подобья по на В. Князя, по на Бояръ, какъ лиса на добычу; но пошчасъ же пререпно принималъ опяшь положеніе свое, если кто-нибудь примѣчалъ его дерзоспъ и укорипельно вонзалъ въ него очи свои.

»Пиши!« произнесъ ему В. Князь, кончивъ разговоръ свой съ Митрополипомъ; и Родіонъ, вздрогнувши, вышянулъ спол-

бездъ бумаги изъ подмышки, наполнивъ перо свое чернилами въ узкомъ горлѣ мѣдной чернильницы и началъ медленно ковылять имъ по бумагѣ крючковащія спаринныя буквы подъ дикшовку самаго В. Князя, копорыя будпо бы опъ его пригнѣпа пакже робъли и казались глазамъ прижавшимися другъ къ другу; и воцъ чпо шогдашнй грамошей написаль прясущимися, но жилиспыми и песпро замаранными въ чернилахъ руками своими:

» Люди Новгородскіе! Рюрикъ, Св. Владиміръ и другіе предки мои, память имъ вѣчная! повелѣвали вами, какъ подвластными себѣ во всю волю свою и вы не смѣли ослушаться ихъ. Вы служили имъ вѣрно и честно, и вся эта честь принадлежитъ вашимъ предкамъ; теперь я наследую право сіе, жалуя васъ, ограждаю силою моею, но могу ею и злоказнить дерзкихъ ослушниковъ. Когда вы были вѣдомы Лишвою и плаши-

ли ей попомовную дань свою, я не бременилъ васъ своею такою же, но только изътребовалъ законной доли своей, услаждоженной вѣками дѣдами и опцами нашими; вы же забывали и прежде и теперь сдѣлались опсшульниками оптъ нее, стало бытъ и оптъ меня, и хопише опять передались Липшѣ, не смотря на завѣщаніе предковъ: »блосши повиновеніе законное спарщему удѣльному Князю Русскому.« Казнь Божія надъ вами! Вы побили шорговою казнію честныхъ горожанъ, преданныхъ мнѣ и, что всего позорнѣе, обогали меня предъ всею Русью, яко бы не называли меня *Государемъ* своимъ. За все сіе я посылаю вамъ складную грамоту и въ слѣдъ за ней иду со всѣмъ воинствомъ моимъ наказанъ васъ спрошивыхъ ослушниковъ. Но я, какъ чадолюбивый опецъ, гещовъ еще помиловавъ васъ, дѣшею своею, если вы одумаешесь и преклоните повинныя головы, испросише

у меня опущеніе за все время свои, подтвердите прежнія слова свои и согласитесь на все условия, извѣщныя вамъ. Подъ сѣнами Новгорода Великаго, шамъ повидаемся мы!»

Митрополитъ собливною рукою подписалъ на эпюмъ же слово:

«Съ соболъзованіемъ душевнымъ слышу о расколѣ и расколѣ вашемъ. Бѣдственно и одному человеку уклонилъсь отъ пути праваго, но еще гибельнѣе вдаваться въ него цѣлому народу. Вамъ самимъ вѣдомо: не суть боги ихъ, яко намъ Богъ! Трепещите, заблужденніи, оспршныи серце Божій, видѣнный Пророкомъ Захаріемъ, да не снидеть на главу сыновъ ослушныхъ; вѣномните рѣченое въ Св. Писаніи: *бѣги грѣха, яко ратника, бѣги отъ прелести, яко отъ лица змына*. Сія прелестъ естъ Лапинская: она уловляеть васъ опянь легковерныи. Развъ примѣръ Визанціи не доказалъ гибельнаго дѣйсвія *увѣщаній*

ся? Греки славилась благочестіемъ, соединились съ Римомъ, и служили иныи Туркамъ нечестивымъ. Опомнитесь же, вразумитесь силою бодрости душевной и воспримите опть пягопѣнія, омрачающаго васъ! Доселѣ вы были сохранены и цѣлы подъ крѣпкою рукою Іоанна; но когда отвергнетесь опть него — и погибнете. Спрашно подумашъ, какъ дерзнули вы злоязычничать на законнаго повелителя вашего и опсиупахъся опть собспвенныхъ словесъ и пиюменъ, начертанныхъ руками вашими съ любовнаго согласія всего Новгорода и Владыки вашего Θεотила!...

»Троекрашно увѣщаю васъ, не забывайте словъ Апостола: *Бога бойтеся, а Князя чтите*. Соспоянне града вашего нынѣ уподобляется древнему Іерусалиму, когда Богъ гонимый предашъ его въ руки Тисовы. Смиритесь же, да прозрѣхъ очи души вашей опть слѣпопы

своей — и Богъ мира да будетъ надъ
вами непрестанно, ошнынгъ и до вѣка.
Аминь.

ГЛАВА II.

Богомолость уязвляет въ Новгородѣ съ записями.
Слѣдствіе увѣжденій Митрополита на Москвитянь.
Уговоры. Недовольное замѣчаніе о Твери. Политика
В. Кнзя. Собраніе людей всякаго чина въ Думно
Палату. Общее согласіе на войну съ Новго-
родомъ. Отправка гонцевъ съ грамотами по всѣмъ
городамъ Московскаго Уѣзда. Вступленіе вояновъ
въ Кремль. Общее прощаніе. Процессія проводанія
В. Кнзя и дружинъ его. Распоряженіе по-
хода.

Всѣ усмирятся, всѣ покойны,
Сладкоглаголюмъ и спройны,
Какъ спруны лиры золотой!

Θ. Глинка.

Подъяно смерши лезіе.

В. Розень.

Всѣ были поражены красновѣщатель-
ными увѣженіями В. Кнзя и Владыки

Геронтія. Самъ Назарій согласился, что пошупинить лучше нельзя было; и опять пошли полки:

» Защища Новгородцевъ—эпо паупинное шканіе!« сказалъ Федоръ Давыдовичъ. »Я самъ видѣлъ, какъ шцапся они о войнѣ, пьютъ да бьютъ: вопъ все, что сказашъ о нихъ можно!«

» Тѣмъ лучше! Какъ мы нагрнемъ на нихъ, по неволѣ придущъ къ намъ челомъ бить, какъ на спрашное судилище,« ошвѣчалъ Князь Данила Холмскій.

» Я съ своей стороны давно гошовъ примолвишь: пора подчинить ихъ самосудную власшь единому Князю. Намоспрѣлся я вдоволь на Посадниковъ Новгородскихъ: эпо не блоспипели правосудія, а шоргаши власшю и совѣспью своею; правоша шамъ продаешся, какъ залежалый шоваръ,« сказалъ опять Федоръ Давыдовичъ.

» Грушно объ эпомѣ и слышашъ,

не только видѣшь самому подобное зло, примолвилъ Спруга Оболенскій.

»И зло и язву! Эпимъ недугомъ болящъ уже Псковищяне: и къ нимъ она прикинулась!« съ учашиемъ произнесъ Ряполовскій.

— »Да, да, они во всемъ передразнивають Новгородцевъ,« прибавилъ Сабуровъ.

»Да какъ же! Въ случаѣ заdirки ко-го-нибудь, Новгородъ имъ помога; а въ случаѣ ушяги съ биспы, онъ для нихъ всегда бывалъ шеплою пазушкой,« сказалъ Князь Холмскій.

— »Не добро же повѣщу я вамъ и про Тверь,« началъ говорить Бояричь Ощера, недавно вошедшій въ Думную Палату. »И въ ней поселилась Липовщина. Она шѣмъ разнилась отъ Новгорода, что онъ бушуетъ вслухъ, а эша Госпожанка шихомолкомъ, про себя. Я давнѣ примѣчаю Тверскихъ шапуновъ по Москвѣ, и давно бы пора захлеснуть

ихъ за шею; да нельзя еще явно повытквашивать изъ народа. Вошь какъ мы гульнемъ къ нимъ на перепушье, повысмопримъ, да повыглядимъ ихъ движенія, да усмиривъ Новгородъ, и засѣшимъ по дорогѣ припавшихся молодцевъ, чшобъ шакъ — однимъ камнемъ на поваль обшихъ!»

» Ужъ гдѣ Липовщина, шамъ и бѣсовщина! « примовилъ Назарій.

Бояре въ присутствіи В. Князя всегда говорили не громко межъ собой, но чуткое ухо его не пропустило мимо словъ сихъ, не смотря на то, что онъ занимался въ опдаленіи опъ Бояръ опсылкою записи своей къ Новгородцамъ съ Подьячимъ Богомолowymъ. По его наказу Оцера переряжался въ разныя плашья, и шерся между народомъ, не говоришь, а шолько слушаешь, держась его же заповѣди, не выпускаешь, а принимаешь, шо ешь, самому. Дѣла, даже самыя мысли Тверскаго Князя Михаила были найзаны предъ нимъ, какъ на нишочкѣ. Опъ

того-то онъ и бралъ всѣ мѣры ошорожности, онъ того-то про него и говорили: »Князь Московскій думаетъ да замышляетъ; нынче другъ, завтра врагъ; ты о чемъ подумаешь, а онъ ужъ по сдѣлаетъ.«

Но уходъ Богомолова, двери Думной Палаты распахнулись и В. Князь повелѣлъ собрать *полный* совѣтъ народный, для выслушанія воли его. Предъ него предстали, кромѣ Мипрополиша, Епископовъ, брашневъ, Вояръ и прочихъ *думныхъ* людей, Окольничьи, Спольники, Спряпчїе, Дьяки, Головы, Сопники, Дѣни Боярскїя, Госпи, Жильцы, торговые и другаго чина люди. Всѣмъ имъ сказали изложеніе всего дѣла. Думный Дьякъ и Печашникъ Великокняжескїй занимали пущь первыя роли. Они громко объявили намѣреніе и волю его, и начали изспробовывать общее мнѣніе, кшо какихъ мыслей былъ касательно войны.

Когда они замолчали въ ожиданїи опи-

вѣща народнаго, народъ единогласно закричалъ: »Государь надежа, возьми оружіе!« Другіе поклонились Великому Князю и смиренно сказали: »Буденъ пшбѣ угодно, ошцу нашему—и мы идемъ воевашь Новгородъ. Во всемъ швоѣ воля. Повели и найдешь много охочихъ людей сберегащъ швою особу и наказашь ослушниковъ воли швоей.«

Топчасъ сдѣлали выборки изъ всѣхъ голосовъ. Всѣ были согласны на войну, и топчасъ была написана повѣспка, что Государь указалъ, Бояре приговорили и народъ примолвилъ иди воевашь Новгородъ. В. Князь сказалъ: *»На начиняющихъ Богъ. Да буденъ война!«* Полишника его присудила собрашъ голоса, чтообъ кара единокровныхъ своихъ не пала на него одного и все споспѣшеспиводало его желанію къ вящему его удовольствію.

Въ скоромъ времени были посланы во всѣмъ городамъ Московскаго удѣла кон-

цы или бирюжи, или пакъ называемые *кличем*, съ грамошамъ, коими *объявля-
ли* воёмъ *т.* каждому, кто *обязывался*
носить оружiе, собирались въ *споль-*
ный градъ *вкупъ*, *числомъ* *одиниуды* и *вы-*
спушнень на враговъ (*).

(*) Это дѣлалось *накнмъ* образомъ: Гонецъ, *привъ-*
жалъ въ какой-нибудь городъ, *являлся* прежде
Воеводамъ, попомъ *Дворянамъ*, *сказывалъ* имъ
Государево *жалованное слово* и *прочитывалъ*
вслухъ *грамошъ*. Простолюдинамъ же *возвѣща-*
ли войну *слѣдующимъ* образомъ: *называли* на
посохъ орла или шапку, и *поднявъ* *верхъ*,
кричали или *кличъ* *кличами*. Дѣши *Боярскія*, *Дво-*
рянне и проч. собирались въ свои *десятины*. Де-
сятинно называлось тогда *цѣлое*, съ одного го-
рода, или *уѣзда* на войну *наряженныхъ* *людей*, *соб-*
раніе, имѣвшее *наименованіе* свое *оизъ* какого-
нибудь города, какъ по: *Владимірская*, *Роспов-*
ская и проч. и имѣла *каждя* свое *особое* знамя.
Нѣсколько *накнхъ* *десятинъ* *составляли* *полкъ*,
который съ *головами* своими *подчинялся* *Воево-*
дамъ. Все *шаковое* *воинство* на зиму *распуска-*
лось по *домамъ*, а къ *веснѣ*, ежели была *война*,
опять *сбиралось*.

Полки начали собиращися подъ стѣнами Московскими изъ всѣхъ мѣстъ; большимъ числомъ присылали ратниковъ; оны и сами шли охотно на службу *Великаго*. Въ числѣ ихъ находились жипели-обласпей: Кашиинской, Бѣжецкой, Новопоржской и другихъ: ибо Іоаннъ присоединилъ уже къ Москвѣ часпъ сихъ Тверскихъ и Новгородскихъ земель. Самъ онъ, слѣдуя давнишнему обыкновению, предъ войной раздавалъ милоспыню бѣднымъ, дѣлалъ большіе вклады въ храмы и молился надъ прахомъ предмѣспниковъ своихъ въ Соборахъ, кои оцворены были наспежь для всего народа. Наконецъ настало 9 Октябрю, день выспупленія всей соединившейся дружины Московской. День былъ тихой, ясной; солнце продиралось лучами своими оквозь волниспыя пелены тумана, величеспренно выкашывалось на небо и сыпало искриспый огонь на верхи церквей, бойницъ и башенъ Кремлевскихъ.

Послышался звонъ съ церкви Іоанна Мѣсѣвчника; другіе колокола подхвацали его и разлился шоржесшвенный звукъ по всей Москвѣ, какъ въ зашпреню Христова Воскресенія. Кремль уже кипѣлъ народомъ; вездѣ колыхались шолпы, всѣ спѣшили на прощальный зовъ съ Княземъ своимъ и дружиною его, брашьями, опцами, сыновьями, мужьями и внуками своими, идущими искашь рашной чеспи на чужбинѣ; но звукъ гудящей мѣди не пугалъ Москвитинъ: съ веселыми лицами спѣшили они привѣщспвоваць свѣшлую, золошымъ огнемъ разсыпанную денницу и другъ друга, шакже какъ на праздникъ Христовомъ, любезно цѣловашь и проливашь умилипельныя слезы на прогапельную и великолѣпную каршину шеспвія собирающихся рашниковъ на одно мѣсто, подъ развишемъ знаменъ, какъ хоругвей зашщпы небешной.

Ошъ Краснаго крыльца до Собора Ус-

пенскаго споялъ народъ двоярдно, ожидая съ нетерпѣніемъ В. Князя, котораго прощался съ матерью своею, поручалъ юному сыну *вѣдать* Москву, одѣвался въ нарядъ жезъный и, распоряжаясь рѣшью своею, посылалъ къ ней слѣдующія повелѣнія:

»Всея дружинѣ раздѣлитъ на пять полковъ: на большой, передовой, правой, лѣвой и спорожевый или запасный; для самаго же себя назначилъ *отборный* чпобъ въ такомъ порядкѣ выпуститъ изъ Москвы, до дальнѣйшаго разпредѣленія.«

Любимая и дряхлая мать его наконецъ перекрестила Великаго сына своего проекрашно, навѣсила на него охранительный крестъ съ мощами, прослезилась, горько всплакнула, и поручивъ его волѣ Божіей, опустила, совершивъ еще разъ прощальное цѣлованіе....

Лишь только показался В. Князь на

Красное крыльцо, народъ и воины не удержали своего восторга. Они всегда гордились имъ молча, но иногда закричали: »Власпимпель нашъ, Богоизбранный Государь-надежа, пы любимый неба и земли. Повелѣвай нами: ради умереть за тебя всѣ до единого, ради за тебя сложишь головы и свои и вражескія! « Онъ привѣшливо улыбался имъ и ласково кланялся. Бояре и спража слѣдовали за нимъ. Митрополитъ со всѣмъ духовенствомъ въ праздничномъ облаченіи съ образами Всемилошпиваго Спаса, Владимирской Богоматери, писанной Евангелишпомъ Лукою, и Св. Георгія Побѣдоносца, высѣченнаго изъ камня, съ хоругвями, величественно возвышающимися надъ обнаженными головами неслихъ ихъ, плавно шелъ на встрѣчу ему съ согласнымъ пѣніемъ клирова: »Да воскреснетъ Богъ, и распочаенся врази его.«

В. Князь благоговѣнно приложился къ Св. Иконамъ, низко, низко преклонился

предъ Владыкою Геронсимомъ, когда поощъ осѣнялъ его Живошворящимъ Крещномъ, и внималъ ему:

«Азъ воздвигъ тѣя Царя правды,» говорилъ Миспрополитъ, «и пріяхъ тѣя за руку десную и укрѣпихъ тѣя, да послушающъ шебя языцы и крѣноспѣ Царей разрушиши и азъ предъ шобою иду, и горы сровняю и двери мѣдныя сокрушу, и зашворы желѣныя сломяю. Тако глаголетъ Господь!»

Архіепископъ Виссаріонъ, пакже благословляя его, произнесъ: «Да будешъ пакко! благословеніе наше на шебъ и на всемъ хрисполубивомъ воинствѣ швомъ. Аминь!»

На далекое проспранство развивалась многочисленная дружина предъ любующимися взорами В. Князя и народа. Знамена, или по шюгдашнему спяги (*) ея,

(*) Соспояншіе въ большомъ шеспѣ съ длиннымъ на верху полощениомъ. Въ спярку они были шю

были окроплены святою водою. Какую невыразимую карпину являлъ погода Кремль. День блиспаль лучезарный, ослѣпительный, не .смошря чпо наспаль уже угрюмый Окшябрь, какъ будпо бы и небо праздновало вмѣспѣ съ землею счастливое выпсупление Русскихъ дружинъ. Креспы и куполы храмовъ, осіянные пламенными вѣнцами солнца, залипы были искрами его, горѣли въ нихъ и ярко отбрасывали ихъ, гошовась, кажепся, выпсхнушь въ пламени. Спройныя дружины, недвижно виимающія поученію слова Господня, произнесеннаго Мишрополипомъ, свѣспля кольчуги и нагрудники ихъ, перенгрывающіеся съ свѣспиломъ дня, пысячи обнаженныѣ головъ горожанъ и шеве-

же, чпо пеперь знамена. Они поднимались на высокихъ древакахъ, копорья укрѣплялись на возу, ибо по тяжести ихъ не можно было держать человеку. На нихъ находились различныя изображения Свяшыхъ.

лящіяся руки ихъ при осѣненіи себя знаменіемъ креста, звукъ заливающихся колоколовъ, звонко пронзающихъ воздухъ, — все это оковывало взоры дивнымъ очарованіемъ и наспроивало души какимъ-то особеннымъ, священнымъ чувствомъ, чувствомъ, которое рѣдко посѣщаетъ сердца людей и крапковременно говоритъ съ душою. Это была беседа небесъ; съ землею!

Звукъ колокольный спихалъ, раздался другой: заиграли рога, трубы, сапели (*), сурны, начали бить въ накры или бубны (**); кони заржали и рашники всколыхались; сердца ихъ закипѣли рвеніемъ и опвагою, и они начали поспѣшно садиться на коней, бряча оружіемъ. Надобно замѣтить, что въ погдашнее

(*) Свирели или флейшы.

(**) Бубны были небольшія мѣдныя чаши, сверху, подобно какъ и липавры, обшпануныя кожею; ихъ привязывали предъ всадникомъ у сѣдла и во время сраженія били въ оныя навязанною на плешь коробкою, сдѣланною изъ ремней.

время было больше конницы, нежели пѣхоты, а оружіе Россійскихъ воиновъ состояло уже не изъ самоспѣловъ, подкашныхъ шуровъ, присшупныхъ перевѣсовъ, быковъ, барановъ или огнеспѣльныхъ пороковъ или землей и проч. употреблявшихся при осадахъ; но изъ пушекъ и завѣсныхъ пицалей (*), или ружей, двойные колчаны съ лукомъ, и спѣлами, сулицы, родъ малаго копья, кошорымъ поражали непріятеля, не доходя до него, кшпшени, бердыши; ножи бывали также не у всѣхъ воиновъ, но мечи и копыя у каждаго.

В. Князю подвели богапоубраннаго воронаго коня, покрыпаго алой бархатной попоною, унизанной жемчугомъ и

(*) Завѣсными онѣ назывались пошому, что завѣшивались ремнемъ за плеча. Еще были *затинныя* пицали. *Затинъ* слово старинное, означало *зарядъ*. Затинщики были артиллерійскіе служившїи, помощники пушкарямъ. Затинныя пицали были собственно малокалиберныя пушки; ихъ заряжали съ казеннаго ящика.

самоопытными кайнями; уздечка на немъ была вся наберная изъ среброчеканейныхъ колець. Князь Василій Вереѣскій; ожимая бодрогами коня своего, гарцевалъ уже предъ перемами Княжны Маріи, племянницы В. Княгини Софіи Юминичны; надичникъ его былъ поднятъ; мечъ мошался на боку и перья на шипцѣхъ разкапывались; грудь молодецкая воздымалась парусомъ и кольчуга двигалась на немъ; а она, любуясь въ косящее окошко на своего суженаго, роняла на грудь блѣспки, слезинокъ и.... Довольно, я молчу; о будущемъ бракѣ ихъ говоришь испорія.

Бояре и Воеводы окружили Князя своего, еще разъ перекрестились всѣ на храмы, поглядѣли на Кремль, каждый на шеремъ свой и, поклонясь на всѣ чешыре спороны, пронулись. Густыя облака пыли, широкими спѣнами взвивающіяся надъ дружиной, заспилали ее и облекли, какъ плучю; шолько изрѣдка

мелькали вдали колычуги, подковы лошадей и брызгающія изъ подъ ногъ ихъ искры. Всѣ оспавшіеся, поникнувъ головами, начали расходиться. Сподница осиропѣла.

Предки Юанновы, воевавшие съ Новгородцами, бывали иногда побѣждаемы. неудобносно перехода цопкихъ дорогъ, пролегающихъ къ Новгороду, болописныхъ мѣстъ и озеръ, окружающихъ оныя; не смотря ни на то, ни на позднюю осень, дружины Юанна бодро спорили себѣ дорогу, гдѣ прямо, гдѣ околицею. Порою снѣгъ замѣщивалъ слѣды ея, хруспѣлъ подъ копытами лошадей; но порою опшеплана и шрясина опушывали ноги ихъ, какъ шенешами и часпо шакъ засасывали, что они съ большимъ шрудомъ выдирались изъ нее.

Москвитяне, раздосадованные измѣною Новгородцевъ, ошпервенились и почишали ихъ хуже Ташарь. Все вспрѣчавшееся имъ шрепещало ихъ, какъ враговъ ло-

пѣйшикъ; по дѣсамъ, дошолъ непроходимымъ, гнали они опивяпый спиртъ, везли свои продовольствія и были веселы и сыпы.

Отъ востока и запада неслись они до Ильменя Самъ В. Князь шелъ съ опборными полками впередъ, направляясь чрезъ Торжокъ на дорогу, находящуюся между дорогами Яжелбицкою и Мешою. Тапарскій Царевичъ Даніяръ, сынъ Касимовъ (*), и Василій Образецъ назначены были иппи въ спорону отъ него по Зампъ. Князь Данилъ Холмскій предъ Иоанномъ съ дѣпymi Боярскими, Владимірцами, Переяславцами и Коспиромишянами, за нимъ два Боярина съ Дмищровцами и Капшнцами; на правой споронѣ Князь Симеонъ Рядоловскій съ Суздальцами и Юрѣвцами; на лъвой: братъ В. Князя Андрей *меньшой* и Василій Сабуровъ съ Росповцами, Ярославцами, Угличанами и

(*) Смолри I Части, страница 175.

Бежичанами; съ ними шель Воевода ма-
шери В. Князя (*) Семень Пѣшковъ съ
ея дворомъ; между дорогами Яжелбицкою
и Демонскою, Князя: Александръ Василье-
вичъ и Борисъ Михайловичъ Оболенскіе:
первый съ Калужанами, Серпуховцами,
Хопунцами, Москвишянами, Радонежца-
ми, Новопоржцами; вшорой съ Можай-
цами, Волочанами, Звѣнигородцами и Ру-
жанами (жишелями Города Рузы); по са-
мой дорогѣ Яжелбицкой Бояринъ Федоръ
Давыдовичъ съ дѣшми Боярскими двора
Великокняжескаго и Коломенцами; шакже
Князь Иванъ Васильевичъ Оболенскій со
всѣми его брашьями и дѣшми Боярски-
ми. Передовой опрядъ В. Князя доспи-
галь уже города Торжка, а за нимъ слѣ-
домъ шель и самъ Великій Князь.

(*) У В. Княгини были собшвенные двора Воево-
ды и часть войска.

Часть IV.

3

ГЛАВА III.

ТВЕРЬ. ОБОЗРѢНІЕ ОНОЙ. ТВЕРСКОЙ КНЯЗЬ МИХАИЛЪ. МИКУЛИНСКОЙ, ЛЮБИМЕЦЪ ЕГО. РАЗГОВОРЪ И УГОВОРЪ ИХЪ. В. КНЯЗЬ ІОАННЪ ВЪ ТОРЖКЪ. ВСТРѢЧА ЕГО. НОВГОРОДСКІЕ ОПАСЧИКИ. ТРАПЕЗА В. КНЯЗЯ У БРАТА БОРИСА. РАЗГОВОРЪ МОСКОВСКИХЪ ВОЕВОДЪ. ПСКОВЪ. ОБОЗРѢНІЕ ПСКОВА. ПРАВЛЕНІЕ ВЪ НЕМЪ КНЯЗЯ ЯРОСЛАВА. БУНТЪ ПСКОВЛЯНЪ И БИТВА СЪ ЯРОСЛАВОМЪ. НОВЫЙ НАМЪСТНИКЪ. ПРИВЪЗІТІЕ ВО ПСКОВЪ МОСКОВСКАГО ГОНЦА. СЛѢДСТВІЕ ОНАГО.

Не разъ меня мечша моя носила,
Въ край Галича, на роскошный Дунай
Свяпослава чesпѣ и царспва Данила.
О! Сѣвернымъ мечемъ добышый край!
Въ поляхъ пивонхъ мнѣ чудилcя дѣды,
Ихъ бранный гулъ и шумныя побѣды!

К. Анд. Перекс. Гл. I.

Тверскій Князь Михаилъ, робкій и непоспоянный правитель своего удѣла, дав-

но положить ему гибель на мечъ Іоанновомъ, хитрый Сигизмундъ Польскій опенепилъ и его своими клеветными придворными, копорые склоняли слабаго Князя на крѣпкое присоединеніе удѣла его къ Липвѣ; выспилая дорогу себѣ къ согласію Михаила всякими уличеніями и злопыми для окружающихъ его Бояръ. Іоаннъ, какъ старшій Князь Россіи, вездѣ имѣлъ уши, и зная объ эшомъ, шребовалъ опъ него опчеповъ въ часшомъ сношеніи съ Липвою; но, благодаря уловкамъ Бояръ его и ухищреніямъ придворныхъ Сигизмундовыхъ, онъ дѣлалъ несомнительные оппоры опъ подозрѣній Московскаго Князя, хопя шопъ, не совершенно увѣрся въ гладко вымощенныхъ доступахъ къ милосшямъ его, наводилъ неупущипшельно зрячее вниманіе свое на всѣ движенія его, находилъ преданность его къ себѣ шероховашю, но молчалъ до времени, бывъ вынуждаемъ

заняшья дѣлами, требовавшими болѣе его неусыпности.

Ополченіе Москвитянъ на Новгородъ содрогнуло малодушнаго Князя Тверскаго. Дорога имъ пролегала чрезъ его владѣнія. Онъ спрашился эпой неугомонной вапаги, кошорая и въ прежнюю войну съ Новгородцами не только что попормошила его владѣнія, но и пошянула еще воиновъ его съ собой на подмогу, грозя въ пропивномъ случаѣ обойшисъ съ ними, какъ съ врагами.

Когда еще только спутили Москвитяне на Тверскую дорогу, Михаилъ, весь опеленушый страхомъ, слышалъ уже звуки шаговъ ихъ, видѣвъ свѣцное вооруженіе ихъ, ослѣпительное для глазъ его, и напрасно, ломая голову, какъ бы опнѣкашья опъ посылки имъ подмоги, кошорую вѣрно будетъ на-шупательнo требовашъ Московскій Князь, рѣшилсѣ посовѣшовашья съ лю-

бимцемъ своимъ , Княземъ Микулинскимъ, какъ тошъ вдругъ самъ вышелъ къ нему поспѣшно съ смященнымъ видомъ.

»Какъ ксшаши пришелъ ты, Князь Михаилъ,« сказалъ ему навспрѣчу Тверской Князь; »а я только чшо хопгълъ послашь по шебя.«

» Я чувспвую, Государь, когда ты имѣешь во мнѣ нужду и, какъ духъ, являюсь предъ шебя съ услугами своими,« опшвѣчалъ Микулинскій съ низкимъ поклономъ.

»Да чшо съ побою сдѣлалось? Опъ чего лице пвое шакъ измяшо, какъ спарыя ножны мои, и глаза смощраптъ шакъ похоронно?« спросилъ его Князь.

»Худыя вѣсши!« произнесъ Микулинскій, вздохнувъ. »Вся Москва въ движеніи.«

»Чшобъ ей захлебнушья имъ!« прервалъ его Князь. »А чшо, Іоаннъ близко?« спросилъ онъ неперпѣливо.

»Быть можешъ завпра же будешъ онъ ближе къ Торжку, чѣмъ я къ шебѣ.«

»А чшо слышно ошъ него? смирно ли идешъ рашъ его по моимъ землямъ?...«

»Поспой, Государь, дозволю мнѣ прежде одно выговоришь, послѣ я на все опишчу. Еслибъ смирно шла рашъ его по нашимъ землямъ, мало бы слуху было ошъ нея, а еслибъ ее всю уложишь въ нашу землю и погопово; а шо меця оглушили гонцы вѣспями, одна за другой, и все недобрыя: шо берущъ они у подданныхъ швоихъ полюбовно всякое продовольствіе, шо желѣзною рукою, шо самихъ ихъ волочашъ за собой подѣ Новгородъ, приговаривая: »вамъ дескашъ шеперь дома дѣлашъ нечего: хлѣба убраны и новые засѣяны; пойдемше косишъ Новгородъ, дурную шправу изъ него выпальвашъ.«

»Худо, худо!...« произносилъ Князь въ раздумьи, покачивая головою.

»А еще хуже,« прервалъ его Мику-

линской, »что Московскій Князь явно пребуешъ у тебя воиновъ. Гонецъ его здѣсь... Государь, слышишь ли?« говорилъ онъ задумавшемуся Князю.

»Жедалъ бы на это время оглохнушь!« опивчалъ Князь. »А давно ли онъ пріѣхалъ?«

»Да еще конь его не оспылъ съ дороги. Онъ сказывалъ, что самъ Іоаннъ подъ Торжкомъ.«

»Послалъ бы его подъ ледъ Волжской опивдашь ушицы, съ каменнымъ пояскомъ.«

»Чтожь мнѣ скажешь ему, Государь?..

»А мнѣ чтожь скажешь тебѣ? Ну... присуди, что мнѣ дѣлать?.. Опкажешь что ли?...«

»Если хочешь самъ опивдашь Московскаго госпинца, то опкажи; онъ прочень, долго не изломишь его.«

»Такъ говорижь скорѣй...«

— »Въ какую спорону бѣжашъ? Это шакже не выгодно для сшоллицы швоей,

Государь. Положимъ, самъ ты ворошишься сюда цѣль, а на нее долго тебѣ придется класъ запланы. Когда хочешь приняшь совѣтъ ошъ вѣрнаго слуги своего, пошли лучше ему воинъ. Мы отберемъ что ни самыхъ слабыхъ, увѣчныхъ; пусть ихъ водишь Москвитяне спанушь подъ руки или на спинахъ своихъ носяшь на бишву, намъ что до того.»

»А что скажешь Липва, когда узнаешь о нашей подмогѣ. Да и какъ разгнѣваешься Юаннъ, почтя насмѣшкою присылку шакой рапи, которая будетъ воевать не храбрѣй деревянныхъ коньковъ! Тогда онъ совѣешь свору изъ желѣза, заклеишь ее огнемъ, да и поведешь насъ самихъ подъ самые огнемешы.»

»Что касается до Липвы, Государь, она далеко! Пока доберется до насъ для защиты, или для вражды, намъ пройдушь ужъ сорочины, потому что

если мы раздразимъ Москвитянь, по многимъ не миновашь...»

»Понимаю, понимаю!« вскричалъ шруславой Князь. »Поѣзжай же спрѣшашь Іоанна и пригласи его ко мнѣ на опдохновеніе. Дѣлай, что знаешь; будь рукой, головой моею, только выпроваживай скорѣе опсюда эшу зимнюю саранчу.«

Микулинскій помолился въ передній уголъ, поклонился въ поясъ Князю своему и скоро сей услышалъ звонъ копытъ скачущаго коня его.

Іоаннъ прибылъ въ Торжокъ со многочисленною рашью своею. Жители встрѣпили его съ радостными криками, ибо они болѣе любили Москвитянь, одноплеменниковъ своихъ, и ради были служись ему усердно, чѣмъ Липовцамъ, копорыхъ они звали голыми челядинцами. Микулинскій сдѣлалъ ему пышную и почтительную встрѣчу: онъ сошелъ съ коня своего передъ нимъ;

низко поклонился ему, началъ привѣщсшвовашь его опть имени своего Князя и звашь къ нему въ Тверь опкушашь хлѣба=соли его.

»Не время угощашься мнѣ,« опвѣчалъ В. Князь. »Не за шѣмъ поднялся я въ походъ дальній, чшобъ распировывашь пиры по дорогѣ; а если хошите доказашь мнѣ пріязнь свою, шо пригошопте мнѣ воиновъ, чшобъ вмѣспѣ наказашь намъ нешкорныхъ Новгородцевъ. Хочу я шакъ посшупашь опнынѣ со всѣми опкрышыми и заспинными врагами своими.«

Микулинскій понялъ смыслъ послѣднихъ словъ Іоанна и, запинаясь, опвѣчалъ ему:

»Мы всегда гошопы покорсшвовашь шобѣ, Князю Князей нашему; повели и предспавимъ шобѣ пошребное число воевъ. Мы не ослушники волѣ швоей.

—»Знаю я шѣхъ, кшо одной рукой обнимаешь; а другой замашиваешься. Я жду

воиновъ ваѣпихъ къ дѣлу, кошорое скоро начнешся,« сказалъ значипельно Іоаннъ.

Ни слова не могъ возразишь Микулинской, молча поклонился В. Князю и пошелъ за нимъ смиренно, держась спремя его. Скоро показались ему другіе предспавишели. Эшо были Новгородскіе послы опасчики, прибывшіе просить у В. Князя *опасныхъ грамотъ* для Архіепископа Теофана и Посадниковъ, намѣревавшихся опсправиться къ нему для переговоровъ; ихъ было прое: Спароспа Даниславской улицы Федоръ Калишинъ, гражданинъ Жишовъ и гражданинъ Марковъ.

»Низменно бьемъ шебъ челомъ, Государю нашему!« говорили они. »Желаемъ благоденспвовашь многіе вѣки и просимъ униженно милосердія швоего: повели дашь свободный пропускъ...«

Іоаннъ почши не взглянулъ на нихъ и прервалъ ихъ просьбу, сказавъ:

»Вы сами ниже земли поступками сво-

ими, лицемерные люди! Въ глаза признаете меня Государемъ своимъ, а за глазо не только не держите имя мое грозно, но еще поносите его всячески. Я переговорю съ вами выспрѣлами.»

По манію его ихъ задержали, а онъ поѣхалъ обѣдать къ брату своему Борису Васильевичу въ Волокъ со всею свитскою и Микулинскимъ.

Во время шумной и роскошной прѣпезы начали разговоръ о Новгородѣ. Московскіе Бояре по очереди выходили изъ стола на средину обширной грядницы и кричали: пишь за здоровье (*) В. Князя, всего двора его, воинства и наконецъ

(*) Таково было обыкновеніе. Тотъ, кто предлагалъ пишь, спановился посреди горницы и произносилъ имя, за чье здоровье онъ пьетъ, выпивалъ до суха покаялъ свой и опорожненный опрокидывалъ на голову. Этому должны были слѣдовать все, къ иному изъ уваженія, къ иному изъ учтивости и такимъ образомъ часто повпорядъ это, нечувствительно напивались до пьяна.

союзниковъ. Микулинской закричали »Я пью здоровье будущаго побѣдителя Новгородцевъ!«

»И Тверяшянь,« подумали многіе про себя, осушивая большіе кубки..

»Будущее шаишя въ руцѣ Божіей,« скромно произнесъ Іоаннь; »а лучше выпьемъ за прошедшихъ побѣдителей ихъ, подивуемся ихъ храбросци и произнесемъ имъ въ шайнѣ души вѣчную память.«

Хмѣль вскипятила кровь молодосипи и разогрѣла даже холодъ спаросипи; языки всѣхъ зашевелились развязчивѣе и расплавленная опкровенность и смѣлосць обильно полилась съ нихъ.

»Правду-маньку сказашъ, Государь,« воскликнулъ Ряполовскій, »пы побѣдилъ ихъ лѣпшъ пяпокъ шому назадъ. Чесць тебѣ и слава! Но сами они жестпочае напыкались на смершь, купленную ими междоусобною сварою: она на нихъ изъза каждаго угла цѣлила спрѣлы свои,

и на швое оружіе напыкались они, какъ слѣпые мухи на свѣчку. Спало бышь, слѣдуешь пишь и за ихъ здоровье. Они и сами много помогли побѣдипь себя.»

—»Неошмѣнно,« подхвашилъ Сабуровъ; »и духъ междоусобій былъ для нихъ мечъ обоюду оспрый; а шо, я думаю, помвяшь и наши предки, какъ они въ свою очередь откидывались тысячью смершями и сметали враговъ своихъ съ родныхъ полей, какъ мешлами.

»Но вы забыли прибавипь къ числу собсшвенныхъ ихъ ранъ оспрые языки Липвянъ, »сказалъ Федоръ Давыдовичъ,« копорыми, какъ ножами, выпыкались они въ уши Новгородцевъ и вели ихъ корошкой дорогой на погибель.»

»Кому здоровье, а имъ анаеема, двоедушникамъ! Клянусь всей родней моею, покинушой въ Москвѣ, не щадишь до конца жизни своей эпо прокляшое племя, если встрѣшяпся они съ нами въ бишвѣ за Новгородцевъ, хопя бѣ они

налешали на насъ на огненныхъ драконахъ!» вскричалъ Князь Данила Холмскій.

»Въ Новгородѣ, говоряшь, лошадиной падежъ; а шакъ какъ они не завелись еще оными воздушными конями, по навѣрнякъ выѣдушъ прошивъ насъ на коровахъ,« говорилъ шуша Бояринъ Ощера.

»Эшакыхъ богашырскихъ коней и намъ надобно заговивъ для Мамона и Захарія, чшобъ ихъ храбросшь не занесла въ неминуемую гибель. Лошади для нихъ опасны,« говорилъ, шакже смѣясь, Князь Сприга Оболенскій.

»Да связашъ имъ ноги и подковашь рога!« прибавилъ Бояринъ Василій Образецъ.

»А сѣдокамъ брюхо, чшобъ скорый сполозшь на мѣль въ какую нибудь лужу для прикрышя,« сказалъ Сабуровъ.

»А ты на чемъ поѣдешъ, Царевичъ? На ласпочкѣ чшо ли? Она быспрѣй всѣхъ,«

спросилъ Князь Верейскій малорослаго, но плошнаго Ташарина Даніяра.

»Мнѣ не нужда швоя ласкочка, моя конь чшо швоя вѣшеръ, черезъ враги скачкишъ!« опвѣчалъ Даніяръ съ досадою при общемъ хохотѣ.

Мамонъ съ Захаріемъ переглянулись и гошговились чшо-шо возразишъ, какъ Назарій предупредилъ ихъ, сказавъ:

»Храбрымъ воинамъ здорвье, Лишвѣ анаеема! А какую жъ пѣсенку спѣшъ приверженцамъ эшихъ кощуновъ и чѣмъ зашпавишъ ихъ пригѣвашъ себѣ нехопя?«

»Я заколочу шѣмъ рошъ до самага клинка меча своего, кшо осмѣлишся шайно или явно доброжелательшво-вашъ имъ и поминашъ ихъ не лихомъ!« вскричалъ Князь Василій Верейскій.

»И я! и я!« раздалось повсюду. Издали слышались еще голоса пирующихъ воиновъ. Одинъ Даніяръ не совсѣмъ понималъ заговоръ Русскихъ Бояръ и въ недоумѣніи своемъ схватился обѣими ру-

ками за покаянь, думая, что опять всѣ принимающся пишь за здоровье, оглашая сводъ гридницы, тогда какъ надобно было схвашишься за мечи: ибо Іоаннь подалъ знакъ къ походу.

»Обрусьла Ташарская косточка: впрянулся въ винцо,« говорили Бояре, выходя садиться на лошадей. Даніюру же нѣкогда было слушать ихъ: онъ спокойно вставлялъ лице свое въ широкій кубокъ, какъ въ рамку или въ фушляръ, и впрягивалъ въ себя вино, какъ насосомъ.

Съ Московскою рашью отправился и брашъ В. Князя, Борисъ Васильевичъ.

Дружины шли тѣмъ же порядкомъ и чѣмъ болѣе предспояло имъ трудностей, тѣмъ ревностнѣе онъ спарались достигнуть Новгорода, какъ обѣщанной земли. »Намъ не привыкашь спать прокладываясь дорогу чрезъ лѣса, озера и болопа,« говорили рапники межъ собою; »полюко рѣшишь, вложи ногу въ спремя, да смѣлость въ душу: и пойдешь,

какъ по скаперши!« 4-го Ноября присоединились къ нимъ Тверскія дружины подъ предводительствомъ Князя Микулинскаго и привезли съ собою немалое количество съѣстныхъ припасовъ; но воины ея были худо одѣшны по споль ненаспному времени и были спочъ въ спочъ, по уговору Тверскаго Князя съ Микулинскимъ, незавидны для своихъ, ни грозны для непріятелей ни по виду, ни по дѣшамъ, ни по вооруженію.

Москвипяне смѣялись надъ ними. »Да они, видно, у смерши на прокашъ выпрошены,« говорили они, »и грозны сполько же для насъ, сколько для враговъ: и спѣхъ и насъ спанупъ моришь не мечемъ кладенцемъ, а смѣхомъ.« Іоаннъ примѣшилъ и эшу не оплошность, но хипроспъ или неуваженіе къ нему Тверскаго Князя; но промолчалъ и вынулъ себя бышъ къ нимъ милоспивымъ, а къ предводителю ихъ ласковымъ.

Черезъ нѣсколько времени В. Князь потребовалъ къ себѣ задержанныхъ опасчиковъ Новгородскихъ, долго велъ съ ними рѣчь, укорялъ ихъ въ невѣрности и наконецъ велѣлъ дать имъ опасныя или охранныя грамапы для пословъ ихъ и оппустилъ во свояси.

Между шѣмъ прибыли въ спань его многіе знашныя Новгородцы и молили его принять ихъ въ службу къ нему: иные изъ нихъ предвидѣли неминуемую гибель опечесшва своего; другіе же, опасаясь злобы шамошняго народа, который немилосердно гналъ всѣхъ подорываемыхъ въ тайныхъ связяхъ съ Іоанномъ, ускользнули опъ меча его и оградились Московскимъ опъ явно грозящей имъ смерши.

Въ числѣ прибывшихъ вельможъ Новгородскихъ находился, къ удивленію всѣхъ, Посадникъ Кирилль (опецъ Чурчилы); всѣ знали въ немъ вѣрнаго приверженца вольности Новгородской и

ревностнаго защипника правъ ея. »Какой въперъ вынесъ шебя изъ дома опцовъ швоихъ и занесъ сюда? добрый или злой?« спросилъ его В. Князь.

»Тамъ пошянулъ на меня злой въперъ Государь, а къ шебъ занесъ добрый,« отвѣчалъ Кирилль. »Обида невыносимая, личная сгибаешъ шеперь главу мою предъ побой. Прикажи, я повѣдаю ее,« продолжалъ онъ, низко кланяясь, но говоря надмѣнно, между шѣмъ какъ чувшва сильнѣйшей досады выжимали слезы изъ глазъ его.

»Чшо мнѣ до шого?« сказалъ В. Князь. »Тебя и всѣхъ спарѣйшинъ Новгорода можно назвашъ спарыми дѣшыми, пошому чшо вы играеше опасностью и спрашищесь бездѣлицы. Ты бмь одинъ изъ злѣйшихъ враговъ моихъ и я наказую шебя милосшю прощенія моего!« говорилъ Иоаннь, ласково положи руку свою на плечо его.

»Испинно наказуешъ, Государь!« вос-

клицалъ Кирилль, всхлиывая и цѣлуя руку его. »Раскаяніе гложешъ, совѣсть душишь меня. Позволь мнѣ хошя умерешъ за тебя!«

»Хорошо, спарикъ,« ошвѣчалъ В. Князь, »скоро пошлю я шебя опяшь домой съ рапью моею. Если шы вѣрно сослужишь мнѣ службу эшу, шо самъ въ себѣ успокоишь совѣсь; а если — шы понимаешъ меня,—хошя шы скроешься въ нѣдра земли, не забудь, есь Богъ между нами!«

» И съ нами, Государь! вездѣ присушсвуешъ духъ Его. Посылку швою приму я, какъ драгоцѣнную награду: она зажжешъ въ спарикъ пылъ молодоспи и окрѣпишь руку мою. Первая голова вражеская падешъ ошъ нее за Москву, вшорая за чадъ и брашій швоихъ, а моя сѣдая скапится за самага шебя!...«

»Ну чшо вашъ Новгородъ?« спросилъ В. Князь прочихъ; »силился ли онъ обороняшся?«

»Смотришь-шо онъ богатыремъ, Государь,« ошвѣчали ему Новгородцы пророческимъ голосомъ; »силился шянушь-ся къ верху, да ноги-шо его слабеньки. Цюгодя немного, упадешь онъ сперва на колѣна, а памъ скоро и совсѣмъ склонися, чокнешся самой головой о землю, разсыплешся весь ошъ меча пво-его и разнесешся чупъ видимою пылью, шакъ чшо и слѣда его не ошпанешся, кромѣ помину молвы далекой, много-лѣшней!...«

Всѣхъ ихъ В. Князь принялъ въ службу свою и одарилъ милосшиво.

Досшигнувъ *Пѣлины*, Іоаннъ вновъ успроилъ войска, для начашія уже непріяшельскихъ дѣйсшвій. Передовой ошрядъ ввѣрилъ онъ брашу своему Андрею *меньшому* и шремъ опышнѣйшимъ и храбрѣйшимъ Воеводамъ: Холмскому съ Косшромишянами, Федору Давыдовичу съ Коломенцами и Князю Ивану Оболенскому Сшригъ съ Владимірцами;

въ правой рукѣ велѣлъ онъ идти брашу своему Андрею *большому* съ Тверскимъ Воеводою, Княземъ Микулинскимъ, съ Боярами: Григорьемъ Никипичнымъ и съ Иваномъ Жипымъ съ Дмишровцами и Кашинцами; съ лѣвой руки брашу Борису Васильевичу съ Княземъ Васильемъ Верейскимъ и съ Воеводою машери своей Симеономъ Пѣшковымъ, и въ собственномъ полку Великокняжескомъ знавшѣйшему Боярину Ивану Паприкѣеву, Василию Образцу съ Боровичанами, Семену Ряполовскому, Князю Борису Оболенскому и Сабурову съ ихъ дружинами, также всѣмъ Переяславцамъ и Муромцамъ съ ними. Передовые отряды сихъ дружинъ должны были занять городъ Бронницы. Распорядясь такимъ образомъ, В. Князь послалъ Дьяка своего Григорья Волина съ записью во Псковъ съ шребованіемъ себѣ подмоги и продовольствія отъ Псковичанъ.

Взглянувши поверхностно на шог-

дашее соспояніе Твери, не оставимъ безъ вниманія (хопя крашкаго) и Псковъ.

Псковишяне, недалекіе сосѣди Новгородцевъ, опъ часпыхъ сношеній съ ними, перенимали у нихъ способы промышленности, законные и незаконные; но свобода ихъ была въ пѣснѣйшихъ границахъ, нежели послѣднихъ: опъ чего сіе и дразнили ихъ рабами Московипскаго Князя, запечными вишязями и пому подобными именами, хопя Псковишяне далеко гуливали за добычей, какъ спши голодныхъ волковъ и часпо безъ возвраша; но чаще навьюченные добромъ, не смопря на шо, что оно доставалось имъ зломъ.

Правишель ихъ, Князь Ярославъ, былъ упрямаго нрава. Ограждаясь покровишельствомъ Іоанна, кошорый къ нему благоволилъ, узду правленія своего, крушо свшпую изъ самовласпія, держаль онъ жрѣпко въ кулакъ, кошорая часпо обращалась у него въ плеть. Народъ не

любилъ его и порою снюхиваясь съ удалцами Новгородскими, набирались у нихъ уму-разуму, какъ бы вырвашь съ корнемъ эшошъ неласковый госпинецъ изъ рукъ грознаго Ярослава, кошорымъ онъ никого не одѣлялъ. Порою вспыхивали буншы, народъ шолпился на площадяхъ, шребуя себѣ расправы на Вечѣ; но жалованье правишеля ихъ, съ избыткомъ выдаваемое имъ изъ собшвенныхъ рукъ его; спрашныя окрики голоса его, кошорый потрясалъ спѣнами, какъ хворостинными плешушками, пшицъ изъ гнѣздъ выпугивалъ и разносился по вѣмъ концамъ города, какъ спшоусшая молва, разомъ вывѣшривалъ изъ головъ ихъ заблужденіе, какъ похмѣлье, и приводя въ себя, сгонялъ съ площадей какъ голикомъ, каждыаго мель въ свой уголь.

За нѣскольао времени до прибышія Дьяка Волнина во Псковъ, граждане, не могшіе перешерпѣшь осязанія ежовыхъ рукъ его, наконецъ рѣшились, во чшо

Часть IV.

4

не спанешъ, приступомъ выжишь его изъ города своего и, если не пойдешъ онъ волею, шо заарканишь его и распаскашь по часпямъ, какъ драгоцѣнную добычу. Чего не сдѣлаешъ опчаянность, а болѣе наушеніе сосѣдей! Скоро самая середина города была свидѣтельницаю брѣвовой бишвы ихъ съ сохранною дружиною его; головы летали, какъ шапки, и шолько ночь развела обѣ парпїи пропивниковъ, залѣпивъ имъ глаза мракомъ, такъ, что часшо шолчки между ими были не вражескіе, но дружескіе, шо есть, вмѣсто чужихъ, попадали они въ своихъ.

Съ шѣхъ поръ многохвостая узда правленія его развилась и ему спало не въ подъемъ уже замахиваться ею на горожанѣ. Къ шому же В. Князь, видя, что мышамъ не ужишься съ копомъ, вызвалъ его изъ города и назначилъ на мѣсто его, по просьбѣ самихъ Псковлянъ, Намѣстникомъ, Князя Василья Васильевича Шуйскаго. Онъ опправилъ

его къ нимъ еще изъ Торжка съ прѣ-
 бованіемъ немедленнаго вооруженія ихъ
 проливъ Новгорода; но долго не полу-
 чая опъзыва опъ нихъ о причинѣ заме-
 дленія ихъ, наконецъ опсправилъ помя-
 нушаго Волнина со впорымъ повелѣ-
 ніемъ, шакого же рода.

Московскій Дьякъ, прибывши во Псковъ,
 увидѣлъ въ немъ почпи однѣ головни,
 шорчащіе обгорѣлые сполбы, да закоп-
 пѣлыя спѣны. »Вопъ шы самъ видишь«
 говориши Псковишяне Волнину, »какую
 мы помощь можемъ подашь В. Князю,
 когда сами нуждаемся ею!«—Вижу, опвѣ-
 чаль Дьякъ,—чшо не спѣны ваши цѣлы,
 а сами вы; да и намъ не онѣ нужны, а
 сами вы. Чшожь вамъ шупъ оспа-
 лось дѣлашь, не жаръ загребашь, али
 начинашь работашь шопоромъ? Лучше
 дѣйшвовашь мечемъ. — »Да мы еще
 льемъ слезы на пепелѣ нашихъ жилищъ,«
 говорили они, уклоняясь опъ зову его.

—Ужь шеперь поздно заливашь ими по-

*

жарище, — опивчалъ онъ опяишь и спалъ
шребовашъ опъ нихъ наспойчивѣе лю-
дей и оружія.

Они уже перешепнулись съ Новго-
родцами; пѣ манили ихъ соединеніемъ
съ собою всякими лестными наградами,
а короче скажашъ, догадливые Пскови-
шяне смѣкнули, чшо они опъ всякаго
выигрыша, полученнаго опъ Новгород-
цевъ, будущъ въ проигрышѣ, пошол-
пились на Вѣчѣ и рѣшили: »если мы
передадимся Новгороду и онъ падешъ,«
шолковали они межъ собою, »шо прида-
вишь и насъ. Лучше не раздраживашъ
Московскаго Князя, а поскорѣй послужи-
вашъ ему всячески, чшобъ самимъ не
пришлось расплачивашься дорого.« Къ
шому же новый Намѣспникъ нудилъ
ихъ къ скорѣйшему выполненію воли
Великокняжеской, и они, хопя со вздо-
хами, но выдвинули свои пушки, са-
моспрѣлы и, набравъ сильную рашъ, съ
семью Посадниками, высшавили ее Шуй-

скому, которъй и поспѣшилъ съ нею къ берегамъ Ильменя, къ устью Шелони, гдѣ назначенъ ему былъ пришонъ опъ В. Князя.

ГЛАВА IV.

СТАВКА МОСКОВСКОЙ ДРУЖИНЫ. ПРИБЫТИЕ ВЛАДЫКИ
ФЕОФИЛА СО СВИТОЮ ВЪ ПАЛАТКУ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКУЮ.
ПРОСЬБЫ ИХЪ И ТРАПЕЗА У В. КНЯЗЯ. К. ИВАНЪ
ЮРЬЕВИЧЪ УГОВАРИВАЕТЪ ИХЪ. НЕСОГЛАСІЯ. НОВГО-
РОДЪ. ЗАНЯТІЯ МАРФЫ. ПОЛУЧЕНІЕ ЗАПИСИ ОТЪ Ю-
АННА. ССОРА НА ВЪЧЬ. ШУМЪ И СПОРЪ НАРОДА. ПО-
ГОЛОВНОЕ ВООРУЖЕНІЕ НОВГОРОДЦЕВЪ.

Оружіе, людей бичи,
Уже огнь жерпвы не далеки;
Зажглося солнце на Воспокъ
И вспрепенулся мечи.

..

В. Князь находился уже въ *Сытинь*.
Все быспро споспѣшествовало желані-
ямъ его: по одному звуку голоса его
ошвсюду спекались рашные люди, об-

реки за него положишь головы; по одному манію его двигалось пьмочи-сленное воинство и съ соревнованіемъ спремилось шуда, куда указывалъ персть Великаго.

23 числа Ноября, рано ушромъ, когда еще солнце опмѣчивалось на Воспокъ блѣднымъ шаромъ, чупь, чупь выкашывающимся на небо, когда спанъ Москвишанъ только что зашевелился, кошорый издали не могъ бытъ видѣнъ, ибо бѣлыя палатки, слившись подь одинъ цвѣтъ съ глыбами снѣга, опушавшаго ихъ со всѣхъ споронъ, какъ опушкою, казались непримѣпными; только сверканіе оружія обозначало его; въ эпо-шо время показался большой поѣздъ опъ Новгорода. То былъ самъ Владыка Новгородскій, Теофилъ съ многочисленною свипою.

Прибывъ къ палаткѣ Великокняжеской, опличавшейся опъ другихъ об-

ширными полями своими, широко распахнутыми по полю, и большимъ золоченнымъ яблокомъ на верху ея, прищельцы скинули шапки, подошли ближе и, бывъ оспановлены спражею, сказали имъ просьбу и нужду свою: видѣвъ Иоанна и бишь ему челомъ опъ имени всего Новгорода. Десяпникъ спражи доложилъ о семъ ближнимъ Боярамъ Великокняжескимъ, а сѣи самому ему; но онъ уже слышалъ голоса прибывшихъ и, вышедъ къ нимъ, вспрѣшилъ многихъ людей всякаго чина въ богашыхъ собольихъ шубахъ на распашку, изъ-за копорыхъ видѣлись золопой парчи кожухи. Теофиль споялъ впереди смиренно и, завидѣвъ В. Князя, низменно поклонился ему, чему послѣдовали и прочіе, и начали говоришь съ нимъ, не поднимая головы:

»Государь и В. Князь!« началъ Теофиль, »я богомолецъ швей со священниками семи соборовъ и съ другими

людинами, молимъ тебѣ упушпшь гнѣвъ, кошорый возложимъ шы на опчину свою. Огнь и мечъ швой ходяпшь по землѣ нашей; не попусти гибнуть рабамъ швоимъ подъ вельемъ ихъ.»

Другіе просили у него свободы давно заключеннымъ Боярамъ. Новгородскимъ въ Московскія цѣпи. » Они сами сковали ихъ на себя,» отвѣчалъ сурово Іоаннъ, и не продолжая разговора съ ними, пригласилъ однако къ себѣ на шрапезу.

Во время шрапезы В. Князь посылалъ Боярамъ кушанье въ разсылку, но Новгородцамъ особенно, кромѣ сего хлѣбъ (*), а Теофилу соль (**); ендовы перварнаго меда возвышались на сполѣ для всѣхъ, а владыку Новгородскаго угощаль онъ изъ собственнаго посщав-

(*) Кому посылали В. Князя хлѣбъ, шому изъясляли милоспше свою.

(**) Присылка соли означала любовь.

ца (*). Всѣ были пленены его обхожденіемъ и не знали, какъ изъявишь преданность свою. «Еслибъ зависѣло ошъ одного меня опдашь побѣ городъ, Государь,» говорилъ Теофиль; «я бы учинилъ эшо скорѣй, чѣмъ подумалъ о семъ.»

«Вѣрю» опвѣчалъ ему Іоаннъ; «но мнѣ желательнѣо зная, какъ приняла Новгородцы запись мою, опправленную къ нимъ еще изъ Москвы? чшо придумали и чшо присудили ваши думныя головы опвѣчашъ на нее? За миръ, или за мечъ взялись они?...»

Теофиль молчалъ, но выраженіе лица его высказывало послѣднее. Іоаннъ понялъ его.

Разговоръ обратился на другой предметъ. «Чай скоро вы спанеше послничашъ? Городъ вашъ со всѣхъ споронъ обложился нашей рашью шакъ, чшо

(*) Или буета.

и пшица безъ спроса не будешъ смѣшь
пролетѣшь въ него? »спросилъ одинъ
изъ Московскихъ Вояръ Сановника Нов-
городскаго.

»Если не пшицы, такъ спрѣлы на-
ши спавушь лешашъ къ нимъ разсып-
нымъ дождемъ!« примолвилъ другой.

»Чипожъ? въ такомъ случаѣ придется
вамъ взятьъ городъ порозжій,« отвѣчалъ
покойно Новгородецъ.

»Эшо значить, вы всѣ хошище поме-
решъ смертію голодной?« спросилъ
шопъ же Бояринъ.

»Намъ нѣкогда будешъ думать объ
яспвахъ, сидя на спѣнахъ и бойницахъ!«
возразилъ спокойно Новгородецъ.

»Имъ голоднымъ-то еще легче будешъ
переекакивашъ чрезъ спѣны, чшобъ
ощбивашъ насъ опъ нихъ!« сказалъ дру-
гой Бояринъ.

»А я думаю напропивъ: шоще-шо
они не перешагнушь и чрезъ подворотъ-

ню домовъ своихъ, не шодько чшо
чрезъ спѣны. Да шѣмъ и для насъ луч-
ше, пошому чшо не ловко мѣшишься
въ шѣни,« прибавилъ шрепшй Бояринъ.

»За шо мы не будемъ промахивашься въ
смѣлчаковъ Московскихъ; наши огне-
шпы дѣбры; шолько подходише погрѣшь-
ся къ нимъ; какъ шаркнушь, на всѣхъ
доспанешъ,« сказалъ другой Новгородецъ.

»Не шакъ ли, какъ лѣшь пянокъ шо-
му назадъ, когда огнешпы ваши сами
прохлаждались въ озерѣ (*)?» спросилъ
его еще одинъ Воевода Великокняжескшй.

»Тогда были измѣнники среди насъ;
ихъ вы осыпали золошомъ, а шеперь
они засыпаны землею,« опшвѣчалъ язви-
шельно и съ шоржесшвшующшмъ видомъ
Новгородецъ.

»И шеперь они еспѣ, шолько хвала

(*) Въ первую войну Иоанна съ Новгородомъ пуш-
ки свои Новгородцы въ послѣднемъ бѣгшнѣ по-
шопали въ Ильмень, чрезъ кошорый бѣжали они.

Богу, не между нами,» сказалъ другой, искавъ глазами Захарія съ Назаріемъ; но ихъ не было въ палашкѣ Великокняжеской.

Трапеза покончилась. В. Князь нарочно при Новгородцахъ приказалъ собрать всѣхъ Воеводъ своихъ и отдавалъ имъ распоряженія къ скорѣйшему выпуску въ походъ. При глазахъ ихъ спройныя дружины развивались и свивались, быстрые конники взмешывались на лошадей, оружіе звучало и сверкало, трубы далеко разносили звуки свои, во всѣхъ кипѣла жизнь, душа, смѣлость; и послы, смотря завидливо и боязненно на цвѣтъ Московскаго юношества, взмолили Андрея меньшаго о заступленіи его за нихъ у Іоанна; но Іоаннъ, выходя изъ палашки своей для обозрѣнія воиновъ, поручилъ говорить съ ними Князю Ивану Юрьевичу, кошорый и прислушалъ къ сему дѣльному образомъ.

»Чего же вы хотите отъ Государя моего, чпимые мужи Новгородскіе?« спросилъ онъ ихъ.

»Князь! одна наша просьба до него и васъ,« сказалъ одинъ изъ нихъ: »уймите мечи свои. За что ссорилъсь намъ и что дѣлишь единокровнымъ сынамъ Руси православной?...«

»Челобитише наше предъ Государемъ!« говорилъ другой. »Прими отъ насъ въ милоспъ свою мужей вольныхъ, а памъ пуспъ будешъ шо, что Богъ положишъ ему на сердце; воля его, шерпѣніе наше, а претерпѣвѣй до конца спасенъ будетъ.«

»Милоспъ и казнъ въ Его власпи,« опвѣчалъ имъ Князь Иванъ; »ни шо, ни другое не обойдешъ васъ, чего будеше доспойны. Покорилъсь и примите его во врапа градскія, какъ единспвеннаго законодателя вашего.«

»Мы дозволимъ ему дѣлать власпъ наровнѣ съ Вѣчемъ!« восклицали Новго-

родцы,« только оставь онъ намъ чпное мѣсно, завѣщанное намъ и всѣмъ попомкамъ нашимъ опъ дѣдовъ и опцовъ...»

»Пожалуй, обратише вашъ колоколь въ пронъ, и возсядешь на немъ Князь нашъ и начнешь править вами мудро и законно; и хоша не попустишь ни чьей вины предъ собою, за шо и не дасшь никого изъ рабовъ своихъ въ обиду врагамъ. Скажише эшо землякамъ своимъ, и мечъ нашъ въ ножнахъ и покадь въ рукахъ! »говорилъ Князь Иванъ увѣщательнымъ голосомъ.

»За чшо гнѣвъ его поднялся надъ главами нашими, какъ гроза небесная? Развѣ мы не чеспвовали имя его грозно? Развѣ дары наши богашые не ломили блюдь золошыхъ, копорые подносили мы чспни его? Развѣ не низко клонили мы головы свои и самому ему и вамъ господамъ чспнымъ? Примише

въ милосердіи свои. Поупушаль насъ прежде враждебный духъ Липвы; но нынче не поддадимся мы ему! На васъ вся надежда наша; не обойдите насъ заступленіями своими: замолвите за насъ словцо у Князя Великаго, и благодарность наша къ вамъ будетъ немалая,« просили Новгородцы Князя Ивана.

Въ разговоръ ихъ вмѣшался Федоръ Давыдовичъ, обращаясь къ Новгородцамъ и говоря имъ:

»Однако Липва-то оспавила въ васъ недобрыя сѣмена свои, именно: сѣмена лжи и непризнапельности. Не вы ли присылали Сановника Назарія и Вечеваго Дьяка Захарія, чшобъ назвашъ Князя нашего Государемъ своимъ, и послѣ опрелись опъ собспвенныхъ словъ своихъ, какъ опъ вины задушевной? Не вы ли окропили площади города своего кровью мужей знаменитыхъ, копорыхъ чшилъ самъ Іоаннъ Васильевичъ? Не вы ли мѣкали предашься опять

Липвянамъ злонамѣреннымъ, кошорые, какъ духи злобы, не разъ уже опушывали васъ словами, какъ сѣшями злокованными? Души ваши заполамъ въ улещеніяхъ ихъ и вы, возгордясъ небывалою помощію чужеземныхъ пришельцовъ, подняли щакъ головы свои, что и спрѣлой не доемнешь до васъ, кичливыхъ! — Теперь раздѣлывайшесъ же съ оружіемъ нашимъ, или клонисе подъ него добровольно выи свои; одно эшо спасетъ васъ.»

Князь Иванъ прибавилъ имъ въ заключеніе:

»Долго шерпѣлъ Князь нашъ нестерпимое; но щецерь обнаружилъ мечъ свой по слову Господню: *»Аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой, облики ега наединѣ; аще не послушаетъ, поими съ собою два или три свидѣтеля; аще ли и тѣхъ не послушаетъ, повѣждь церкви; аще ли и церкви нерадѣть станеть, будетъ яко язычникъ и мѣтарь.*

«Уймись и буду васъ жаловать», писалъ Князь Великой; но вы неправымъ ухомъ слушали слова его и милость его унялась къ вамъ. Заключенныхъ горожанъ также не освободишь онъ: ибо вы же сами прежде жаловались на нихъ, какъ на незаконныхъ грабителей опчизны вашей. Ты самъ, Лука Исаковъ, находился въ числѣ испцовъ, и ты, Григорій Кипріяновъ, опъ имени Никишиной улицы, говорилъ онъ, обращаясь по къ тому, по къ другому. «Мои уста произносятся слова В. Князя. Буде хопише образумишься, вамъ условія вѣдомы; а по мечъ помиришь насъ, хопя и не онъ поссорилъ.»

Съ поникшими головами слушали Новгородцы увѣщанія Воеводъ Московскихъ, и сказавъ, что они сами ничего рѣшить не могутъ, популя очи выпли изъ спавки и немедленно поплелись домой съ приспавомъ Великокняжескимъ для ихъ безопасности: ибо

воины Московскіе неласково посмащривали на спѣсивыхъ и упрямыхъ пословъ, и гошовы были пошчасъ угорорить ихъ, или нащроить на свой ладь оружіемъ.

Вскорѣ послѣ опѣзда ихъ двинулись дружины подѣ главными начальщвами Федора Давыдовича, Князя Холмскаго и Князя Оболенскаго Сприги къ Городищу для заняшя монастырей, чшобъ Новгородцы не выжгли ихъ. Ночь спукалась на землю и черная, какъ одинъ изъ семи смершныхъ грѣховъ, обволакивала природу непроницаемою сѣшью своею. Она должна была окрасишья кровью и огнемъ, скривая въ себѣ сполько оружій смерти. Воины смѣло бросались въ озеро Ильмень, закованное полшшимъ льдомъ, возглашая: »Наша.ло время послужишь Государю! за насъ правда и Богъ Вседержишель!...«

Вѣщерь завываль въ ущельяхъ горъ жалобно, какъ бы шоснуя заранѣе обуду-

щихъ жертвахъ смерти, и пуспынный воздухъ далеко разносилъ слова воиновъ.

Обратимся къ Новгороду и посмотримъ, что дѣлалось тамъ во время похода Іоаннова. Шумное Вѣче часто оглашалось разливистымъ колоколомъ при многочисленномъ собраніи Посадниковъ и Сваросъ всѣхъ улицъ въ ожиданіи опѣвша опъ Іоанна на запись ихъ. Теофиль былъ неусыпнымъ блюстителемъ тишины и спокойствія, не смотря на то, что Марѳа съ Тысяцкимъ Есиповымъ и съ Липовскою челядью всегда усиливалась перекричать колоколъ Вечевой, спараясь раздувать не совсѣмъ попухшее пламя въ Новгородцахъ, чшобъ опалишь имъ всѣхъ подозрительныхъ для нее людей. Вороша *худнаго* дома ея широко были опворены не только для клеветовъ ея, но даже и для нищей брашны, для всѣхъ, кто нуждался упомяшь жажду свою и

голодь изъ кипящихъ чановъ ея, наполненныхъ всякими припасами и вспавленныхъ на дворъ дома ея въ земляную яму. Послѣ насыщенія простомлюдиновъ, служители ея щедрю рѣкою звучали мѣдною монетою и небрежно разсыпали оную полпящемуся народу, громко подъ дикшовку кмѣля возсылающему за здравіе ея самой и благое соспоянiе всего дома ея, во вѣки вѣковъ, усердныя мольбы.

Окруженная неопшпунными собесѣдниками своими, блиспающими другъ передъ другомъ свѣплыми кубками, спопами и брапинами, съ поржеспивующимъ видомъ смопрѣла она изъ окошекъ своихъ на обращенные къ ней низкіе поклоны бродягъ, покрыпыхъ рублищами, съ восшищеніемъ прислушивалась къ крикамъ ихъ, выражающимъ воспоргъ пресыщенія, упоенія и благодарности къ виновницѣ часпыхъ праздниковъ для ихъ желудковъ. Крикъ эшопъ былъ цохожъ

на говоръ грачей и воронъ, дѣлящихъ малую добычу свою. Марѳа владѣла богатствами непрожитными, несметными, движимыми и недвижимыми. Лишившись дѣшей своихъ, видя будущность свою одинокую, темную, она не знала, кому передашь и сокровища свои и вздохъ предсмертный; но бывши характера гордаго и честолюбиваго, она не шихо и уединенно хопѣла проводить покинутую истинными радостями жизнь свою и встрѣпшитъ разлучницу съ нею: мещь и слава завладѣвали всею ею; эшимъ чувствамъ покорялась она вполне и щилась всеми способами пищать ихъ шѣмъ, что я уже объяснялъ чипашелямъ своимъ.

Какъ богашства ея для народа, шакъ и душа была насыжъ отворена для преданныхъ ей. Хишрые Лишвины пронырствами своими и мнимымъ участвиемъ въ дѣлахъ ея, дошарились сперва до вниманія ея, а послѣ прислупомъ

взяли все довѣріе ея. Изъ числа ихъ, Звѣршеновскій, ошмѣченный опшъ природы клеймомъ нелюдимоспи и звѣрства, болѣе всѣхъ былъ въ гармоніи съ душой ея, упиитанный такою же ненавистью къ человѣчеству. Сокровища ея обзолочивали его; но знапность, сила, власшь, роскошество и вишеватый языкъ ея, двигающій шапками умами Новгородцевъ, былъ полезенъ для соопечественниковъ его; и пошому-шо Липвины шакъ усиленно домогались закабалишь ее въ сѣпи свои.

И шакъ, когда Новгородъ зашихъ нѣсколько и буйства его не спали вспыхивать явно, кинжалъ злоумышленниковъ Марѣиныхъ спалъ обаграться шайно кровью не соучастныхъ съ ними людей. Каждый имѣлъ своего врага, дѣлились на паршин и слабые не осмѣливались по ночамъ переспупать пороги жилищъ своихъ. Городъ подобилъ

ся припону скрытыхъ разбойниковъ, денныхъ друзей, а ночныхъ убійць. Такое соспояніе его продолжалось до самой опвѣстной грамапы Іоанновой.

Наконецъ прибылъ съ нею Родіонъ Богомолвъ въ Новгородъ и прямо на Вѣче. Народъ, увидя и заслыша сіе, пошянулся шуда со всѣхъ споронъ и скоро сполпился на Дворищъ Ярославлевомъ. Онъ, попчасъ прибывъ шуда, началъ шребовашъ скорѣйшаго прочпенія грамапы, изъявляя неперпѣніе свое дерзкой разноголосицей, совершенно забывъ объ уваженіи къ чпимому имъ мѣспу.

Новоизбранный Дьякъ Вѣча, попросивъ благословенія у Владыки Теофила, поклонился на всѣ спороны, поднялъ вверхъ руку и замахалъ бумагой гудящему народу въ знакъ молчанія. Скоро общая шишина водворилась и слухъ

всѣхъ приковался къ устамъ чшпающаго дѣлка; но эша пишшна была мгновенна, эшо было молчаніе предъ бурей.

Чшобъ показатъ собою примѣръ уваженія къ Московскому Князю, Теофиль снялъ клобукъ свой и, преклоня нѣсколько голову, почшпипельно и внимательнѣ слушалъ запись; но когда дѣло дошло до складной грамошы, посланной Новгородцамъ, лице его поблѣднѣло, какъ саванъ, Посадники содрогнулись невольнѣ, а народъ, объятый минушнымъ ужасомъ, онѣмившимъ уста его, не вдругъ взошелъ въ себя. Марфа первая, переглянувшись съ своими значшпельно, вскочила съ мѣспа своего, нешпово блеснула очами и вскричала:

» Ну, что скажете вы шеперь, совѣшпные мужи Новгорода Великаго? Прячшпесь скорѣй въ подпольныя норы домовъ своихъ, или несите Иоанну на

Часть IV.

5

золотомъ блюдѣ серебряныя головы чпимыхъ спарцевъ, защитниковъ родины. Свершились слова мои и опустились ваши руки! Кпожъ изъ васъ выберется бытъ Иудой-предашелемъ? Спѣшите, пока всѣ не задохлись еще совѣспью, пока гнѣвъ Божій не разразился надъ вами смертными спрѣлами.»

»Напрасно ты насъ урекаешь, Боярыня, въ шакихъ зазорныхъ дѣлахъ. Пуспъ вражескій мечъ выпочитъ жизнь мою, а я все паки останусъ сыномъ, а не пасынкомъ опечеспва моего!« возразилъ ей важно Тысяцкій Есиповъ.

»Чеспъ шебъ и слава!« ошвѣчала ему Марѳа. »Все равно умерешъ: со спѣны ли родной скашипся голова швоя и оплешипъ рука, поднимающая мечъ на врага, или заспанешъ смерть пришаившагося опъ блеска оружія смерпоноснаго! Имя швое,« продолжала Марѳа, »останешся незаклейменнымъ чер-

нымъ пышномъ пезора въ скрижаляхъ
вѣчности; а Посадники наши, ужъ я ви-
жу; робко озирающся, какъ будшобы
ужъ ищутъ скрышаго мѣста, гдѣбъ
сокрытъ себя и погребсти честь
свою.»

Всѣ гошвы были опражашся и
словами и мечами; но Кирилль преду-
предилъ всѣхъ.

«Боярыня!» вскричалъ онъ, раздражен-
ный, словами ея, «честь такая монета,
которая не при тебѣ была чеканена,
спало бышь не тебѣ и говоришь о
ней. Теперь однимъ мужамъ пристало
совѣшь имѣть о дѣлахъ опчизны на-
шей, а словоохотливые язъки женъ—
шупые мечи для нее.»

Уязвленная гордыня Марѣы судо-
рожнымъ дрожаніемъ проспупила на
всѣ члены ея; не вдругъ отвѣчала она,
спараясь не выказашъ движенія гнѣва
своего.

«Давно замѣчаю я, но теперь ясно вижу, въ кого мѣшались стрѣлы твои, Кирилль. Черный языкъ твой хочешь закопчить и меня, чѣмъ моимъ пониженіемъ лишишь Новгородъ всякой опоры. Ты давнишній навѣшникъ Іоанна Московскаго; ты достоинъ награды измѣнника Упадыша, Василья Никифорова и другихъ злоумышленниковъ пропивъ опечалны своей. Кипо изъ васъ сохраняетъ еще любовь къ бѣдной родицѣ нашей,» говорила она, возвышая голосъ, всему собранію, обмешывая всѣхъ спрашными глазами, «допытайте сего невѣрнаго раба оспріемъ вашимъ и вышвырните имъ изъ него змѣю-душу его, а шо ядъ ея привьешся и къ вамъ!»

Эшотъ взрывъ неистовства ея вскипшилъ всю кровь въ Кирилль. «Славь Бога,» отвѣчалъ онъ, скрежеща зубами, «чшо ты далеко каркаешь ошь меня и руки мои не достанушь до шебя; гор-

дись и шѣмъ, что тебѣ дозволяетъ честное собраніе наше осквернить собою это священное мѣсто; съ котораго справедливая судьба скоро закинетъ тебя прямо на костеръ. Товарищи и братья мои,» продолжалъ онъ, «взгляните проницательнѣе на эту гордую бабу: кто окружаетъ ее? Пришлецъ, сволочь иноземная! Кто внимаетъ ей? Подкупные двашуны, соръ опечесства нашего!»

Бѣшенство Марѣи разжигалось все болѣе и болѣе и разразилось наконецъ воплемъ ярости.

«Заклепите его въ кандалы и швырните на разщипку копій и мечей!» кричала она, задыхаясь, челядинцамъ своимъ, что вѣрно бы исполнилось, еслибъ Кириллъ не доказывалъ уже много разъ ревностной приверженности своей къ отечеству. Всѣ почитали его за это и заслѣбывали ему могущество Марѣи. Но чье сердце не промочить золой

дождь, прыскающій обильными изливани изъ кармановъ ея. Народъ заропщаль, задвигался и гошовъ уже бьяль прпянушь на Кирилла; но мечъ его далеко уже разширять себъ дорогу. Не всъ быди на него, много людей было и за него.

»Иножь намъ дѣлатъ шеперь и съ чего начатъ?« сказалъ Есиповъ, когда общій говоръ, какъ перекашты грома, запахаль по немногу.

Ееофиль, свидѣшель мяшежа сего, испощилъ въ убѣжденіяхъ народа опъ бунша, вспыхивавшаго уже въ иныхъ мѣспахъ, и сидѣль поникнувъ головою. Голось Есипова разбудилъ вниманіе его. »Сами виновашы вы,« говорилъ онъ. »В. Князь вправѣ обрушиться на головы ваши мспящую десницу свою: »смиршеса и даспса вамъ оппущеніе вины! «

»Нѣшть, Владько, швое дѣло молшпсья

о насъ, а не оспанавливать оружіе наше!» кричали ему въ отвѣтъ. «Іоаннъ ненасышимъ и мечъ его голоденъ, да и Москвитяне зачванились ужъ больно: мы ли, не мы ли! кто успоитъ супрошивъ насъ? Посмотримъ, чья возьметъ. Мы сами охошники до вражеской крови. Если не спанемъ долго драшья, то эшакъ опвыкнемъ и мечемъ владѣшь! и проч.» кричалъ народъ, поощряемый Марвою.

Кто былъ поразумнѣе, слѣдовательно и поразсудительнѣе, смѣло возражалъ ему:

«Словами-шо и комара не убьете! Гдѣ вамъ, взявъ народа прошивъ сильной раши Московской? Развѣ изъ снѣга накапаете его? У Московскаго Князя больше воевъ, чѣмъ у васъ спрѣлъ! На него вамъ идти, все равно, что безногому лѣзть за гнѣздомъ орлинымъ. Лучше поклонитесь ему пониже.»

«Да, а онъ и сожнетъ наши головы,

какъ шапки снимешь! И поклоняешься-
 шо ему все равно, что вкладываешь въ
 ладонь волчью палецъ! Лучшежь съ него
 шубку скинешь!» Такъ народъ кричалъ
 и перекричалъ разумныхъ мужей. За-
 пились Московскую изшопшали ногами.

По выборкѣ, голосовъ, желающихъ
 войны, оказалось болѣе. Тотчасъ нача-
 лись живыя приугошования. Марша
 шоржешшвовала. Народъ вооружался; по-
 головныя дружины набирались изъ
 разночинщины: плотниковъ, гончаровъ
 и другихъ ремесленниковъ одѣвали въ
 доспѣхи волею и неволею и вышпавля-
 ли на спѣны. Чужеземцамъ, промы-
 шляющимъ шорговлею въ городѣ, Нов-
 городцы дозволяли выѣхать. И попя-
 нулись обозы во всѣ вороша градскія,
 съ шоварами своими во Псковъ; но
 многіе оспались на спарыхъ гнѣздахъ
 своихъ, надѣясь на милосердіе Іоанна.

Рѣка Волховъ запесшрилась многи-
 сденными судами, на коихъ спрунулись

разноцвѣтные флаги: ими хопѣли они заградить рѣку; а по берегамъ ея выдвинулись скоро двѣ высокія деревянныя стѣны, за коими и на конхѣ дѣлали они укрѣпленія. Вездѣ во всемъ городѣ кипѣлъ народъ; рыли рвы и проводили валы около крѣпостей и острожекъ; распавляли по нимъ бдительные караулы дневной и ночной; пробовали остріе вышоченныхъ мечей своихъ на головахъ подозрительныхъ гражданъ, и наконецъ, избравъ главнымъ воеводою своимъ опять Князя Гребенку-Шуйскаго, клали руки на окровавленные мечи и крестились на соборную церковь Св. Софїи, клянясь и обязуясь спранными клятвами быть единодушными защитниками опчизны своей. Порывы въпра разносили звуки колоколовъ и слова ихъ.

Въ списокѣ жершвъ, обреченныхъ Мареею на смерть, имя Кириллы сполло на самомъ верху; и попому-то

шайные друзья его упросили разоби-
женнаго и неговорящаго ошарика, со-
единясь съ другими недовольными пра-
вденіемъ, выбраться изъ Новгорода и
двинуться къ Іоанну, чѣмъ мы уже ви-
дѣли.

Феофиль, съ священниками семи со-
боровъ и съ прочими совѣтными му-
жами, ѣздили на поклонъ и просьбу къ
В. Князю по общему приговору народа,
согласившагося наконецъ на увѣщанія
его; но когда они возвратились домой
безъ успѣха, то поднялось волненіе
народное еще разливчашѣе, въ кошо-
ромъ оспальной разсудокъ ихъ захде-
бнулся и совсѣмъ пощонумъ.

ГЛАВА V.

ЧУРЧИЛА СЪ РАТЬЮ СВОЕЮ У САМАГО НОВГОРОДА.
РОМЫХЪ ДНО, УГОВОРЫ, ВСТЕЧА. НАПАДЕНИЕ НА
ПСКОВИТАНЪ И РАСКИЩЕНИЕ ОБОЗОВЪ ИХЪ. ПРИВЪЗКА
ВЪ НОВГОРОДЪ. ВЪЧЕ. ШПОНСТВО И ИЗВЪЩЕНИЕ БО-
ГАТЫРКИ. БИТВА НА ГОРОДИЩЕ. ЕДИНОБОРСТВО ЧУР-
ЧИЛЫ СЪ ТАИНСКИМЪ СТАРИКОМЪ. НЕЧАЯННОСТЬ,
УДИВЛЕНИЕ, ПОБЕДА. ИЗБАВЛЕНИЕ ОМЫ. В. КНЯЗЬ
ПОДСТУПИЛЪ ПОДЪ НОВГОРОДЪ.

Но впили кровь и славу ихъ поля;
Ихъ доблести развѣла чужбина,
И Русскаго хвалоу не ведала,
Родныхъ пѣвцовъ безмольспвусецъ дружина!

Кн. Андрей Черепяслав.

Когда В. Князь быспрыма шатами
подспуналъ къ Новгороду, а передовой
опрядъ его спышалъ санышъ Городище;

въ это время Чурчила съ молодцами своими несся къ нему также на всемъ скаку, но съ другой стороны. Не доѣхавъ нѣскольکو до города, но завидѣвъ уже огненное мельканіе крѣпостей на храмахъ Новгородскихъ, все невольнo приостановили лошадей, скинули шапки съ головъ своихъ и руки ихъ зашевелились на груди.

«Снойште, брашцы!» сказалъ Чурчила, осѣнивъ себя проекрапнымъ знаменіемъ. «Прежде чѣмъ въѣдемъ домой, подумаемъ, гдѣ онъ у насъ будетъ: на волю, или въ рапномъ полѣ.

«Вонъ прямо-по по косоугору чпо-по желпое опливаеяся опъ снѣгу,« опвѣчалъ Димитрій. «Я чаю, ужъ это не городки ли подѣланы для защиты.»

«Да, должно бытъ, чпо мы съ бшвы поспѣваемъ прямо на бшву» прибавилъ одинъ изъ воиновъ.

«Спанешся, чпо война у нашихъ закипаетъ съ Москвитянами; но куда мнѣ

дѣвашься, чью сторону держашь, куда лезнуть, на Вѣче, аь на свѣчу?» сказалъ Чурчила.

»Мы съ тобою всюду поспѣемъ,« обѣщала Димитрій. »Пусть голосъ нашъ заглушаетъ на дворищѣ Ярославлемъ: мы и не взглянемъ на эпошу муравейникъ. Намъ много, молодецъ къ молодцу: такъ мечи наши вездѣ проложатъ себѣ дорожку; усыплемъ ее тѣлами враждующихъ съ нами и хопя тѣмъ пошѣпимъ сердце, что эпо для опчизны; а широкобородые правители наши пусть шѣбуютъ, про что знаемъ: лишь намъ не смѣй вѣшать.«

»Для земли родной забываю я обиды, но для замляковъ головъ держашь всегда мечъ свой на голо! Однако возьмемъ роздыхъ, чтобы посвѣже вѣхалъ въ дома,« говорилъ Чурчила, слѣзая съ лошади.

Всѣ спѣшились. Кпо началъ кормить изъ полы кашпана лошадь свою, кпо

бесѣдовалъ со оной, запаснаго вина; вдругъ въ это время показались нѣмъ длинныя, птяущіеся обозы, пребирающіеся изъ Новгорода на Псковскую дорогу, подобныя главному спяду оплешныхъ журавлей. Удалие наѣздивки лакомиди глаза свои на нихъ, порываясь опбидь везомое добро; но не пронудись, пощому что видѣли, откуда они выѣзжали.

»Однако надобно же узнать, кто это прокапываетъ имущество свое? Видно, залежалось оно въ сундукахъ, такъ конящъ его провыприть,« сказалъ Димитрій.

»А бышь можешь, везущъ его приприть въ надежное мѣсто на всякой случай отъ зоркихъ глазъ Москвитянъ; только этощъ провозъ невыгоденъ: говорящъ, они и сквозь землю видящъ, какъ сквозь стекло, да и чупьешо у нихъ остро къ злату и серебру,« прибавилъ Чурчила.

«Эй, вы! куда ѡдете?» на теплыя моря что ли?» кричали Новгородцы людемъ, провожавшимъ обозъ.

Тѣ испугались и, собравшись въ кучку, начали было повершывашь въ спорону лошадей; но, взгляды въ спрашивающихъ ихъ, довърчиво приблизились къ нимъ. Это были иноземные купцы, ѡхавшіе во Псковъ съ товарами опть хищническа Москвитянъ.

Начались спросы, переспросы. Купцы повѣдали имъ о зажигающей войнѣ Новгорода великаго съ В. Княземъ Иоанномъ, о всемъ быпу, и прибавили въ заключеніе, что наслышка донесла до нихъ вѣспь о Псковитянахъ: дружины ихъ сошлись съ дружинами В. Князя, а припасы ихъ съѣстные и другія продовольствія подвигаются также къ Москвитянамъ и опспояшть уже не далеко опть нихъ; Новгородскіе рашные люди покушались было подсперечь ихъ: ибо охранныхъ воиновъ немного

находишься около повозокъ; но все еще перекоряюшся, кому везши ихъ шуда, а запасами всякими скоро оскудѣеть Новгородъ до конца.

«Брашцы! мепнемся на Псковинянъ перемешныхъ, захвапимъ, что можемъ! Веселѣ будемъ домой въѣзжанъ!» вскричалъ весело Чурчила, и шопчасъ вернулъ лошадь свою. Всѣ послѣдовали за нимъ.

Окольными дорогами, шайкомъ опъ глазъ и ушей, пробиралась неугомонная дружина. Почши на каждомъ шагу спорожили ихъ опасности; въ виду ихъ разъѣжали Московскіе воины, дозорившіе за выдзками Новгородцевъ. Это былъ опъ передовой дружины, посланный заняшь Городище. Новгородскіе Вишязи, доѣхавъ до извѣснаго имъ оврага, влѣво опъ большой дороги, пролегающей чрезъ лѣсъ, поскакали по сугробамъ снѣга еще глубже, и наконецъ одинъ изъ нихъ, приоспановясь,

приникъ укомъ къ землѣ и быспро
вспрепенулся. »Бѣдушѣ!« сказалъ онъ;
»полозья скрыняшѣ по снѣгу и не
шакъ далеко.«

Большую дорогу окружили съ обѣихъ
сторонъ и, выждавъ Псковишянъ, ми-
гомъ налепѣли на нихъ съ обоихъ бо-
ковъ повозокъ. Начался грабежъ. Охран-
ная дружина, иная разбѣжалась, иная
полегла на мѣстѣ. Рядъ эшихъ пово-
зокъ былъ шакъ длиненъ, чшо боль-
шая часть возничихъ ихъ, слыша гики
нападающихъ, съ коими они бросились
на переднихъ и конихъ при подобномъ
случаѣ Русскіе не могли ушерпѣшъ,
поворошили назадъ воза свои и утукли
кое какъ ошъ длинныхъ рукъ Новгород-
скихъ, какъ они всегда называли ихъ.

»Чшо, небось тяжело вамъ везши
поклажи-шо свои? Вошъ мы облегчимъ
ихъ немного!« говорили Новгородцы. Но
успавъ разбирашъ разныя, грузно на-
кладенныя вещи, изъ нихъ иныя, опыш-

ные въ дѣлѣхъ сего рода, схватили за узды лошадей, везущихъ повозки, да повели за собой; другіе ѣхали по бокамъ ихъ, подгоняя; и такимъ образомъ выпделись они благополучно надъ дѣса на просѣку подъ нависшимъ на землѣ мракомъ. Опять задвинулся нѣкъ Новгородъ, блестящій огнями. Ночь совершенно заслонила опъ нихъ свѣтъ. Они ѣхали тихо, пушководимые эцими огнями, и скоро разносчивый крикъ спорожеваго: «слушай!» у градскихъ ворошъ, коснулся ихъ ушей.

Быспро разнесся служъ лешучей молвы о возвращеніи Чурчила съ удалцами его. Молодежь Новгородская большими толпами бросилась встрѣнать его. Прибытіе его просвѣшило надеждой сердца всѣхъ, и сколько спросовъ и рассказовъ посыпалось къ нему! Мѣняясь такимъ образомъ словами своими, Чурчила узнать объ удаленіи опца своего; но опъ него скрѣми испинную

причину и мѣсто онаго, и поселили къ Москвитянамъ жесточайшую ненависть.

Онъ боялся спросить о Наспасѣ своей, но догадливые сами сказали ему, что она ни куда не показывается и проливаетъ горькія слезы о разлукѣ съ нимъ, и что опецъ ея, Посадникъ Тома, вынуждаетъ ее выдти за мужъ за одного Вельможнаго Ляха, который для дочери его перемѣнилъ и вѣру свою. »Нѣтъ!« сказалъ Чурчила, услыхавъ сіе и неспово засверкавши глазами, »вѣнецъ или гробъ сулишь мнѣ судьба моя; но при жизни своей злу такому не попусти я свершиться!«

Безъ отца своего Чурчила остался круглымъ сиротою. Выключая домашнихъ челядинцевъ, онъ не имѣлъ никого, кому бы передать поску лихую, обуявшую сердце молодецкое. Первая ночь, проведенная имъ подъ родной кровлей, была для него вѣковая; мысль

за мыслью, шолпящіяся въ его воображеніи, шпанулись передъ нимъ, какъ Китайскія шѣни, куда бы дѣвался опецъ его, почно ли помнишь о немъ Наспасья и проч. и проч. Первый лучъ свѣша, пробившійся въ свѣщлицу его и заигрывавшій на спальныхъ ножнахъ меча его, заспалъ уже его одѣшымъ. Вскорѣ и Вѣчевой колоколъ пробудилъ всю окрестность; снѣгъ хрустѣлъ уже подъ ногами проходящаго мимо его народа и живо вспрепенуль Чурчилу. Чрезъ нѣсколько времени и его шаги зазвучали по чугуннымъ плишамъ коридора, ведущаго на Вѣче.

Тамъ заспалъ онъ всѣхъ въ сумяшицѣ: Посадники, Марѣа, Тысяцкій и всѣ входящіе шуда были вооружены крѣпко, заклепаны въ кольчуги съ набедринниками, съ наличниками, съ наколѣвниками и проч. Вашага народная шумѣла, Правители спорили.

»Точно ли и своими ли ущами подслу-

шалъ ты разговоръ Москвилянъ, близъ спѣшь нашихъ?» спрашивалъ Богашырку Тысяцкій Есиповъ.

»Еслибъ ты вденуль въ уши мои золотую сергу, еще не тебѣ слышали они,« отвѣчалъ лукаво Богашырка.

»Знаю, знаю,« продолжалъ Есиповъ: »за это извѣщеніе Іоаннъ угоспиль бы шею твою пенькой, а мы повѣсимъ тебя на шелковой пещлѣ.«

»Какъ-то вамъ самимъ будетъ уже въ ночь разчипывашься! Москвиляне цѣлясь набросишься на Городище и заняшь его рано въ первосонокъ. Такъ вмѣсто шелковаго наряда, который вы сулите мнѣ, я бы совѣповалъ самимъ украсишься въ желѣзныя рубашки и задашь госпямъ свинцовое угощеніе.«

»Одно слово моего соглядатаго споншь дороже всѣхъ изгнанныхъ и пробиныхъ Посадниковъ,« говорила Мареа, лаская Богашырку, который повершы-

валъ на ласкающей его рукѣ золотыя кольца и выковыривалъ съ нихъ драгоценные камышки, порой прикладывая къ ней губами, въ слѣдствіе благодарности своей за ласки ея, и наровиался скусывать ихъ зубами, надѣясь, что она просишь ему эти невинныя шупки.

Есиповъ примѣшилъ сіе и сказалъ: »Что это! ты зубы золотишь? Хочешь ли, я тебѣ выбью ихъ и вспавлю золотые?«

»Хорошо,« отвѣчала Богатырка, только прежде вспавь.»

Когда они занимались пустяшными разговорами, другіе уговаривались, какъ бы собраться къ ночи сильной дружинѣ и встрѣпить Москвитянь; иные возражали пропивъ сего, не вѣря словамъ перемѣннаго бѣсенка. Такъ звали они Богатырку и грозились распянуть его на колесѣ, чтобы дать ему роспѣ и поддать бѣгу; другіе же

условливались знаками и глазами бышь гошовыми на всякой случай. Въ помъ чюдѣ быль и Чурчила съ Димишріемъ, копорого Оома принялъ сухо. Чурчила кипѣлъ весь, но поклялся съ прочими цѣлованіемъ крестна живошворящаго, бышь вѣрнымъ слугою опчизны своей. Марѣа одобрила его привѣтливостію своею и храбрый юноша, помышляя только о защитѣ родины, далъ мѣсто въ сердцѣ своемъ и сему священному чувству.

»Мы съ побою увидимся?« спросилъ его Димишрій, расходясь съ нимъ съ Вѣча въ прошивную сторону.

»Хоть и ночью, а надѣюсь, разглядимъ другъ друга,« ошвѣчалъ ему Чурчила.

Вѣче, какъ водилось у нихъ всегда, пошумѣло, поспорило и разошлось, не сдѣлавъ пользы опчеществу своему ни на пумъ.

Ночь занавѣсила природу; вѣперь,

какъ волкъ, вьлъ въ окрестныхъ лѣсахъ и заспила въ небосклонъ снѣговыми пучами; надъ всей землею мракъ нависъ непроглядный.

Подобравъ всячїе мечи свои въ руки и чухъ шевелъ наборными уздами, приближался ошрядъ Московской дружины къ Городищу; шемнопа закрывала слѣды его и онъ, скоро доспигнувъ мѣста, которое назначено было пункпомъ ашаки, оспановился подъ прикрыпїемъ оврага выжиданїе глухаго времени ночи. Огоньки мелькали еще предъ ними вдали, чухъ видимыми почками; снѣгъ порошилъ и наспила на доспѣхи воиновъ бѣлую ткань свою.

Воеводы сидѣли круговою кучкою; на порокахъ нагайскихъ сѣделъ ихъ мопалось что-то, къ чему они подходили, онвлязывали и, укладывая на колѣна свои, насыщались. Одинъ изъ нихъ, маспншїй спарець, ошдѣлившись ошъ прочихъ, споялъ, поджавъ руки,

прошивъ Новгорода и, кажется, усиливался взорами своими пробишь темноту ночную.

»Вопъ какъ шеперь почерпнулъ я опваги изъ покала своего, никого по плечу не приберу,« сказалъ одинъ изъ сидящихъ, повершывая корошенькимъ дрошикомъ своимъ, имѣющимъ видъ Мавришанскаго копья.

»Не вѣрю,« ошвѣчалъ шушливо другой. »Скорѣй покаль швой опьянѣепъ, чѣмъ шы!...«

»Что шупъ за опвага!« перервалъ шрепшій. »Воевашъ съ ночью—эко диво!«

»Да,« возразилъ еще одинъ, подошедшій къ нимъ, »вонъ какъ энша спрѣльница (*) фыркнешъ вдругъ, да плюнешъ въ насъ свинцовыми орѣхами, шолько подспа-

(*) Спрѣльница или бойница, или по Тапареки: башня. Онѣ дѣльвались чепвероугольныя, высокія, съ кровлями и безъ кровель, опкуда удобно бросали каменя и другія шажесши въ непріятели.

вляй шапки, да ощупывай, крѣпко ли привинчены головы къ плечамъ! Почему знашь, можешъ спашься, мечамъ нашимъ много будешъ работы. «

»Я чаю, шеперь всѣ эти нѣженки, Новгородцы, спяшь недвижно на пуховикахъ своихъ, какъ гвоздями прибишье, да и орудія ихъ огнемешныя покоюшся другъ на другъ!«

»Ну куда эпомъ спарикъ движешъ сполѣшнія ноги свои!« говорилъ впорой Воевода, показывая на задумчиво споящаго спарца въ нѣкопоромъ опдаленіи опъ нихъ. Если и мыши нападуть на него, то прежде огложашъ его, какъ кусокъ сыра, чѣмъ онъ поворошитъ руку свою для защишы. Ужъ онъ и шакъ скоро кончитъ разсчешъ свой съ жизнью. Одинъ ударъ разсыплешъ его въ песчинки, а то лѣзешъ впередъ, какъ за жалованьемъ!...«

»А почемъ знаешъ, чего не вѣдаешъ,« опшвчалъ шрепій. Бышь можешъ, онъ

первый вышибетъ побѣду у врага. Вишь онъ идетъ впередъ, а по пропоренной дорожкѣ за нимъ всякому идти охотнѣе. «

»Да мы и безъ него пойдемъ на Городище, какъ домой!« возразилъ кто-шо.

»Вонъ и послѣдніе огоньки зажмурились въ Новгородѣ. Теперь ударимъ шесь «

»Смѣлѣй!« проговорилъ скоро спарикъ, подошедши къ нимъ, и бодро взмешнулся на лошадь свою.

»На коней! идемъ!« вскричали Воеводы, и во весь галопъ пустились захватывать Городище.

»Слупайше! на шопъ свѣшъ дорога всѣмъ прошпорна!« вспрѣшили ихъ глосъ, и передніе войны, язвимые спрѣлами и копьями, покапились вмѣспѣ съ конями своими подъ гору.

»А! подшерегли, шлодѣи!« вскричалъ спарикъ и, оправясь опѣ перваго на-

*

лиска Новгородцевъ, разжегъ нагайкой коня своего, напустилъ его въ самую средину враговъ и яростно напалъ на нихъ.

Битва сдѣлалась повсемѣсною. Москвилянъ было больше; но Чурчила, предводившешвуя Новгородцами, сохранялъ равновѣсіе, сражаясь въ центрѣ. Мечъ его обращался на всѣ спороны; щипъ его былъ перерубленъ и онъ ошкнулъ его. Спарикъ, со спороны Москвилянъ, съ ловкостію юноши управлялъ оружіемъ своимъ и опускалъ его вмѣстѣ съ смершью на головы прошивниковъ; ратицлялъ и мялъ крѣпкіе шишаки ихъ, какъ сплоченные изъ тонкихъ оловянныхъ листовъ. За шо и Чурчила въ свою очередь, хошя былъ раненъ въ грудь, скидывалъ ихъ вмѣстѣ съ головами вражескими, не дѣлая ни одного промаха. Всѣ войны дрались съ оспервенѣніемъ, Новгородцы не уступая, а Москвищяне выжимая у нихъ

каждый вершокъ земли; но какіе ни дѣлали напiski съ обѣихъ споронъ, бiшва была равно упорна и кончилась бы вѣрояшно обоюднымъ испрѣбленіемъ другъ друга, еслибъ нечаянный случай не сдѣлалъ быспраго перевѣса на одну спорону.

Главные бойцы-прошивники примѣшили сокрушительную силу другъ друга и быспрѣ вихря наскочились.

»Сдайся!« вскричалъ Чурчила, закидывая за спину другой щипъ свой и направляя на спарика мѣшкой ударъ.

»Я никогда не сдавался и не поддавался никому, особливо мозглому юношѣ,« ошвѣчалъ гордо спарикъ и ловко ошбилъ ударъ Чурчилы.

»Такъ я научу себя ползать не только предъ нимъ, но еще подъ ногами коня моего!« съ бѣшенствомъ вскричалъ Новгородскій богатырь, и однимъ взмахомъ меча своего вышибъ мечъ сопер-

ника, и, приславивъ остріе свое къ груди его, сказалъ:

»Сдавайся же! а шо я просажу, продѣну тебя эшимъ сквозь, какъ воздухъ.«

»Какъ удасца. Повалимся хопъ вмѣстѣ« опвѣчалъ спарикъ и пушилъ въ него копые, мошавшее за спиной его.

Вонзенное въ выю лошади копые, задрожало въ немъ и она, пронзенная, зашатавшись, упала. Быстро соскочилъ Чурчила на землю и вскричалъ:

»О! пы не споишь желѣза!« Перевернулъ свое копые шупымъ концемъ и гошовъ былъ вышибишь имъ изъ сѣдла прошивника своего; но вдругъ недальній выспрѣлъ освѣшилъ лица обоихъ — и они съ содроганіемъ разошлись.

»Башюшка!« вскричалъ Чурчила, пораженный удивленіемъ — и копые его звякнуло о землю.

»Сынъ!« воскликнулъ не менѣе пора-

женный Кирилль. »Эпо мы съ побою
нщемъ жизни другъ у друга?... Вопь до
чего довела насъ судьба лхая!« Сказавъ
эпо, онъ всплеснулъ руками.

Чурчила молчалъ, Кирилль продол-
жалъ:

»И шы оспанешься другомъ съ врага-
ми моими? Прежде опрекись опъ меня!«

»Чшожь дѣлашь, башюшка!« опвѣчалъ
Чурчила рѣщительнымъ голосомъ. « Я
цѣловаль креспъ, чшобъ служишь Нов-
городу Великому. «

»Инъ бышь шакъ,« проговорилъ Ки-
рилль сквозь слезы. Въ споронѣ опъ
нихъ раздавались гики и вопли: бипша
кипѣла жестокая; но опецъ, не взи-
рая ни на что, слѣзь съ лошади
своей и, возложивъ креспобразно ру-
ки на голову колѣнопреклоненнаго сы-
на своего, благословлялъ его.

»Бышь можешь, мы не увидимся,
говорилъ онъ. »И я цѣловаль креспъ

Юанну. Проклятіе небесъ поразитъ шого, кшо не выдержитъ его! Прощай, кланяйся Өомъ. Если онъ одумается, шо я охотно гошовъ названъ дочь его моею.» Чурчила плакаль на взрыдъ, опецъ его шоже. Всъ войны были разсыпаны по полю; но нѣкошорые опъ нихъ не далеко дрались. Они, видя ихъ недавно свирѣпо рапующихъ между собой, а шеперь жарко обнимающихся, изумились; и когда узнали причину онаго по возгласамъ ихъ, невольнo преклонили мечи свом изъ уваженія къ священнымъ чувсшвамъ природы. Они внимали имъ и глядѣли на нихъ съ учаспіемъ.

» Еще прощай! «

» Ну, а ежели мы въ другой разъ встрѣшимся? « говорилъ Кирилль, сплискивая въ послѣднее сына своего.

» Тогда ужъ конечно я уклоню мечъ свой опъ тебѣ, « опвѣчалъ ему сынъ— и они нехоща распались.

Превосходное число Москвитянъ предъ Новгородцами сдѣлалось ошущительнѣе, когда Чурчила былъ занявъ собсвеннымъ дѣломъ. Одинъ Димитрій не въ силахъ былъ опразнить сильнаго ихъ напора; къ тому же какой-то Ляхъ, вмѣшавшійся въ число сражающихся, скоро побѣжалъ и разспроилъ своихъ. Смятеніе въ рядахъ ихъ сдѣлалось всеобщимъ. Чурчила, разспавшись съ общомъ своимъ, бросился на помощь къ товарищамъ, но поздно: онъ успѣлъ только поднять мечъ, покинутый Ляхомъ въ бѣгствѣ, и поспѣшилъ съ нимъ на помощь къ Воеводѣ Новгородскому, прибывшему недавно на бивву, и бывъ самъ пѣшій, спалъ защищая его обезсиленнаго отъ конника, рука кошораго спремглавъ налестѣла на обнаженную голову Воеводы. Чурчила взмахнулъ мечемъ, и конь всадника, подрубленный по ногамъ, опустился на колѣна, а

самъ всадникъ повалился чрезъ голову его—и мечъ его вошкнулся въ землю.

» Кто бы ты ни былъ, храбрый вишлякъ, радостно произнесъ Воевода Чурчила, освобождаясь отъ страха смерти; »прими эшопъ перспень вмѣсто шали-емана, кошорымъ дѣйствуй на меня по своему произволению: все, что только не въ раздоръ съ чешью и совѣстью; сдѣлаю я для себя. Клянусь въ томъ смершнымъ часомъ своимъ!« И впередъ ему насильно въ руку перспень свой.

Узнавъ по голосу дашеля своего, Чурчила обомлѣлъ, кошѣлъ что-то сказать ему; но бѣгущіе Новгородцы разлучили ихъ и пошацили за собой, ругая побѣждашаго Лиха, кошорый былъ уже далеко отъ нихъ. Чурчила спасъ жизнь Оомы. Онъ не шевельнулся бы въ понашную; но кровь, исшекающая изъ его раны, промочившая уже кольчугу его, ослабила богашыря. На двухъ щинахъ, соединенныхъ вмѣстѣ, понесли

его въ Новгородъ. Такимъ образомъ Городище было занято Москвитянами въ одну ночь.

27 Ноября, когда уже заходящее солнце обзолачивало коимы западнаго небосклона гаснущими лучами своими, В. Князь подступилъ къ Новгороду съ брашомъ своимъ Андреемъ меньшимъ и съ племянникомъ Княземъ Верейскимъ, и расположился спать самъ у Троицы на Озерской, на берегу Волхова, въ прехъ вершняхъ отъ города, въ селѣ Лошанскомъ (*). Брату своему велѣлъ онъ спать въ Благовѣщенскомъ монастырѣ, Князю Ивану Юрьевичу въ Юрьевскомъ, Холмскому въ Аркадьевскомъ, Сабурову у Св. Писпелеймона, Александру Оболенскому у Николы на Моспицахъ, Борису Оболенскому на мѣспечкѣ Соковъ у Бла-

(*) Гдѣ былъ домъ некогда Ярослава Великаго, именуемый Ракомлею.

говѣщенья, Ряполовскому на Посадь-
бѣ, Князю Василью Верейскому на
Лисьей Горкѣ, а Боярину Ѳедору Давы-
довичу и Князю Ивану Оболенскому
Спригѣ, на Городищѣ.

Подъѣзжая къ крѣпостнымъ спѣ-
намъ, онъ увидалъ на нихъ качающіе-
ся шрупы людей, и узнавъ въ нихъ
родственниковъ перешедшихъ къ нему
въ службу, очень оскорбился этимъ
и поспѣшъ принялъ всѣ мѣры къ на-
казанію виновниковъ безвинной смерти
сихъ. Онъ отпустилъ нѣкоторыхъ
изъ воиновъ собирать съѣстные при-
пасы и къ 10-му числу Декабря ве-
лѣлъ бысть имъ всѣмъ на лицо, а самъ
завинулъ городъ со всѣхъ споронъ
рашными людьми, принявъ намѣреніе
испомнить Новгородъ голодомъ.

Псковитяне привозили ему, выклю-
чая огнеспрѣльнаго оружія: хлѣба пше-
ничнаго, калачей, муки, рыбы, меду и
проч. и спанъ его имѣлъ видъ шум-

наго шоржища изобилія; часпо оглашался пѣнями и веселыми окриками. Новгородцы же были лишены всякаго продовольствія: они не могли, какъ въ прежнюю войну, скрывашься въ лѣсахъ и голодали; шолько иные смѣльчаки, предводимые Чурчилой, выскакивая внезапно изъ городскихъ ворошъ и нападая въ расплохъ на Москвишянъ, опбивали кое что у нихъ и шопчасъ возвращались во свояси, бывъ провожаемы спрѣлами и покидая раненыхъ своихъ.

В. Князь зналъ уже Чурчиду и смѣльча выходки его, зналъ, чей онъ сынъ, и положилъ награду за поимку его золоша шолько вѣсомъ, сколько онъ самъ пошянешъ; но напрасно. Эшо было шрудно сдѣлашь, и Москвишяне начали бдишельнѣе запасашься госшинцами для встрѣчи госпей незваныхъ, и бывало, шолько что скрыпнушъ городскія вороша на пешляхъ, они на-

спорожатъ уже уши свои и нацѣ-
ляшся.

Какимъ образомъ и чрезъ кого узналъ
Іоаннъ о всѣхъ движеніяхъ Новгород-
скихъ, расскажу я послѣ подробнѣе.

ГЛАВА VI.

**ВѢЧЕ. ОБѢТЫ НОВГОРОДЦЕВЪ. МАРГА. ТЕРЕМЪ БОМЫ
ПРІВЗДЫ ГОСТЕЙ НА ОБРУЧЕНІЕ ДОЧЕРИ ЕГО. КУДЕС-
НИКЪ. ПРОРОЦАНІЯ ЕГО. ЖЕНИХЪ. ОПЯТЬ ТОЛКИ. ЗА-
КЛЕНАНІЯ. ОБЩІЙ ИСПУГЪ. ЯВЛЕНІЕ НЕИЗВѢСТНАГО ВІТЯ-
ЗЯ. СМЕЛОСТЬ ЕГО. СПОРЪ. ЧУТЬ НЕ УБИЙСТВО. ОТСУ-
ПЛЕНІЕ ЖЕНИХА ОТЪ ПРАВЪ СВОИХЪ. ИЗГНАНІЕ ЕГО.
НЕЧАЛВНАЯ РАДОСТЬ.**

Кудри, кудри, что вы вѣспесь?
Мнѣ ужъ вами не играшь,
Мнѣ ужъ васъ не цѣловашь:
Вы другому доспаешесь.

Б. Дельвингъ.

На Вѣчѣ былъ однообразный плескъ
народа. При появленіи Московской раши
подъ спѣвами Новгорода, народъ вздрог-

нуль, спарики повѣсили головы, а молодежь буйствовала по прежнему. Запасъ вина и хлѣба не совсѣмъ еще испоцился у нихъ, а о будущемъ они думали шакже, какъ и о прошедшемъ.

» Пустъ спояштъ Москвитяне около насъ, да шоргуются съ нами за землю, кошорую шопчунгъ ногами своими,« говорили удалые. » Чшо за бѣда? Вѣдь они передъ спѣнами, а не за спѣнами еще. Коль не спанешъ у насъ хлѣба, соикнемся дружно въ шолпу, пропоримъ ряды враговъ и дадимъ бишву на пропалую! Чшо нужды, чшо насъ меньше; за шо храбрѣе будемъ драшья! Мало ли кшо насакивалъ на насъ!« продолжали они разсуждашь межъ собою; »и Мономахъ-шо, и Всеволодъ-шо Ш-й и Александръ-шо Невскій, вѣчная память храбросши и чеспному житю его! и Калиша, и Донской, и сытъ его крушили нашу свободу, да не сокрушили. Новгородъ-Спаргородъ перещеголялъ всѣ

города на Руси, а теперь Москва молодая хочетъ чванничать надъ нами. Не попустимъ такого стыда на сердце и грѣха на душу. А по съ какими глазами покажемся мы опцамъ и дѣдамъ на попь свѣпъ, когда они спанупъ корипъ насъ за подданство рабское. Или живъ по волѣ, или померъшь въ полѣ!»

Всегда съ гордоспю и шоржеспвомъ указывали они на спѣны свои, подъ коими полегло шьмочисленное. воинство Андрея Боголюбскаго; воспоминали *Липицу*, гдѣ Мспиславъ храбрый съ ихъ дружинами побилъ насмерть ополченіе Князей Суздальскихъ; берега Невы, гдѣ Александръ сокрушилъ гордыню Биргера Шведскаго, и поля *Ливоніи*, гдѣ орденъ меченосцевъ часпехонько уклонялъ знамена свои предъ рабами Св. Софи и показывалъ задки шлемовъ своихъ. Такіе шолки и воспоминанія живили бодрость ихъ и вливали силы

въ мышцы; и попому-то опспугъ Московской раши около спѣнъ ихъ не совсѣмъ спугивалъ ихъ смѣлоспъ. Многе изъ нихъ разгадали послѣдспвие упорноспи своей; но еще большее число не хопѣли и думашъ о будущемъ и, заламя шапки свои, разгуливались по городу, грохоча хохомомъ, какъ въ мирное время.

Марса, для сохраненія опчизны своей и себя самой, разверзла всѣ сокровищницы свои и щедро одѣляла недовольныхъ ею; по большой часпи шѣхъ, кшо имѣлъ самъ громкѣй и грозный голосъ для ушей ея, на кого не проспиралось могущеспво ея и кого не могли доспашъ руки единомышленниковъ ея. При первомъ звукѣ вражескаго оружѣя она содрогнулась, какъ будшо предчувсшвуетъ что-то; но сокрывъ волненіе души своей и зашавъ спрахъ, она съ шюю же величавоспшо продолжала за-

сѣдашь на Вѣчь и перекрикивашь прочихъ, чѣмъ прежде всегда опличалась.

Темный вечеръ смѣнилъ уже ясный день, высокій шеремъ спепеннаго Посадника Оомы весь вспыхнулъ огнями, кошорые шопчасъ же заслонились желѣзными спавнями; но обѣ половинки широкихъ вороштъ его были раскинуты наспижъ; на дворѣ подѣ навѣсомъ слышалось фырканье упряжныхъ лошадей; лай цѣпныхъ псовъ, порывающихся на чужихъ и бренчащихъ привязми свонми; взадъ и впередъ бѣганіе съ фонарями народа; за пынистымъ же заборомъ дома его часпо раздавалось шарканье подѣзжающихъ саней, пошевной и роспусковъ; изъ нихъ выскакивали госпи и, перебравъ ногами своими нѣсколько ступенекъ крылечныхъ, оприхивали съ себя снѣгъ въ сѣняхъ, и часпо входили въ приемную свѣшлицу, молясь Богу, кланяясь хозяину и хозяйкѣ на обѣ спороны и

садясь въ показанныя мѣста опять съ поклонами.

Приемная свѣшлица, ярко освѣщенная огнями, являла полное гостинное собраніе, состоящее болѣе изъ женскаго пола. Осыпанныя камнями дорогими и жемчугомъ, кики ихъ, шапы и сарафаны, okayменныя широкими золопыми галунами, ярко горѣли и разливались опраженными на нихъ огнями. Всѣ онѣ завѣшаны были покрывалами, хошя сидѣли и на двѣичьей половинѣ. Причина шому была та, что въ числѣ ихъ находились мужчины, коропкіе знакомцы хозяина дома, всѣ съ посребренными опъ шароспи головами, кошпорымъ дозволялось на это время дышашь не разнымъ воздухомъ съ женщинами, кошпорыя были имъ или дочери, или жены, или, короче сказаць, всѣ они счишались родспвенниками между собою.

Въ красномъ углу подь образомъ Пре-

числою, осіянной зашпокованною ризою и шаковымъ же обводомъ или вѣнцомъ, были усажены двѣ небольшія скамьи, оболоченныя голубой камкою. Онѣ были порожнія и, казалось, ожидали кого-то. Посрединѣ свѣшлицы споялъ длинный столъ, покрытый бѣлой скашерпью; и ломился отъ груза своего, соспоявшаго изъ разныхъ сладкихъ закусокъ, оловенниковъ крѣпкаго меда и шому подобнаго; въ заднемъ углу за столымъ опрубкомъ дерева, замѣнявшимъ споликъ, недвижно сидѣлъ, по виду немолодыхъ уже лѣтъ, человекъ, съ широкою бородою, опушавшею половину лица его; длинные волосы широкими прядями, спадавшіе съ головы его также на лице, закрывали этого шанншвеннаго человекъ совершенно; только глаза его черные, какъ угли, быстрые, лоснящіеся, ходили по поверхности сосуда, споявшаго предъ нимъ и наполненнаго водою. Кажется, прочи-

пьющая судьбу человека, успремишельно впивался онъ ими въ роковой соудъ, скрывающій въ себѣ чудныя шэинсшва, вѣдомыя одному эшому недвижимому, великому гадашедю.

Дѣйсшвишельно эшо былъ знахарь, или кудесникъ, приглашенный Омбою въ шеремъ его для обряда шөгдашнихъ временъ, безъ копораго не могъ благополучно сосшояшсь ни одинъ бракъ. Эшошъ вечеръ назначенъ былъ для начашя свадебныхъ дѣйсшвій, ш. е. для благословенія образомъ сочешавающихся: дочери его и Польскаго Пана. Почему были и госши приглашены, пошому же случаю кудесникъ разгадывалъ будущую судьбу ихъ; всѣ пришанили дыханіе, смошря на заняшя его, и не смѣли шевельнушсь, глядѣли на него съ почшеніемъ и шолько порою переглядывались другъ съ другомъ, покачивали головами и шешшали про себя

охранную молитву, починая дѣйствіи его сообщеніемъ съ нечистыми.

Наконецъ послѣ продолжительнаго молчанія и тишины смертной, кудесникъ быспро поднялъ наклоненную голову свою опъ сосуда, какъ будто опаленный, взметнулъ на всѣхъ блестяще глаза свои и глухо проговорилъ: «кровь на днѣ!» Лица всѣхъ поблѣднѣли и ршы разтянулись со сшраха. Кудесникъ опяшь приложился къ сосуду, пошепшалъ что-то, наклонилъ ухо свое и сказалъ опяшь, погода немного, обращаясь къ Оомъ:

»По окончаніи обряда благословенія, вспрысни жениха съ невѣсною этою водою, и опъ нихъ оплегнетъ всякое зло и сила нечистая ожжетъ крылья свои чрезъ прикосновеніе къ нимъ. Вѣруй въ слово мое и благо имъ будешь!»

Всѣ оживились, воспрянули; госпи подали голоса на изъявленіе желанія ви-

дѣшь скорѣ невѣспу, и Наспасья, по зову опца своего, вышла шихо изъ боковой свѣплицы, блѣдная, изнеможденная шоскою и спраданиемъ. Машь ея, сторбясъ опъ шяжеспи дѣшь, вела дочь свою, сама опираясь на коспяной коспыль. Широкая лисья шапка, покрывавшая голову ея, сокрывала до половины изрѣзанное морщинами лице ея; Наспасья же, разодѣшая въ ашлассиспой сарафанъ, унизаный золошыми блесками, погруженная вся въ самоцвѣшныя камни и узорочья серебриспья, подѣ навѣсомъ длиннаго бѣлаго покрывала, шишаго въ узоръ разными шелками, схороняла шакже лице свое опъ поспороннихъ взоровъ и плакала чупъ не навзрыдѣ. Машь съ дочерью, взойдя въ гостинную свѣплицу, разкланялись, и Наспасья, провожаемая машерью, подходила ужъ къ красному углу подѣ икону Пречисшой, чшобъ заняшь шамъ пригошовненное для нее мѣсто, какъ

Оома, наблюдавшій за нею, закричалъ на обѣихъ:

«Да чпо вы прохаживаетесь, какъ младенцы, только чпо навикающе ходишь? Спупайте смѣлѣй!.. Такимъ шагомъ ходятъ на похоронахъ, когда провожаютъ покойниковъ!»

«Эхъ, Оома Ивановичъ!» отвѣчала ему жена его, усаживая, ухорашивая и приголубливая дочь свою, «не тебѣ бы говорить это. Вспомни только, какое богопрошивное дѣло зашѣялъ ты на старости лѣтъ! Богъ видилъ душу мою! Грѣшно тебѣ, допустилъ ты вселиться бѣсу въ ребро свое!»

«Жена, старуха, уймись! А шо я не пожалуйю старости твоей и немощи, разражу разомъ! Сколько времени уже слышу я опъ себя одно и шоже, да еще при чужихъ людяхъ....»

«А чпо мнѣ чужіе люди?» перервала его Лукерья Савишна. «Дѣло идешъ о единспвенномъ дѣшищѣ нашемъ, ко-

шорое сохнешь съ кручины, что бы-
 линка отъ зноя; а ты, вмѣсто ушѣ-
 шенія, нудишь ее выдши за мужъ за
 нелюбаго. Вѣдь всѣ добрые люди посу-
 дятъ справедливо и скажутъ вмѣстѣ
 со мною: съдой ты, съдой ворогъ! вѣдь
 опдашься ей на всю жизнь немилому,
 все равно, что тебѣ продашь душу
 нечиснымъ; коль ты ужъ не каба-
 дилъ ее. Не плачь, Наспюша,» продол-
 жала она, »не плачь, моя ласпочка за-
 зывная! Богъ милосивъ, во что ни
 спанешь, а мы пославимъ на своемъ:
 не послушаемъ бѣсовскихъ наущеній,
 кошорья власпвуютъ опцомъ твоимъ
 скареднымъ.»

»Уймись же, вѣдьма прубалежная!» за-
 кричала Оома, вскочивъ съ мѣста свое-
 го и, грозно подымая кулакъ, мѣшилъ
 имъ прямо на жену. Лукерья Савишна
 выпарашила предъ собой обѣ коспя-
 ныя руки свои, а голову наклонила на
 грудь, гошовясь храбро дашь оппоръ

вѣжному супругу своему. При этомъ движеніи она сгорбилась еще болѣе и спала почь въ почь похожа на кошку, гошовающуюся съ фырканьемъ вцѣнившись въ просянушное рыло собаки, наскакивающей на нее съ лаемъ. Но Наспасья ахнула, вскричала: »машушка! башюшка!« и бросилась между ними.

Богъ знаешь, чѣмъ бы это кончилось; но вдругъ по сѣнямъ раздались шумные звуки шаговъ, брячанье мечей и голоса: женихъ, женихъ прѣхалъ Супруги, не успѣвъ полюбызаться кулаками своими, разсупились, а Наспасья, пораженная симъ извѣстіемъ, почпи безъ чувствъ покапилась на скамью свою.

Немолодой, полстый, призимистый человекъ, съ узкими, пронырливыми глазами и широкимъ рпомъ, богашо одѣтый въ корошенькій зеленаго цвѣща Польской жупанъ, обложенный золотыми жгушиками и опущенный чер-

*

нобурьими соболями, копорый опоясанъ былъ широкимъ кушакомъ золошой парчи, налегающимъ складками на брюхо его и изъ подъ копораго висѣла излучистая сабля, гордо и не скоро взошелъ въ свѣшлицу, опидуаясь и сопя съ усалоспи. Опкланявшисъ всѣмъ корошкими поклонами, подошелъ онъ къ суженой своей и безъ дальнихъ церемоній усѣлся возлѣ нее.

»А! Панъ Зайцевскій!« воскликнулъ радосшно Тома, спараясь не выказашъ предъ симъ за минушу бывшаго произшесствія. »Гдѣ же твой дружокъ?«

Зайцевскій, оглядываясь, молча показалъ на дверь, въ копорую входилъ Звѣршановскій, насупясь опъ надменноспи. Онъ одѣшъ былъ шакже, какъ поварищъ его, копорый оборошилсѣ уже опашъ къ невѣспѣ своей.

Опашъ лавки задвигались; опашъ гошни начали разкланивашъся со вновь прибывшимъ и опашъ усѣлись. Искрен-

няя веселоспѣ, какъ ушюгъ, выгладила лице Оомы; шолько изрѣдка пограживаль онъ женѣ, изъ подлобыя выглядывающей на будущаго зяпя своего. Наспасья сидѣла недвижно; казалось, она жила и дышала машинально, произвольно.

Между пѣмъ круженье *козьеи ноги* (*) закружило головы госпямъ. Женщины сидѣли смирно, какъ спашуйки и опшѣкивались опѣ подносимой имъ Малвази, хопя глаза ихъ разжимались сквозь сѣпчашья покрывала на шипучую влагу и почпи каждая изъ нихъ сознавалась сама себѣ, чшо шайкомъ не опказалась бы она выпить и романейки; мужчины же, въ особенноти женихъ, балансировали ршами безъ умолку, забывъ о гибели, предшоящей всему Новгороду.

Дѣвушки, *пѣсельныя* подруги Наспась-

(*) Сосудъ, изъ котораго ливали вино и крѣпкіе меды.

ины, робко выглядывали изъ боковой комнапы на госпей и пошчасъ скрадывались одна за другою, если кто примѣчалъ это. Женихъ, пресыщаясь, не забывалъ брать рукою своею руки невѣспы сквозь тонкое испканіе (*), опъ чего она вздрагивала, опнимала поспѣшно свою руку опъ него, какъ опъ жала, холодившаго всѣ члены ея. Наконецъ одинъ изъ госпей послѣ пуспопорожнихъ разговоровъ, спромѣ у всего общесства: »А что новаго слышно про наши дѣла?«

»Городки и оспрожки выспроены новыя для защипы нашей,« опвѣчалъ Тома, »на кошорые Москвищяне что-то не такъ заряшя, поштому что они шершавы для крючковапыхъ рукъ ихъ; они наголо усыпаны гвоздями и до нихъ они что-то не доплагивающяся.«

(*) До сочепанія жениха съ невѣспою они не могли братья голыми руками.

»Диво,« сказалъ другой, »что они не начинающъ до сихъ поръ оглаживашъ жестокостъ ихъ огнемешами своими, или боялся, что наши разодорившияся начнутъ перекликашся съ ними нѣтъ же?«

»Диво всѣмъ,« прибавилъ прешій; »Иоаннъ сдѣлался тихъ и смиренъ, какъ будто пришелъ къ намъ на покаяніе. Это добро намъ означаетъ!«

»Онъ теперь будетъ спарашся скорѣй о мировой съ вами,« началъ говорить Звѣршановскій, »поному что нами скоро осущающъ самихъ Москвитянъ.«

»А за мировой пойдетъ побоище,« примолвилъ Зайцевскій. »Иоаннъ великъ сброситъ вашъ колоколъ съ Вѣча и, засѣвъ на него, будетъ любовашся, какъ палачи Московскіе начнутъ кашащъ головами Новгородскими, какъ мячами.«

»Нѣтъ, паденіе нашего колокола оглушитъ его самага!« сказалъ къпо-по.

»И прихлопнешь всю силу вашу,«
опвѣчалъ Звѣршановскій. »Мареа....«

»Пора!« возгласилъ кудесникъ въщепельнымъ голосомъ, не внимая разговору ихъ и продолжая углубляясь въ сосудъ съ водою. »Прежде, чѣмъ закапнешся звѣзда вечерняя, вамъ должно уже свершить начатое; а по горе, горе ослушавшимся!« Сказавъ это, онъ обратился ко всѣмъ страшный ликъ свой и пылающіе глаза.

Топчасъ подхватили его подъ руки и повели въ передній или красный уголь къ жениху съ невѣстою и усадили подлѣ нихъ, чшобъ онъ силою заклинаній чародѣйствъ своихъ опженялъ опъ оброчающихся вражеское навожденіе и хранилъ ихъ опъ всякаго зла и напасти. Такъ чеспили въ то время знахарей опъ часпо случающихся порчей молодыхъ: ему всѣ по очереди подносили сладкія ясшва и пишье, а хозяинъ пенязи на блюдѣ. Дождавшисъ сроч-

наго времени обрученія, Оома разбѣгался по свѣшлицѣ своей, приготавливаясь приняться за *Божіе милосердіе*. Спарушка мать задумчиво водила коспылемъ своимъ по полу, шепча молитвы Ангелу Хранителю Наспасьину; сама же жершва, приносимая опцомъ въ дань корыспи и щещславія, пайкомъ роняла слезинки свои на колѣна и добавляла наряду своему жемчужинокъ. Она не могла даже равнодушно взглянуть на лице своего сосѣда, шолспыя губищи коего грозились, кажешся, высосать изъ нее всю кровь или цѣликомъ проглотить ее, а щещиниспыя космы бороды его были — плохая приспань опдохновенія для успалой головы ея въ часы груспи или нѣги!

Челядинцы хозяйскіе хлопошали о перемѣнѣ кубковъ, фляжекъ, блюдь и проч. госпи, копорые были еще въ силахъ, шакже двигались руками, поднося ихъ къ усшамъ; дѣвушки спакивались, ка-

кую грянувшъ пѣсню, перебирали многія и остановились на сей: *нашего поля убыло*, и проч. и гошovy были гаркнувшъ ее, ожидая знака. Вечеръ уже кончался, глухое время ночи подвигалось. Женихъ, не слишкомъ бывъ доволенъ ласками суженой своей, сказалъ:

»Вѣрно моя Амаспасія помнишь еще перваго жениха своего? Она выглядываешъ на меня шакъ кисло и слезно, чшо я скоро самъ прокисну, коль не промокну слезами!«

»Чшо ей думашъ о шомъ, кшо самъ не хопѣлъ помышляшъ о ней?« отвѣчалъ Тома за дочь свою. »Чурчила промѣнялъ ее на золошю Ливонское, казавшееся ему блестяще и шяжелѣ Новгородскаго, кошорое получилъ бы въ *вѣно* за Наспасью. Тамъ испопшалъ онъ всѣ поля попуспу, за шо чужая земля и проглотила его. О немъ шеперь грѣшно и говоришь: онъ опшступникъ...«

»Не лай его именемъ,« перервалъ Зай-

цевскій. »Будь оно занорошено, запопшано въ памяти нашей!«

»Пусть никогда бродящій духъ его не посмѣетъ скипаться по землѣ нашей; да опалишь его слово свято силою своею—какъ... началъ было кудесникъ...«

Вдругъ въ запертыя вороша кпо-по спукнулся и такъ крѣпко, что спѣны и окончаны дротнули. Послышался голось со двора и по видимому, начались переговоры. Все замолкло, и когда Тома хошѣлъ послать узнать о семь, спукъ раздался въ другой разъ еще сильнѣе. Всѣ повыскакали съ мѣспѣ своихъ, и вороша, пронзительно заскрыпѣвъ на пепляхъ своихъ, съ шумомъ разхлынулись и заспучала пѣжка споба сперва по двору, попомъ по крыльцу, сѣнямъ, и вопъ уже раздается у самыхъ дверей и шевелишь скобкой.

»Кпо эпо такъ смѣло и, кажешся, насильно ворвался въ шеремъ мой? Дорога же ему будетъ распада со мною!«

сердишо проговорилъ Оома. Госпи иные сжались другъ съ другомъ, какъ робкое сшадѣ барановъ при видѣ волка; иные хлынули къ кудеснику и, взирая на сшпанную наружностъ его, крѣпко схватились за полы кафшана его, а кпо былъ посмѣлѣй, за клинки мечей своихъ, и въ шуже минушу руки ихъ какъ будшо приросли или спаялись съ ними.

Бысшро опкинулась дверь и повишла сорванная съ крючьевъ своихъ; въ рамахъ ея показался Апшлешического росша богашырѣ, входящій мѣрными шагами въ свѣшлицу; весь онъ былъ заливъ желѣзомъ; лице его занавѣшано наличникомъ; шяжелый мечъ шацился, гремя съ боку его, другой обнаженный былъ подѣ мышкой его; на лѣвомъ локшѣ былъ надѣшъ щипш; черная одежда, крѣпкое вооруженіе, росшѣ, посшупъ, все эшо навело сильный сшрахъ на сердца всѣхъ зришелей и впечатлѣло въ воображеніи ихъ рѣзкія чершы цо-

раженія. »Чуръ насъ! Чуръ насъ!« заговорили было полуголосомъ госпи, почтя явленіе неизвѣснаго существа за сверхъестественное. »Аминь!« произнесъ громкимъ голосомъ кудесникъ, успремя на незнакомца глаза-уголья свои, какъ змѣй василискъ, думая эшимъ спугнушь его.

»Я не духъ, а человекъ, и попому ты самъ разсыплешься у меня опъ эшого аминя въ пшено!« заговорилъ грозно незнакомецъ, обращаясь къ кудеснику и показывая на огромный палашище свой, приподнялъ его, шрякнулъ на рукъ и опяшь концы ножновъ его звякнули объ полъ.

»Чшожь ты за наглець,« сказалъ ободряясь Оома, »чшо незваный ворвался въ мои вороша, какъ медвѣдь въ свою берлогу? въ свѣшлицу же вошелъ, выломивъ дверь, не скинувъ шипака своего, и даже не перекрестился ни разу на святыя иконы? За эшо ты споншь, чшобъ

сшибешь съ себя шишакъ вмѣстѣ съ головою.»

»Очнись, Тома! Я больше тебя помню Бога и чаще славлю всѣхъ угодниковъ Его,« возразилъ незнакомецъ и перекрестился на икону. »Съ побой послѣ буду веспи я расчешъ,« продолжалъ онъ; »а пеперь хочу я переговорить съ эшимъ господиномъ,« продолжалъ онъ, указывая на Зайцевскаго. Голосъ его попрыскалъ всѣхъ, но въ душу Настасьи пролилъ онъ какое-то сладостное воспоминаніе. Ей чудились знакомые, родные звуки, и она внимала имъ безъ пререпета съ шайнымъ услажденіемъ и шихимъ пререпетомъ сердца.

Зайцевскій же, видя въ немъ недруга своего, паясился спиной къ спѣнѣ и пробурчалъ не громко:

»Я не помню, не знаю, не слыхивалъ и не видывалъ тебя никогда.«

»Порази тебя гнѣвъ небесный и оружіе земное!« возгласилъ незнакомецъ про-

рицательнымъ голосомъ. « По крайней мѣрѣ узнаешь ли ты это оружіе, кошпое было покинуто въ эту ночь, въ кошпую была битва на Городищѣ? Хозяинъ его первый показалъ хвостъ коня своего Москвитянамъ и разспрошу Новгородцевъ,» говорилъ онъ, показывая ему конецъ длиннаго меча. «Это оружіе, я самъ узналъ недавно, принадлежишь тебѣ!...»

«Еслибъ сказалъ ты мнѣ о семъ нездѣсь, я бы скорѣе умеръ, а не снесъ этого и зажалъ бы ротъ свой саблею; я бы изломалъ въ груди своей это оружіе, лжець безстыднѣй!» съ бѣшенствомъ заговорилъ Зайцевскій. Это уличеніе зазвучало его жестоко; всѣ проклинали бѣглеца Ляха, смѣшавшаго прусосцію своею спройные ряды Новгородцевъ; но никто не примѣшилъ его въ лицо и не зналъ имени. Такимъ образомъ воспоминаніе о семъ и заглохло. Но неизвѣстный вишазъ вѣрнымъ доказатель-

спвомъ освѣшилъ виновника, какъ яркимъ огнемъ испины.

»Жельзо плохая начинка для груди богатырской,« молвилъ Звѣршановскій. Но випязь прервалъ ихъ обоихъ.

»Лжець!« вскричалъ онъ громовымъ голосомъ. »О! я подсоблю тебѣ умереть и здѣсь! Смощри, изувѣрь, чье имя вычеканено на клинкѣ. И съ словомъ симъ онъ, схвативъ его поперекъ и сжавъ мощной рукой, пошацилъ на средину свѣшлицы, волоча ногами. »Что,« продолжалъ онъ, »шеперь испина запечатала кривыя уста твои? Прими же швое опъ швоихъ!« И взмахнулъ покинурымъ мечемъ Зайцевскаго надъ головой его.

Нѣкошорые бросидись рознять ихъ, но грозная выходка випязя прошивъ защишниковъ Ляха оспановила ихъ въ прежнемъ положеніи.

»Пошцади!« завопилъ Зайцевскій задыкающимъ голосомъ.

»Съ условіемъ,« ошвѣчалъ неизвѣстный: »сознайся, что тебѣ принадлежишь мечъ эшопъ,« и началъ напираться на него.

»Сознаюсь! только пусти меня.«

»Еще одно слово: опспупись опъ Наспаси!« Зайцевскій боязливо молчалъ; вишязь продолжалъ: »Разлучись съ однимъ словомъ, или я разлучу швою душу съ шѣломъ!«

Жмурясь опъ блеска меча, виснущаго надъ нимъ въ рукѣ вишязя, онъ, проспонавши почши, сказалъ: »опспупаюсь!« и чувствуя себя свободнымъ, быспро опкапился опъ грознаго и, опряхаясь, побѣжалъ въ изломанную дверь и шопчасъ, нырнувъ въ нее, скрылся. Звѣршановскаго ужъ не было въ свѣтлицѣ: онъ опасался вспыльчивости своей и ушелъ. Говоряшъ, они издали, когда ихъ было не видашъ, долго грозились на дерзкаго вишязя, шакъ невѣжливо возмущившаго спокойствіе ихъ.

Оома, услыхавъ признаніе Зайцевскаго

въ причинѣ победы Москвитянъ надъ ними, успѣдился покорности и уваженія своего къ презрительному. Онъ не заспѣнялъ его и, когда все окончилось и пишина опять воздружила въ бесѣду его, онъ молчалъ и внимательно смошрѣлъ на вишязя, также молчаливо взиравашаго по на него, по на дочь его.

»Я благодаренъ тебѣ, храбрый!« сказалъ Оома, просягивая ему руку. »Ты вырвалъ съ корнемъ худую праву изъ моего поля!«

Вишязь опустилъ въ руку его кольцо и смошрѣлъ на измѣненіе лица Оомы.

»Больше чѣмъ другъ, брашъ.« вскричалъ восхищенный Оома. »Требуй по условію опъ меня, чего ты хочешь?...«

»И шѣмъ и другимъ буду я тебѣ,« опвѣчалъ вишязь. »Только добавь къ названіямъ симъ имя сына...« и опкрылъ наличникъ свой. Голось его дрожалъ, когда произносилъ имя сіе.

»Желанный мой! ты живь!» вскричала радостно Наспасья и, забывъ спыдъ дѣвическій, обвилась около него.

»Соколы ты мой ясной! золотые твои перышки!» возгласила спарушка, всплескивая руками и начала шакже обнимать его.

»Ну, шеперь помиримся, жена,« сказалъ Оома, и соединилъ руки любящихся. Всѣ плакали на взрыдъ. Нужно ли ска- зывать, что это былъ Чурчила?...

ГЛАВА VII.

ДѢЛА МОСКВИТАНЪ И НОВГОРОДЦЕВЪ. ПРОМЫСЛЫ ПАВЛА И БОГАТЫРКИ. УДАЛСТВО ЧУРЧИЛЫ. МАРФА. ВСТРѢЧА НАЗВАННЫХЪ БРАТЬЕВЪ. ЧУРЧИЛА ВЪ ЧЕРТОВОМЪ УЩЕЛЬИ. УЖАСЪ КРУГОМЪ. НЕЛАСКОВАЯ ВСТРѢЧА И ПРИВѢТСТВІЕ. ПЕРЕКОРЫ. ОБМАНЪ. ЖИЗНЬ ВЪ ОПАСНОСТИ. НЕРАВНАЯ БИТВА. ТОВАРИЩИ ПОДОСПѢЛИ. НАКАЗАНИЕ. СЛѢДСТВІЕ БИТВЫ.

Вдали огонь, мелькая, блестя,
Вдругъ въспрь, вроснувшись, заспоная,
И липы осиновыя пренецель
И можжевелникъ зашепеля.

Зима вешупила уже во всѣ права свои;
снѣжный саванъ омерпвивъ землю, облекъ всю природу; люшые морозы сѣ-

верной Новгородской спраны сперва были неперпимы, особенно въ спавкахъ Москвишянъ; но когда В. Князь подвинулся ближе къ крѣпоспи и занялъ покинутыя жилища Новгородцевъ, воины его спали охранены опть всякихъ заботъ. Псковишяне и Тверишяне подсылали къ нему всякой всячины; всюду около него поспрескивалъ огонекъ, взвивая клубы дыма изъ подъ полныхъ кипящихъ кошловъ съ кашницей. Воины его были бодры и сильны; имъ давно хотѣлось побиться, чшобъ лучше согрѣться, какъ говорили они сами; но Великій Вождь ихъ жалѣлъ крови, а шрапилъ время.

Павелъ Косой, возвращаясь изъ Ливоніи, успѣлъ шолько навѣспишь любимое *Чертово* ущелье свое и перешелъ соглядатаемъ къ Московскому воинству. Въмѣсто благословенія, получивъ прокляшіе опть опца своего, забышый и презираемый народомъ, онъ самъ оп-

казался опъ всѣхъ, выключая Семена, спараго поварища своего и дѣлишеля съ нимъ всякаго зла. Прибывъ изъ Ливоніи и не поймавъ жершвы своей на смершную удочку, онъ не оставилъ еще впуни намѣренія своего кинушь съ нимъ жребій, кто изъ нихъ кого спихнешь съ свѣша бѣлаго въ преисподнюю. Объ этомъ онъ совѣщывался съ Семеномъ и, условившись, какъ дѣйствовашь, подобно сапанѣ принималъ на себя всѣ образы и входилъ въ Новгородъ, набирался памъ разныхъ вѣспей и возвращался въ Московскоі спанъ, часпо съ опасностію жизни своей. За шо со стороны Новгородцевъ Богашырка не промигивалъ случая бышь чѣмъ нибудь полезнымъ госпожѣ своей, Марѣ и достойно соперничалъ Павлу.

Черезъ Павла В. Князь узналъ о голодномъ соединеніи Новгорода и спокойно ожидалъ сдачи его, зная, что эшошь недоспашокъ переунрамышь.

гордость Новгородцевъ. Со спороны прошивниковъ не было почти ни одного непріяшельскаго знака. Осаждающіе издали наблюдали только, чтобы не переползъ какой нибудь возъ съ съѣсными припасами въ городъ; а осажденные, выключая голода, не шерпѣли никакихъ безпокойствъ, разхаживали по стѣнамъ своимъ, попукивали изрѣдка изъ пищалей; а, смѣнясь съ караула, исправляли каждый свою работу. Терпѣніе вселилось въ нихъ опять надежды, что В. Князь не перезимуетъ подъ Новгородомъ: ибо Ляхи накрыли бы удобно рашъ его съ шпылу; и приспупомъ взявъ городъ также робѣеть онъ, думали они, чтобы не уложишь всѣ силы свои на стѣнахъ ихъ опять опчаянной защиты Новгородцевъ. Такъ мыслила болѣе Марѳа, или лучше сказашъ, такими слухами соблазняла она слабосъ земляковъ своихъ.

Наконецъ 4-го Декабря прибылъ

опяшь Теофилъ съ шюю же свишою веспи переговоры съ В. Княземъ; но, получивъ шакой же опвѣсть, печально возвратился домой. Въ шють же день подступилъ къ городу Царевичъ Даниръ съ Воеводою Васильемъ Образцомъ, съ Андреемъ Спаршимъ и Тверскимъ Воеводою, и расположилась въ монастыряхъ: Кирилловъ, Андреевъ, Ковалевскомъ, Волошовъ, на Дерявеницъ и у Николы на Оспровкъ, и сжали городъ еще болѣе. Услыхавъ о прибышii новой раши, Теофилъ на другой же день прибылъ опяшь къ В. Князю усердно бить челомъ. Юаннъ, которому надоѣла уже нерѣшительность Новгородцевъ, не ласково принялъ его и сурово спросилъ:

»Что ты, опецъ свяшый, разгуливаешь частенько изъ спороны въ спорону? Я опасуюсь, чпобъ швоя излишняя приверженность къ опчизнѣ, не была бы съ родни вреду.«

Феофиль, намѣревающийся выгодаши для себя чшо нибудь изъ переговоровъ, видя непреклонность В. Князя и опасаясь раздражить гнѣвъ его, вздохнулъ и отвѣчалъ:

»Государы! мы признаемъ истину посылства Назарія съ Захаріемъ,« болѣе онъ не въ силахъ былъ ничего сказать, голосъ его ослабъ и онъ замолкъ.

»Тѣмъ лучше для васъ,« сказалъ Іоаннъ съ довольнымъ видомъ.

»Чего же ты хочешь отъ насъ ше-перъ, Государы?« спросилъ Феофиль робко, какъ будто изъ устъ Іоанна выливался онъ громъ на себя. »Сними осаду, и дай намъ передохнуть,« продолжалъ онъ.

»Я хочу властвовать въ Новгородѣ, какъ въ Москвѣ,« кратко отвѣчалъ ему Іоаннъ.

»Дай намъ прежде размыслишь о семъ,« просилъ его Феофиль. »Новгородцы сами рѣшились властвовать своею жиз-

нію и свободу; шрудно ихъ убѣдишь къ повиновенію.»

«Глупые, ослѣпленные!» вскричалъ В. Князь: «Да развѣ они шеперь свободны? Не закручана ли ихъ вольность въ мѣнхъ рукахъ?»

Феофидъ удалился, получивъ при дни на размышленіе.

Между шѣмъ прибыло еще Псковское войско по наказу Іоаннову въ пришонъ его, и онъ расположилъ его въ селѣ Фодошинѣ и въ Троицкомъ Монастырѣ на Варяжѣ; послѣ чего приказалъ знаменитому художнику своему, Аришпопелю, начашъ строитъ мостъ подъ Гордищемъ, какъ бы для приспуна, и скоро мостъ сей, устроенный на судахъ, обогнулъ собою непроходимое мѣсто красиво и швердо водружась на немъ. Все содѣйствовало побѣдѣ Іоанновой; въ виду Новгородцевъ вонны его приложились къ образамъ подъ знаменами и, загравъ въ

сурны, пошли; подковы коней ихъ и огнемешы забопали по мосту; все имѣло видъ приспуга. Но поспѣшь были они ворочены: ибо открылись градскія вороша и изъ оныхъ Теофиль, вышедъ со свитою своею, замахалъ размирными грамошами. »Возьми, Государь, съ насъ большую дань, чпо полько въ мочь будешь намъ заплашишь шебъ, полько не пребуи Новгородцевъ къ себъ на службу и не поручай имъ оберегать Сѣверозападные предѣлы Россіи, молимъ шебя униженно!»

»Когда вы признали меня Государемъ своимъ,« отвѣчалъ ему Іоаннъ, »по не можете указывать, какъ править вами,« и вышелъ.

»Какъ же?« сказалъ Теофиль. »Мы не спознали еще Московскаго обыкновенія.«

»Знайше же,« отвѣчалъ ему Іоаннъ Юрьевичъ, по повелѣнію Іоанна, »Въчевой колоколь вашъ онѣмѣешь и бу-

дешъ одна власшь Судная, Государская. В. Князь будетъ имѣть здѣсь волости и села; но принимая моленіе народа своего, онъ обѣщаетъ не выводитьъ людей изъ Новгорода, не вступаться въ общины Бояръ и еще кое что оставишь по старинѣ.»

Феофилъ опять вышелъ изъ спавши и еще претовалъ время на размышленіе. Ему еще опложили срокъ; но сказали, что это въ послѣдній разъ.

Сама Марѳа согласилась на сдачу города съ шѣмъ, чтобы именно судъ ихъ оспался по старинѣ. Условіе такого рода было для нее безопасно; но, услыхавъ непреклонность Великаго Князя, ужась обуялъ душу ея. Она прочла будущую судьбу свою въ предчувствіи и силмась остановишь Новгородцевъ въ прежнемъ бышу ихъ; но голосъ ея, хошя и имѣлъ перевѣсъ надъ многими, однакожь звукъ его начиналъ уже шеряшьсѣ въ пропивныхъ спо-

рахъ. Дьяки, Жильцы, госпи, рашные люди, всѣ любили Чурчилу за удале его, коею промышлялъ онъ нѣсколь- ко жизненныхъ припасовъ опѣ ми- нушной оплошности Москвитянъ, и единогласно называли его кормилицемъ своимъ. Марса, не смотря на это, го- повила ему удавку, копорой, увѣрала она, не избѣжитъ онъ и получитъ, если не опѣ нее, шо опѣ Иоанна, копорый доискивался жизни его. Но въ шакомъ случаѣ власпъ и сила ея пришупились прошивъ общей привязанности къ Чур- чилѣ. Многихъ Ляховъ изгналъ онъ изъ города, подсунувъ подъ спрѣлы Моск- витянъ, и грозился на самага Звѣрша- новскаго. Расправа его была извѣстна всѣмъ и за шо пишала она къ нему независпъ.

Борашырка заводилъ его пронырли- востію своею въ опасные случаи; но когда Чурчила сказаъ ему на опрѣзъ, что если онъ осмѣляпся еще когда

нибудь спронтъ на него ковы, по онъ приколопипъ его гвоздями на стѣны и сдѣлаешъ изъ шѣла его цѣль для Москвитянъ, съ шѣхъ поръ былъ онъ покоенъ долгое время; днемъ не сходилъ съ крѣпостныхъ стѣнъ, закрывался шурами и гошовился для вылазокъ по вечерамъ изъ свѣплицы Наспасьи своей, съ кошпорой свашьба опложена у нихъ была по случаю поста; ночью же дозорилъ онъ враговъ и съ избранными удальцами слѣдилъ за полками хипрыхъ Москвитянъ. Такъ шланулось время почши до изхода поста.

Однажды, не въ раннюю пору, когда шемноша лилась уже на природу и скупывала ее чернымъ сумракомъ; когда въ срединѣ города было шихо, шолько изрѣдка слышалось хрушенье шаговъ какого-нибудъ проходящаго, лицо ко-его, изнеможденное голодомъ и другими недоспашками, схоронено было во

иракъ , да вдали съ крѣдоспныхъ спѣнь раздавались слабые выспрѣды, мгновенно разсѣявавшіе темному ночи: въ это время шель Димитрій къ Чурчилъ на домъ, прогуливаясь по морозу, какъ увидѣлъ его самого выходящаго изъ ворошъ своихъ съ надвинуною на глаза шапкою и съ палкою въ рукахъ, какъ будто онъ собирался куда нибудь далеко.

«Это ты, Чурчила?» сказалъ Димитрій. «Куда ты?... На богомолье что ли къ Соловецкимъ отправляешься?»

«Что-то зазорно скажешь себѣ правду машку, а надобно сознашься,» отвѣчалъ Чурчила, «Я иду не близко, къ помудеснику, которій нанялся бышь у насъ на свашьбѣ. Онъ рассказывалъ, что у него есть братъ большой, которій расскажетъ мнѣ мою судьбу какъ передъ глазами поставишь всю; а мнѣ давно больно хочется узнать ее.»

«Чуденъ ты!» говорилъ Димитрій.
 «Люди гадаютъ сидя въ бѣдѣ, да кручинѣ по горло, а ты выплелся изъ того и другаго; о чемъ же тебѣ еще! думаешь хочешься?»

«Мало ли думъ налягаешь на души! Слышишь ли, какъ гудишь выспрѣвъ въ ущельѣ? Вѣдь онъ на чью нибудь жизнь посланъ. Новгородъ долженъ пасъ. Если же рѣшимся мы помереть всѣ, упираюсь въ родную землю, на когожь покинемъ женщинъ и дѣшей малыхъ? Эта мысль пуще пули пронизываетъ сердце мое.

«Воевода нашъ, Князь Гребенка-Шуйскій, больше думаетъ о погнѣной, чѣмъ о защитѣ. Вѣча—эшаго болоша пиниспаго; а Марѳа съ клеветшами своимъ — лягушки, наполняющія его!»

«Истинно шакъ! Репивое мое скорбишь не менѣ твоего,» отвѣчалъ Димитрій; «но что выгадаешь ты, какую пользу опчизнѣ и землякамъ своимъ?»

»Большую. Теперь спонимъ мы на ципочкахъ, а скоро, можешъ, будемъ на колѣнахъ — не попусти Господи до насъ пшавой! — вымаливашъ, да опшкунашъ жизнь, какъ запроданный шоварь. Когдажъ я узнаю, чшо будешъ, такъ знаешъ, можно свои мвры взять,« сказалъ Чурчила.

»Но тебѣ опасно рѣшишся идти въ маловѣдомую спорону, къ людямъ птакже неизвѣстнымъ: можешъ, опяшь какіе ковы ухищряюшъ надъшь на швой рыскъ опважный,« возразилъ ему Димшрій.

»Я не зову тебѣ съ собой,« сказалъ ему коропко Чурчила и, шряхнувъ головою, пошелъ.

»Поспой, дай еще слово вымолвить,« говорилъ Димшрій, ошпанавливалъ его; »чшо-то сердце въщуетъ не къ добру. Послунайся совѣша брата своего названнаго, ошпанься, чшобъ не пришлошъ

мнѣ смывать кровь кровью — я пойду съ тобой!»

«Нѣтъ, не мѣшай мнѣ; со мною мечъ; такъ велѣно, чшобъ я былъ одинъ и безъ креспа,» сказалъ Чурчила и былъ уже далеко отъ него.

Долго смотрѣлъ ему въ слѣдъ Демисрїй задумчиво и, какъ будто догадавшись о чемъ-то, вдругъ бросился поспѣшно и мракъ зашкалъ его.

Помните ли вы пуспырь за Московскими воропами, заглохщій, покинутый самимъ временемъ, какъ бы изъ презрѣнія къ обипашелямъ его? И оно оставило его въ однообразной обнаженности. Лѣтомъ онъ бывалъ неперпимѣ для взоровъ, ужаснѣе для ушей, когда шеплоша, расплавивъ снѣжныя насыпи, расширляла землю и изъ нѣдръ ея, просовывая головы, плянулись гадены и съ шипѣніемъ разползывались искашь покинутыхъ жилищъ своихъ, когда бразжизненное зрѣлище сгорбивъ

шейся избушки — опрывка оипъ чего-шо цѣлаго—длинные сшебли чахопочнаго репейника содрогали душу вѣяніемъ на нее могилы; зима зашпилала многое, шолько видѣлись пришонъ Павла, облѣпленный снѣгомъ, оскаленные пльки деревьевъ в гладкая поверхность, закованная снѣжною корою округъ избушки. Въ ней жилъ еще Семень, соумышленникъ Павла, и онъ-шо пригласилъ Чурчилу погадать о судьбѣ его.

Тусклый мѣсяць, какъ будто бы не хощя, проглядывалъ сквозь тонкое облачко, кошорое занавѣшивало свѣтъ его. Въ этой сшоронѣ выспрѣлы слышались громче, вся окрешность рокошала оипъ нихъ и даже можно было различать голоса Москвитянь и Новгородцевъ, кошорые смѣливались въ шумный хаосъ при перепалкѣ. Не смощря ни на что, Чурчила шелъ смѣло; перешелъ луговину, предспавляющую

собою кладбище ошъ нанесенныхъ въшпро-
ромъ снѣжныхъ бугровъ и вешупилъ
въ лѣсъ, въшви коего, чупъ колеблемые
въшпромъ и шорчанціи, какъ когши ис-
полинновъ, качали, и будшобы расправля-
лись, чшобъ выкропшь изъ шѣла его
доскупья. Но и лѣсъ кончился и оспал-
ся позади его благополучно. Вошъ
виднѣшся изба на ошливѣ бѣлаго свѣ-
га черною кучею, какъ престолъ: оби-
шающаго въ ней духа; югонекъ жму-
рился сквозъ худыя щели его и пупе-
водилъ Чурчилу къ себѣ. Вошъ подхо-
дипъ онъ къ ней, оглядываешся: кру-
гомъ пусто, шолько кшо-шо сзади его
роешъ падашомъ иму или свѣжую мо-
гилу; но какъ очутился онъ и ошкуда,
Вогъ вѣснъ. Всапприваешся опяшъ;
нѣшъ никого. «Вышъ можешъ, самъ не-
чисный указалъ служителямъ своимъ
здѣсь мѣсто для грѣшнаго шѣла мо-
его,» подумалъ онъ; но перекрестился
и сѣнулъ на порогъ. Сперва окно

привлекло его вниманіе: вмѣсто болпа
 молпались у спавня скелешныя чело-
 вѣческія руки; глядишь въ окно: за
 споломъ, покрышымъ чернымъ сук-
 номъ, сидѣлъ шарикъ; въ колынахъ
 его лежалъ брусокъ, на кошоромъ онъ
 прилежно почилъ ножъ, и зіяющая
 улыбка обливаешъ морщиновашое чело
 его. Въ переднемъ углу, гдѣ обыкно-
 венно висѣлъ у всѣхъ Хрисціанъ ликъ
 какого нибудь свяшаго, было чшо-шо
 занавѣшено бѣлымъ полопенцемъ, за-
 пияшашымъ кровью. »Чшобы ни было,
 чшобы ни случилось со мною,« думалъ
 Чурчила, »а надобно же войши въ из-
 бушку.« И лишь только хотѣлъ онъ
 схватипшся за скобку двери, запоръ
 съ нее самъ по себѣ рухнулъ, дверь
 опкинулася предъ нимъ, пешли ея виз-
 гнули; послышался спонъ какъ бы
 лопнувшей спруны или завываніе ше-
 пивы послѣ спущенной съ нее стрѣ-
 лы, и огонь, вспрепенувшись, запре-

щаль и вдругъ погасъ, успувивъ мѣсто темною непроглядной. Не смотря и на это, Чурчила, обнаживъ мечъ свой и ощупывая имъ впереди себя, пробирался въ самый центръ избушки. Вдругъ что-то, фыркнувъ подъ его ногами, успремилось на грудь его, блистая огнистыми глазами; но успрѣтивъ оспріе меча его, издало пронзительный и отвращительный крикъ и пропало съ хрипѣніемъ; только искры, казалось, брызнули изъ него.

Въ это же время раздался дикій хохотъ около его и обвилась змією чья-то холодная рука около шеи его, какъ будто хотѣла задушить его. Это привѣщивіе оледенило всѣ члены Чурчилы, мозгъ застылъ въ костяхъ его; но надѣясь на дѣйствіе креста своего, который онъ не скинулъ по назначенію знака, спрахъ сдвинулся съ груди его: и онъ, быспро пришедъ въ

себя, схватилъ заспылую руку своею шакъ сильно, что она хрупнула въ его рукъ и оппала, какъ оппорванная опъ шуловица; послѣ чего онъ, осязавъ ко-го-шо возлѣ себя, оппихнулъ, и слышн-но было, какъ неизвѣстное существо ударилось объ уголь избушки и что-шо посыпалось изъ за спѣны.

«Слава храброму Чурчилъ! Выдержалъ испытаніе, разсѣялъ силу вражескую; шеперь тебѣ опасаться нечего; шы гощь мой!» раздался голось позади его, и за нимъ огонь, пробивъ шыму кромечную, разлилъ свѣшъ свой на всѣ предметы.

Широкая печь, казалось, росла въ по-полокъ и рашепила его, пошому что сквовѣ него, какъ сквозь сипо, сѣлся снѣгъ съ крыши. Кругомъ ее распяги-вались узкія лавки; въ срединѣ избуш-ки спонялъ споль, прислонясь къ окву; нѣсколько шаговъ свободного мѣсна на полу; на верху палати; у порога спа-

рикъ со льняной бородой и волосами, заслоняющими лицо его, держащій свѣщецъ—вошъ все, что предсавилось глазамъ Чурчицы при явленіи свѣща.

»Садись же, дорогой госты! Я давно знаю тебя и давно поджидаль къ себѣ. Выпей-ка моего сосавца: онъ съ дорожки разкипяшилъ кровь швою и опшведешъ весь спрахъ опъ сердца молодецкаго,« говорилъ спарикъ, подавая Чурчицѣ какую-шо влагу въ человѣческомъ черепѣ и выыкая въ него оспырые, насмышливые и быстро обращающіеся глаза свои.

»Да эшо кровь!« отвѣчалъ Чурчица, разсмошрѣвъ пише и опспихнулъ чудный сосудъ.

»А меньшой брашъ мой Семень сказываль мнѣ о тебѣ, что ты еде опшважень; а ты, что баба шрусливая, не рѣшаешся и опшвдашь сего сосавца. Онъ про тебя нарочно пригошов-

лень. Это не кровь, а молоко черной волницы съ корнемъ шой осины, на которой удавился Иуда,» сказалъ старикъ и поднесъ опляшь угощеніе свое Чурчилу, не спуская съ него лукавыхъ глазъ.

«Что это, еще что ли испытаніе?» отвѣчалъ Чурчила. «Только его я не хочу выдерживать. Если вы, племя Иудино, лакомься самъ хопъ желчью его!» и опляшь, опвихнулъ спрашннй сосудъ опъ себя, шакъ что чашъ содержимой имъ влаги, хлоснулась на полъ.

«Выпей же!» присупилъ къ нему грозно старикъ, и поднесъ пишье свое прямо подъ носъ Чурчилу.

Чурчила всыхнулъ и выхвипилъ сосудъ. Старикъ, примвши гнѣвъ его, опвернулся и черепъ, чуть скользнувъ по черему старика, чокнулся съ лавкой и налешу своемъ обронилъ влагу на одежду хозяина, которая шопчасъ зашпгтла въ клубящемся дымѣ.

»А, шы хошълъ опоишь меня зель-емъ, прислужникъ сапаны!« вскричала Чурчила. »Я разгадалъ пвое гаданье; разгадай шеперь шы мое: долго ли шебъ ошалося жишь?« И схвашился за мечь.

Молча догрозилъ ему спарикъ въ знакъ молчанія и указалъ съ шаинспвеннымъ видомъ на палаши, на копорыхъ чшо-шо шевелилось. Чурчила взглянулъ и увидълъ пъшуха, копорый, вышягивая шею и надувая грудь, сильно захопалъ крыльями, инда пыль завилась съ палашей, и запълъ.

»До шрехъ разъ могу я слышашъ его пънье,« говорилъ спарикъ безпокойно, »а въ чешвершый меня ужъ не зашанешъ земля: Помиримся, молодець; а если будешъ серчашъ на нашу брашю, проиграешся. Еслибъ шы вышялъ моего сосцава, шебл оклонилъ бы сонк и нежушко было бы шебъ видъшь многохвосшыя явленія, копорыя круго-

вымъ лезвомъ своимъ закружашъ шебя
и шакже навѣяшъ сонъ на вѣжди швон.
Но шакъ и бышъ! вопшъ шебѣ клыкъ
чернаго быка съ краснымъ оскриемъ;
онъ обмоянушъ въ кровь лешучей мы-
ши и закъяшъ прошивъ всѣхъ дунове-
нѣй нечиспой силы; держи его при себѣ,
и мнѣ дай мечъ свой. Только осперъ
ли онъ и гладко ли его лезвѣ?..»

«Да шакъ гладко, чпо не одна лошадь,
какъ бы она кована ни бьма, не усифо-
ншъ на мѣспѣ, когда оно пройдесть
по ребрамъ ея,» отвѣчалъ Чурнила съ
усмѣшкою. «Если хочешъ, подспавъшею;
я опробую на ней. Не бось, не оспа-
новяшся и не за яцо не зацѣпишся,
сквозь пройдесть. Но иначе мнѣ нѣшъ
охошы опдашъ шебѣ мечъ, какъ шоль-
ко съ эшимъ условіемъ,» продолжалъ
онъ, проводя мимо огня лезвѣмъ, опъ
чего оно, опражая лучи его, ярко свер-
кало въ глаза спарику.

«Я выдошу его еще глаже,» сказалъ спа-

рикъ, »и ты на немъ прочтешь все, что знаешь желаешь. Разумѣешь ли ты книжное ученье?»

»Маракую кое какъ; но если ты одурачишь еще чѣмъ нибудь, то я самъ выложу тебѣ спину, какъ стекло,« говорилъ Чурчила.

»Ты смѣлой человѣкъ,« возразилъ ему спарикъ. Когда бы я захопѣлъ нанести тебѣ какое нибудь зло, то съ разу проглотилъ бы тебя цѣлкомъ. И ужли голова твоя такъ надменна, что кувырнешся съ плечъ только отъ одного твоего меча? Смошри! говоритъ онъ, и распахнулъ полы кафтана своего. Ножи разной величины, зашкнупые за пушакъ и висящіе на желѣзныхъ жольцахъ по бокамъ его и впереди, предъспавлялись взорамъ Чурчицы, блеспя серебряными чешуями. »Изъ нихъ ни одинъ не сукъ,« продолжалъ спарикъ. »Теперь вишь они какіе смиренныя, а въ рукахъ моихъ спрахъ жадны бываютъ

до крови, и когда бы мнѣ нужна была жизнь своя, по шакъ легко освободилъ бы я тебя отъ ней, какъ свѣчку задулъ бы.» И съ словомъ снѣгъ одинъ изъ ножей его, пущенный сильною рукою, вошнудся въ спѣну, какъ въ яблоко, и задрожалъ въ ней.

Съ минушу продолжалось молчаніе. Чурчила колебался, дѣшухъ пропѣлъ въ другой разъ, свѣча нагорѣла и накинута на лице шарика мрачную тѣнь.

«Чу, другой разъ! Трепьяго крика его я не вышерплю и прѣтусь съ тобой,» говорилъ шарикъ, отодвигаясь отъ Чурчины. «Голосъ его, какъ когтями, вѣпляется въ уши мои,» продолжалъ онъ, «а я бы повѣдалъ тебѣ о многомъ. Много перемишь будешь, много крови прокапаешь съ оружія Новгородскаго и Московскаго; а Спасья...» Тутъ онъ замолчалъ, смотря изъ подшишка на Чурчину.

«Говори, говори, спаричокъ, возьми хошь съ ножнами мечь мой,» началъ умиравать его Чурчила быстро, сорвавъ мечь свой съ бока и доврчиво передавая его спарику. Тушь послышался шелестъ кого-то, подкрадывающагося къ нимъ съ надворья. Спарикъ вздрогнулъ, приспавилъ чупкое ухо къ окну; толькo макуши деревьевъ, перебивыя въпромъ, шипѣли, какъ змѣи; и онъ, успокоясь, жадно выхвапилъ мечь изъ рукъ Чурчилы и, оппрянувъ опъ него въ спорону, дико-радоспнымъ и совсѣмъ другимъ голосомъ, которымъ онъ говорилъ прежде, завопилъ:

«А, ненависпный человекъ! наконецъ ны въ моиъ когпахъ. Теперь-то я до сыща... нѣтъ, ненасытно начну пишь кровь швою!» И сверкнувъ глазами и оскаленной улыбкой, засучилъ одинъ рукавъ и бросился на Чурчилу.

Чурчила, съ минушу споявший неподвижно опъ изумленія, образумился,

наскочилъ на него и сжалъ его бороду; но она, въ добавокъ удивленію его, оспалась въ рукахъ его. Мечъ просѣвъ ему слегка плечо; но разгоряченный юноша только вспряжнулся и схватилъ соперника своего за горло. Въ эту минуту раздались шумъ въ окно и двери хибаренки зачались. Спарикъ закричалъ яростно и оный крика его кинжально зашевелился на палашияхъ и мигомъ поднялось на нихъ нѣскольکو головъ звѣрскаго вида, и пошчалъ четверо мужиковъ рослыхъ, плечистыхъ, соскочили на полъ, и бряча кистенями, бросились на Чурчилу. Но оный, припершись къ углу, держалъ предъ собой накладнаго спарика и напихивалъ его на грозящіе ему удары.

Въ двери спучались сильнѣй. Одинъ мужикъ, бросившись въ эту сторону, ворошился со страхомъ, между тѣмъ какъ прочіе удвоили силы свои и одна уже рука занеслась на Чурчилу; но

вдругъ всѣ сѣны рухнули отъ удара
 разщепившейся двери и занесенная рука
 вмѣстѣ съ оружіемъ хляснулась на полъ.
 Вбѣжалъ Дмитрій съ удалцами своими
 и, взглянувъ на снарика, воскрикнулъ:
 «Павель! полно жинь!» Чурчила шелью
 по словамъ его узналъ Павла, но не раз-
 глядѣлъ уже его: ибо голова его, сне-
 сенная съ плечъ, прыгнула по полу нѣ-
 сколько разъ: и скатилась въ темной
 уголъ, а пуловидце, дроспявъ минушу,
 также рухнулось. Въ это же время пред-
 сказаніе убишаго сбылось: пѣтухъ про-
 шель въ шрепій разъ, хибаренка запы-
 дала со всѣхъ сторонъ подкинутымъ
 бодъ, нее огнемъ. Семень съ прочими
 шапался еще по полу съ хрипѣніемъ.
 Названные братья обнялись. Послѣ че-
 го Дмитрій, оперевъ о полу убишаго
 менъ свой, вывелъ Чурину и помча-
 лись всѣ, окликаемые Московскими вы-
 шпрѣлами и далеко провожаемые заре-
 вомъ горѣвшей хибаренки.

ГЛАВА VIII.

ПРАЗДНИКЪ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА. СЯТКИ. МОЛОДЕЖЬ
ПЕРУЕТЪ. СВАДЕБНЫЕ ПОЪЗДЫ ЧУРЧИЛЫ. ВРЕМЯ ПРЕ-
ПРОВОЖДЕНІЕ ЕГО. ОПЯТЬ ПЕРЕГОВОРЫ СЪ В. КНЯ-
ЗЕМЪ. ОТЧАЯНІЕ ЧУРЧИЛЫ. СТРАШНАЯ СВАДЬБА.
ВСТРѢЧА В. КНЯЗЯ У ГРАДСКИХЪ ВОРОТЪ. ПРИЕМЪ ЕГО
НОВГОРОДСКИХЪ АМАНАТОВЪ. РАЗГОВОРЪ ЧУРЧИЛЫ
СЪ В. КНЯЗЕМЪ.

О какъ коварны наши блага!
О какъ подвласны мы судьбѣ!
Вопице въ душахъ кипитъ опвага;
Уже насталъ конецъ борбѣ:
Одно мгновенье все рѣшило.

Насталъ день Рождества Христова и
звукъ колоколовъ Новгородскихъ печаль-
но огласилъ всѣхъ, не какъ прежде. Спарички креслились и спѣшили въ опшво-

Часть IV.

9

ренные храмы молишся о давно ожидаемомъ днѣ сняшїа осады; служители церковные, окруженные народомъ, всѣ колѣнопреклоненные, съ воздѣшными руками къ небу, служили молебны; клиросы пѣли прощяжно, психо и умиленно, какъ молишвы объ изходѣ души; всѣ плакали и молились, какъ-будто ожидая страшнаго суда; но молодежь, съ неспроспылыми еще головами опѣ похмѣлья, собиралась кучками и, шолкуя между собою, чпо въ веселье и смерть не страшна, условливались, какъ можно разгульнѣе проводилъ свяшки, хошябъ пришлось опражашъ имъ приспупъ Москвишянъ и хошябъ заложили они за эпѣ головы свои. »Съ пощими желудками легче вишашъ намъ по городу, вскакивашъ на спѣну, прыгашъ на коней и бѣжашъ опѣ враговъ,« говорили одни и думали другіе; и начали съ шого, чшо, сполпившисъ большею вашагою, поушпру пѣшли хѣдишъ изъ дома въ домъ

къ знакомымъ и незнакомымъ, и славиль Хриша громкими, радостными голосами. Но эшо было не чшо иное, какъ рѣзкая черша опчаянїя, впившагося въ ихъ души и вышедшаго наружу.

Послѣ сего ходили они другъ къ другу и, кпо чшо имѣль, складываль въ одну кадъ, сливаль въ одинъ чанъ и эшо у нихъ была мїрская пирушка. Тутьъ они упивались, объѣдались послѣдками запасовъ своихъ, мало уважая будущіе дни, какъ опорожненные сосуды свои, и по уничтоженїи шого и другаго, чшо долго думашь? »Ура! ходи спѣна на спѣну, подбирай смящья шапки.« О вечерьъ, собираясь на Нѣмецкомъ подворьѣ, гдѣ жили оставшіеся чужестранные купцы, всегда привѣшливо принимавшіе молодежь Новгородскую, надѣвали они спрашныя хари (*), пили, пля-

(*) Маски. Тогда за большой грѣхъ считалось наряжаться въ нихъ.

сали, выбѣгали на улицы прислушиваясь къ выспрѣламъ безъ шапокъ на распашку, съ волочащимся кушаками, шумомъ и визгомъ, и дикимъ хохотомъ своимъ спарались заглушить перекашисные звуки огнеметовъ; на послѣдокъ опять захлопывали они во рошами и громко пѣли, шедши по двору и входя на крыльцо. »Что шуптъ робѣшь,« восклицали опчаянные, пошашываясь, »пройдетъ веселье,—суди насъ Богъ—наложимъ на себя руки; а теперь начнемъ гулевую!« и зашягивали:

Въ Новѣгородѣ приволье,
 Что на морѣ на снѣгъ,
 На широкоемъ раздолье!
 Смѣло, брашцы, мы живемъ!
 Чернай золопо хопъ шапкой,
 Пей ушапами вино;
 Съ молодецкою ухвапкой
 Колоши изъ бочки дно!

Но эти окрики, эти вопли, эти выходы на пропалюю, означали вѣрную удавку искренняго ихъ веселья; всѣ

спарались обмануть другъ-друга, и разносчивые звуки ихъ удовольствія — были послѣднія судорги умирающей радости, послѣднія вспышки буйной, свободной ихъ жизни.

И Марѳа, богачая, чшимаая Марѳа доживала роскошную жизнь свою; на широкомъ дворѣ ея колыхались еще толпы нищихъ и бродягъ. Одни изъ нихъ дрались за пригоршни мѣдныхъ денегъ, выбрашиваемыхъ челядинцами ея изъ большой кисы; другіе же, увѣчные, копорые поджавъ подъ себя ноги, цѣли раскачиваясь прошивъ оконъ ея пѣснь о убогомъ Лазарѣ пропаяннымъ и заунывнымъ голосомъ, были одѣяемы каждый поровну. Но это ея всенародное угощеніе шолько походило на прежнее: недоспапокъ во всемъ оказывался наружу. Марѳа съ презрѣніемъ смошрѣла уже на дворныхъ госпей своихъ; да они и сами, разхаживая взадъ и впередъ по ошведенному имъ мѣшпу съ

розданными ковшами, начинали уже ропсашь, что имъ нечего черпать въ чанахъ, кромѣ воздуха, что и мышамъ изъ нихъ нечѣмъ напишья, и проч.; а нѣкопорые изъ нихъ грозились даже освободить самовольно оставшіеся бочки ея изъ темныхъ погребовъ, а послѣ занесли руки и на кладовыя.

Вошъ какова любовь и уваженіе народа, основанная на подкупахъ и шорговлѣ совѣсти своей!

Городъ помился голодомъ и всякими нуждами; обоюдныя пересылки между Москвитянами и Новгородцами продолжались, и дѣло приходило почти къ концу въ пользу первыхъ; но взглядъ до того на удалца обрученнаго. Чурчила хвапалъ свое счастье обѣими руками: лишь только начинали развѣшиваться сумерки надъ землею, онъ собиралъ весь свадебный поѣздъ свой, вспрыгивалъ на размешныя санки съ

полосшию изъ шкуры бѣлаго медвѣдя; поварищи его въ другія, въ шубахъ, въ шеплыхъ шапкахъ, и полозья визгали и побрякушки на дугахъ лошадей ихъ заливались, и капился поѣздъ съ пѣснями веселыми, удалыми; мяшелица взвивалась, морозъ разроспался; но саночки кувыркались по сугробамъ и разстилались по обширному снѣговому полю. Пріѣхали, шевельнули мѣднымъ кольцомъ у калишки по условленному знаку, и вороша дубовыя имъ разшворяются и удѣла коней ихъ, пышущихъ съ горяча и усалосши, вдѣваюшъ въ кольца рѣзнаго сполба, и госпей дорогихъ принимаюшъ на крыльцѣ и вводяшъ въ свѣтлицу шеплую, проспорную; парныя облака провожаюшъ ихъ, зандѣвѣлыя бороды мужей и пушокъ юношей опшаниваюшъ; шапки, опояски вѣшающя на гвозди. И госпи входяшъ и кланяющя чинно, и цѣлюющя любезно, проекрашно, и оняшъ кланяющ-

ся и напоследокъ усаживающся по чину, по прїязни, по давнишнему хлѣбосольству, кшо впереди, кшо позади и начинающъ рѣчь веспи про жишье бышье свое, про всякую всячину.

У Оомы послѣдній рубль ребромъ идепъ, вымѣненный на угощеніе дорогихъ госпей, и пиры его вздувающся горами и шолы его взгромождены караваями, да пирогами. Гуляй душа, разбѣгайся глаза, рабошай успа! Спавни пакъ и шрещапъ опъ выполовъ мороза, а море вина хлещепъ разливами и подхвашываепъ волнами своими всю бесѣду разгульную, и мчипъ, и кружипъ и шопипъ ее въ хаосъ своемъ.

Но вошъ явилась невѣспа, подъ покрываломъ серебриспо-шелковымъ, и пошли ей привѣшспвія, желанія, вѣжливоспи и всякія слова медопочивыя, и идепъ она плавно и ошкланиваепся на обѣ стороны учшиво, и занимаепъ робко мѣсто свое подъ образами и по-

водишь изъ подпашка глазами на всѣхъ, и оспанавливаюшя они на одномъ: по женихъ ея, любой сердцу дѣвичьему, и пошупляюшя очи ея и пышущъ щеки алѣе выспрѣловъ его на бишвѣ.

У опца-кормильца ея разсудокъ ужъ въ полномъ разгарѣ. »Ну, дѣши мои милыя!« вскрикиваетъ онъ весело, »шеперь мы чокнемся кубками, а вы губками!« И подхвашила слова его вся бесѣда, и спарушка мать для эшакой радости высусливъ серебряную чарочку винца сладкаго, подогрѣла веселость свою, и согнувшись шреугольникомъ, прищуривала далеко запавшія глаза свои, прищелкивала пальцами и пришопывала уже коблучкомъ и подергивала плечикомъ, какъ пшица перешибеннымъ крыломъ, въ намѣреніи разошнись подъ плясовую. Жениху съ невѣспой было дѣлать нѣчего, голоса гремѣли подтвердитъ слова Оомы: и вопшь они

будто нехотя сомкнулись — и слились губами. Чурчала, какъ пчела прильнувъ къ липникамъ весенней розы, запоемъ вливала въ себя медъ съ алыхъ губокъ зардѣвшейся невѣсты своей.

Между шѣмъ въ дѣвичьей свѣщницѣ Наспасьиной дѣвушки гадали: лили воскъ, олово, перепушывались леншамми, заплешая племень и подбоченясь плясали, свивались, развивались, пѣли евяпочныя пѣсни: *И я золото хороню, чисто серебро хороню, я у матушки въ терему, я у бабушки въ высьоть, и проч.* Подблюдныя: *Идетъ кузнецъ изъ кузницы; Шутка шла изъ Новагорода, и другія.* Всѣ были довольны, веселы собесшвеннымъ весельемъ и часто пѣнье пѣшуховъ не разводило шумной, разгульной бесѣды. Случалось: и упря на вѣщало иныхъ подъ заваломъ лавокъ, съ кошорыхъ они, качаясь, скашывались и увлекали ихъ за собой или на себя.

На Вѣчѣ собралось многолюдное собраніе: ожидали возвращенія Θεофила, кошорый отправился, по окончаніи даннаго ему Іоанномъ срока, опять къ нему; шпраковать о предложенныхъ условіяхъ ошъ Новгорода Великаго. Всѣ были печальны, унылы, съ поникшими глазами и совсѣмъ не склонны ни къ разсужденію, ни къ пренію, ни къ продолженію биввы. Наконецъ возвратился Θεофилъ. Твердымъ шагомъ возшелъ онъ на Вѣчѣ; но видъ его былъ смущенъ. Почпи съ прискорбіемъ бросилъ онъ на столъ размирныя грамоты и самъ бросился, успалый, на лавку, не вдругъ опвѣчая на обильные вопросы, лепѣвшіе къ нему со всѣхъ споронъ и ревностно перегонявшіе другъ друга.

Наконецъ онъ ошдохнулъ и сказалъ: »Іоаннъ не соглашается ни на что. Дальше слово не выводишь Новгородцевъ въ Низовскую землю, не судишь ихъ въ Мо-

сквѣ, не звашь шуда на службу; но когда я пребовадь опъ него кляпвы и присяги креспоцѣловашельной, онъ опшвырнулъ наши грамопы и шолько сказалъ: Государь не присягаешъ; а самъ опшощель въ спорону, какъ бы не его дѣло. Когдажъ я просиль Боярѣ, чшобъ они присягнули за него, и они не согласидись на эшо и подсмѣивали еще надо мною, чшо будшо мамоны наши говоряшъ за насъ шакъ усердно. Даже и грамошъ опасныхъ не даль мнѣ Князь Великій, сказавъ: »переговоры кончены.« —»Теперь и я покончилъ походы свои: дѣлайте, чшо вамъ внушапъ благія мысли ваши,« сказалъ Теофилъ и замолчалъ.

Тушъ любовь къ спаринѣ своей въ послѣдній разъ задвигала душами Новгородцевъ. Они думали, чшо Иоаннъ хочешъ обманушъ ихъ, и пошому не даешъ кляпвы. Бояре и Посадники болѣе всего шрепешали за свои опчины, и всѣ

единогласно вскрикнули: » Требуемъ бишвы, умремъ за вольность и Св. Софію!« Тысяча голосовъ звучала эпо; но взрывъ смѣлости ихъ продолжался не долго: каждый день множество всякаго чина людей опходили и передавались Москвитянамъ. Наконецъ и самъ Князь Василій Шуйскій-Гребенка, всегда вѣрный и ревностный защитникъ свободы Новгородской, сложилъ съ себя чинъ Воеводы и вступилъ въ службу къ Иоанну, копорый принялъ его радушно и привѣчалъ милосливо. Нѣсколько дней продолжалось смяшеніе въ Новгородѣ, но слабое, не поддерживаемое никѣмъ. Марѳа, копорая боялась уже выходить на Вѣче, попому что всѣ разгадали цѣну ей и не разъ уже увѣснныя камни жужжали мимо ее и чекались съ задкомъ пошавней ея, сидѣла дома и въ опчаяніи глодала кулаки свои, бывъ близка къ мысли самоубійства.

Наконецъ прибылъ опять Теофилъ и, предъставъ предъ него, смиренно спросилъ: » чѣмъ жалуешь его В. Князь? « Иоаннъ отвѣчалъ, что онъ своего слова не перемѣнилъ: что обѣщалъ, то исполнилъ.—Теофилъ отъ имени Новгорода предлагалъ ему Луки Великія и Ржеву Пусную, предлагалъ еще десять волостей; но Иоаннъ не взялъ. » Избери же, Государь, что самъ пожелаешь; мы полагаемся во всемъ на Бога и на себя, « говорилъ Теофилъ. И Иоаннъ взялъ нѣсколько *обожь* или *тяголъ*. Теофилъ послѣ сего началъ спрашивать его опять снятъ ли осаду. » Мы ширимъ смершную изъшому голодную, « говорилъ онъ. Но Иоаннъ велѣлъ Боярамъ своимъ условишься съ ними прежде о дави и потребовалъ опись ихъ волостей. Новгородцы же съ своей стороны просили, чтобы онъ не посылалъ писцовъ своихъ къ нимъ для повѣрки, которыхъ они называли *жапунами* и

про которыхъ говорили, что они съ-
 снятъ только ихъ, а вѣрилъ бы со-
 вѣсти Новгородской. Иоаннъ обѣщалъ
 се, но въ замѣну требовалъ, чтобъ они
 очистили дворъ Ярославлевъ и взяли
 бы съ народѣмъ кляшву въ вѣрности къ
 нему. Такимъ образомъ продолжались
 переговоры ровно шесть дней. Упри-
 мые Новгородцы и послѣ всѣхъ обѣ-
 щаній своихъ не вдругъ соглашались
 отворить ему градскія ворота. Тогда
 уже онъ разгнѣванный повелѣлъ опять
 загромить изъ огнемешовъ и дѣйстви-
 вать рѣшительно.

Кипѣла и выкипѣла храбрость Нов-
 городцевъ. Вечеромъ на 15 Января, ког-
 да на вершеніе дѣла собрался весь на-
 родъ, міромъ положено было на дру-
 гой же день сдать городъ Иоанну, если
 въ эту же ночь не уймется мечъ и
 огонь его язвитъ стѣны ихъ.

Глухая, мрачная ночь, разкинувъ черныя крылья свои, висла надъ Новгородомъ. Неумолкающіе огнемепы Московскіе просверливали щели въ спѣнахъ ихъ; бойницы, спротившіяся подъ надзоромъ Аришпошеля, росли съ каждымъ днемъ выше и выше предъ Новгородскими; спѣны сихъ шрецами, распадались; но крушой обвалъ земли заслонялъ еще ихъ и дѣлалъ присупъ сомнипельнымъ. Чурчила, печальный, задумчивый, выслушавъ опредѣленіе или гласъ народа: завпра сдашь городъ, изшощалъ всѣ способы къ защищенію, наводилъ самъ спволы огнемеповъ на Москвишянъ, успроивалъ крѣпкія застѣки или рогашки, ободрялъ своихъ; но шщешно! Немногіе изъ нихъ держались на мѣстахъ; его обшояла шолько малая шолпа лихихъ удалцовъ, съ кошорыми онъ съ издѣшшва велъ нераздѣльную, брашскую жизнь; прочіе мало по малу складывали въ кучку ору-

жія свои и одніъ за другимъ удалялись.

Бѣшенство, горесць, досада, оскорбленное самолюбіе въ униженіи побѣды надъ нимъ, все это, слившись вмѣстѣ, клокошало въ душѣ его и какъ оспрыми, желѣзными когшями царапало всю внушренность его, задѣвая за самое сердце. Прежніе дни, даже мѣсяцы, покойнымъ чередомъ проходили мимо его и не наводили даже пѣни огорченія на него и боязни на поварищѣй его. Московскія орудія были такъ смиръны, молчаливы, что рѣдкій не согласился бы вспашься на нихъ; только изрѣдка шумѣли онѣ, какъ будшо пробужденныя, и опяшь засыпали покойно. Но шеперь, когда счастье, сама любовь разверзла ему нѣгу ошдыха послѣ всѣхъ выюгъ и бурь, прешерпѣнныхъ имъ, въ безграничныхъ объятіяхъ своихъ, недобрая судьба его свинцовой рукой гошовилась уже ошполкушь ошъ

нее, какъ будто въ насмѣшку. Эта мысль, какъ стрѣла, напишанная ядомъ, пробилась молніей въ грудь его и породила въ ней змѣю опчаянія, неопступно грызущую его жаломъ своимъ.

Такъ, охваченный испугомъ, мешался онъ изъ спороны въ спорону, усиливаясь создать себѣ или опчизнѣ своей какую нибудь неслышанную защиту; копорая бы подивила, поразила, успрашила враговъ его; но вдругъ главная, пропивоположная бойницамъ Москвитянъ спѣна, на копорую опирались всѣ надежды и боязни Новгородцевъ, освѣпилась выспрѣломъ и часнѣ ея, окушанная сизюю пеленою сгустившагося дыма, разспрескиваясь, взлещѣла на воздухъ. Немалое число шруповъ улеглось подъ обломками ея. Въ башняхъ, окружающихъ ее, еще опсиживались; но для приступа опкрылась гладкая, ровная дорога. Москвитяне, совершивъ эшопъ рѣшительный ударъ,

вдругъ остановились, какъ бы жалѣя крови и давая время очувствоваться закоренѣлымъ въ упрямоستي Новгородцамъ.

Какъ опаленный молніею, проспоаяль съ минушу Чурчила. Это произшествіе заспало его на бѣгу. »Все ли свершено теперь?« произнесъ, онъ взоидя въ себя. »Для Новгорода все,« продолжалъ онъ; »но для меня еще только начинаешся.« Быспро бросилса онъ съ мѣста своего въ спорону, какъ приковавшись вдругъ къ какой-шо мысли, и увидѣль Димитрія, который недавно легъ опдохнуть предъ пѣмъ на голую доску, опорванную опъ спѣны, сильно попрясъ его крѣпкою рукою своею и вскричалъ удущливымъ голосомъ: »Ужъ ты упокоился!.. Чшо эшо? на тебѣ ужъ могильная плища?« говорилъ онъ, попряся накрывающимъ его, сѣрымъ плащемъ.

»Ужъ когда камни и дерева проснулись и дрогнули,« опвѣчалъ ему Димитрій, »могу ли я спашь?«

»Вспавай же!« кричалъ Чурчила, дико блистая глазами. »Кровавое море расплывается около насъ; слышишь, какъ оно заливается! Спупай, сзывай хищныхъ птицъ на угощеніе шрупамъ! Скоро и наши распянушся и красота моей Наспасьи уязвится червями кровоглавыми.... Господи! Царю Небесный, гдѣ же милость Твоя?... Вспавай, вспавай, ужъ солнце обливаешь насъ кровавою зарею!.. Или это капаетъ съ чего?..«

Димитрій, слушая его съ нѣмымъ удивленіемъ, наконецъ не могъ уже пертерпѣть несвязныхъ словъ его и прервалъ его: »Какое же солнце? Я ничего не вижу, кромѣ бурливаго полымя въ душѣ швоей и спрацнаго зарева въ глазахъ, которое сказывается мнѣ и безъ рѣчей, что это еще только задашокъ безумія швоего.«

»А мечъ-шо мой, посмошрика,« началъ опять Чурчила, »вѣдь, кажешся, довольно длиненъ и оспрь, чшобы съ разу

двоихъ.... Чу!.... эшо воронья подслушали меня; эшо они граяхаюшъ; эшо они слагаюшъ намъ свадебныя пѣсни съ Наспасьею... Ха... ха... ха!...»

Димитрій хошѣлъ ошпановить его; но онъ былъ уже далеко, а къ большему удивленію его, исчезъ въ самыхъ дверяхъ близъ лежащей церкви опъ шого мѣспа....

Поушру все гошовилось ко встрѣчѣ Іоанна; весь Новгородъ былъ въ движеніи; храмы разшворились; изъ нихъ выносили свяшыя хоругви и усшавляли ихъ по чину встрѣчной процессіи; народъ кипѣлъ на всѣхъ улицахъ, но души всѣхъ были въ *трауръ* печали, всѣ съ шрепешомъ ожидали перваго колокольнаго звука, по кошорому назначено было вышупашъ знашнѣйшему духовенству и гражданшву и ошворить градскія ворота.

Въ эшо время Чурчила вихремъ внесся въ свѣшлицу Наспасьи, разшалкивал

всѣхъ челядинцевъ, попадавшихся ему на встрѣчу. Ома опсправился прощахся съ Вѣчемъ, Лукерья Савишна молилась въ своей образной; вездѣ было пусто, молчаливо и Наспась одна одиноконька сидѣла въ смершной скукѣ, и унизывала грудь свою слезками, какъ бисеринками; послѣдняя изъ нихъ поприла еще дорожку себѣ по блѣо-румяной щекѣ ея, какъ вдругъ вѣхалъ къ ней Чурчила, блѣдный, какъ бѣглець могильной, и началъ упрашивать ее: »Милая моя, безцѣнная! все гошово: свѣчки пышашъ, какъ сердца наши, предъ иконами, налой освѣщенъ, ѣдемъ!.. ѣдемъ; Вѣнцы горяшъ!.. Тамъ на чужбинѣ сошьемъ мы себѣ гнѣздышко!.. Здѣсь въ Новгородѣ нѣшъ намъ родины, нѣшъ тебѣ весны, моей ласпочкѣ, нѣжной, милой!..« Съ словомъ симъ схватилъ онъ обомлѣвшую Наспасью и повлекъ за собой. Спарушка, подслушавъ громкія выраженія его и догадавшись, въ чемъ

дѣло, бросилась за ними поспѣшно и кричала: »Что вы, дѣшн, что вы зашѣяли? Да слыхано ли, да видано ли ѣхашь вѣнчашься шакъ запросто, не сказали мнѣ ни слова и помчались?... Не дали невѣспѣ и голову разчесашь кипариснымъ гребнемъ и свадебную кикку надѣшъ на нее, ни проводишъ васъ съ хлѣбомъ солью и пенязями, ни обосплашъ ваше мѣшпо соболями, ни зажечь водосвященныя свѣчи, и проч.« продолжала кричашь Лукерья Савишна, всплескивая руками съ опчаянїя. »Что-то добрые люди скажущъ? а не скажущъ, подумаютъ, что единспвенное дѣшнше спепеннаго Посадника Оомы Ивановича, Настасья Оминишна, поскакала вѣнчашься съ молодцомъ въ однихъ саняхъ, да еще обогнувшисъ въ одну шубу съ нимъ!«

Но они уже выкапились изъ вида ея. Оружіе Іоанна гремѣло почши около церкви шой, въ кошорой вѣнчали Чур-

чилу съ Наспасьей; но они не вздрогивали отъ звука сего, держась за руки въ горящихъ золопыхъ вѣнцахъ, обещали они шроекрашно налож и священникъ благословилъ молодыхъ въ послѣдній разъ. И вонгъ уже они супруги! Съ воспоргомъ, переполняющимъ души ихъ, поверглись они на колѣна и молились долго, благоговѣнно; но вдругъ Чурчила вскочилъ въ ужасъ: роковой звонъ раздался, огласилъ весь городъ и попрысались спѣсны вешхой, низменной и укронной церкви; послѣ раздался звонъ, но такой шихой, унылой... »Чу!.. шочно хороняшъ кого-шо!... Эшо звукъ общихъ похоронъ, эшо похороны Новгородъ нашего, вѣкогда Великаго... »И больше не могъ говоритъ Чурчила, сильно зарыдалъ, крѣпко обнялъ жену свою и вскричалъ въ отчаяніи, прижимая ее къ груди: «Радость, шоска, солнце, молнія, цвѣшы, ядъ, все эшо вмѣспѣ! Отець свѣшый!» продолжалъ онъ, всхли-

ывая, и обращаясь къ Священнику, «вошь тебѣ все мое сокровище!» и ону-
спилъ на руки спарца безчувственную
Наспасью. «Сохрани ее до меня полько.
Я вырвалъ ее изъ когней судьбы для
себя; съ самой судьбой раповалъ я; да,
я хошѣлъ хошь предъ концемъ жизни
назвашь ее моею.. Она моя шеперь!
Кпо говоритъ, что нѣшь?... Кпо это
споитъ?» И дико началъ озирашься
онъ....

«Это тѣнь твоя, добрый юноша,
успокойся!» началъ Священникъ. Но онъ
прервалъ его: «Поспой, свяпый опецъ,
дай мнѣ докончишь. И такъ, она моя!
Я бѣгу къ Иоанну. Если возвращусь съ
добрыми вѣстями, съ себя росшомъ
поспаваю свѣчу Угоднику Божию Ни-
коль; а если нѣшь, не дамся въ руки
живой и Наспасью не дамъ жизни: вмѣ-
стѣ уговаривались мы жишь и на помъ
свѣшь; еслижь совсѣмъ не возвращусь,
шо опслужи по мнѣ панихиду въ слѣдъ

за брачнымъ молебномъ о здравіи ха, ха, ха? Только молю себя, выпроси, выкупи шѣло мое у враговъ! Вошь шебѣ золопо: заколоши имъ желѣзныя души ихъ, какъ гвоздями, ошь досшупа благосшныи небесной, и схорони насъ вмѣспѣвъ однихъ палапахъ подземныхъ и въ одномъ домовищѣ! И она не переживепѣ меня!... Видишь, какъ она изшомлена уже?« Не смошпря ни на какое убѣжденіе священнослужителѣ, онѣ взглянулѣ еще разѣ на Насшасью: сердце его защемило; и онѣ выбѣжалѣ изѣ церкви, вземшнулѣ на ухо шапку и помчался...

Москвипяне, шщепшно ожидавшіе покорносши Новгородцевѣ, сомкнулись и пошли на присшупѣ; но въ эпо время вороша градскія ошворились насшепѣ и показалась процессія: Теофиль съ обнаженною головою и съ Живошворящимъ кресшомъ въ рукахъ шелѣ впередѣ шихимъ, погребальнымъ шагомъ; за нимъ прочее духовеншво со Свя-

пыми, иконами и волнующимися хоругвами; за ними граждане и воины смѣшались и спѣшили укладъ скорѣй шрофен изъ оружія своихъ у ногъ Великаго побѣдителя. Но провожающихъ процессію сію было не много: народъ, услышавшій звонъ, который пробилъ срокъ спаринѣ Новгороду, содрогнулся и попрыгался по домамъ своимъ; только нѣкоторые высматривали издали или изъ за-угловъ высовывали головы и опять припаивались опть малѣйшаго шума, боясь встрѣпнѣ копыа Москвитяня. Тишина мершвая заковала городъ и движенія жипелей его.

Ликъ побѣдителя блиспалъ, какъ солнце, какъ слава, радостію свѣшлую; окружавшіе его Бояре соспавляли лучи его славы. Почти не ожидая прощенья себѣ, Новгородцы были приняты имъ милоспиво. Одѣшый въ алыі бархашный кожухъ съ золошыми прошва-

ми и пуговицами, видный собой, утрюмый, но важный, величественно возсѣдалъ онъ посреди сонма Бояръ, Воеводъ и Князей — богатырей своихъ. Гордые Новгородцы, думая встрѣшншь его, сами предспали предъ него, пошупя очи, колѣнопреклонно и съ покорносцію ожидали себѣ грозы или прощенія опъ раздраженнаго Князя Московскаго. Не успѣлъ еще онъ опкрышь воли своей, какъ вдругъ распахнулнсь полы палашки его, и вбѣжалъ въ нее молодой, красивой юноша — и бухнулся предъ нимъ въ ноги. »Надѣжа-Государь!« сказалъ онъ, »пы доискивался головы моей; снеси ее съ плечъ: вопъ она! Я Чурчида, что надѣдалъ шебѣ, а болѣе воинамъ швоинѣ; но знай, Государь, мои удалцы ужъ гошовой сдѣлашь мнѣ поминки шакія, что прокатяшся они въ намаяшь вѣчную сынамъ Новгорода. Въспъ о смерти моей, какъ огонь по ншншамъ, доберенся до нихъ и вспых-

нешъ весь городъ до неба, а свой шеремъ ужъ я запалилъ самъ со всѣхъ чешырехъ угловъ. Всю землю, подосп-ланную подъ городомъ, возмешь шы порожую. Суди же меня за все; а если проспишь, я слуга шебъ вѣрный до смерти!»

Молча выслушалъ его В. Князь и, когда онъ кончилъ, отвѣчалъ ему: »Не посмопрѣлъ бы я ни на что; самъ разжегъ бы вашъ городъ и закалилъ бы на немъ праведный гнѣвъ мой смерпью непокорныхъ, а послѣ залилъ бы пепель ихъ кровью; но я не хочу ознаменовать начало владѣнiя своего надъ вами наказанiемъ. Вспань, храбрый юноша. Если шы пакже смѣло будешь защищать нынѣшняго Государя своего, какъ разбойничалъ по окресноспямъ и заслонялъ мечемъ своимъ ошчизну; то я добрую спѣну найду въ плечахъ швоихъ. Вспань, я всѣхъ васъ прощаю!»

Чурчила, вполне счастливый, очутился послѣ сего въ объятіяхъ опца, дружбы и любви.

ГЛАВА IX.

ПАДЕНИЕ ВЕЛИКАГО НОВГОРОДА. МГНОВЕННАЯ РАДОСТЬ И ПЕРЫ НАРОДА. ВИШЕСТВИЕ В. КНЯЗЯ ВЪ НОВГОРОДЪ. ЗА ДНЕМЪ ПИРШЕСТВА СЛѢДУЕТЪ ДЕНЬ СУДА. ВЪЗЯТИЕ ВЪЧЕВАГО КОЛОКОЛА. УНИЧЖЕНИЕ И ПЛѢНЪ МАРФЫ. ВОЗВРАЩЕНИЕ В. КНЯЗЯ ВЪ МОСКВУ. ТОСКА НОВГОРОДЦЕВЪ. ЗАКЛЮЧЕНИЕ: СОЛОВЕЦКІЙ МОНАСТЫРЬ. СТРАННИКЪ. ЗНАКОМОЕ ЛИЦЕ. ДѢЙСТВИЕ СВЯТОЙ БЛАГОСТЫНИ.

Раздвинулись какъ мраки ночи,
Какъ горы—спяжкіе года;
Что чуешь духъ, что видишь очи,
Порывъ души моея куда?

Ф. ГЛЕНКА.

15 Генваря рушилось древнее Вѣче.
Знашныя Новгородцы цѣловали креспъ
Іоанну въ домъ Архіерейскомъ и взяли

присягу со всего народа: идши въ вѣчное подданство В. Князя Московскаго. Грамота, полученная имъ отъ Новгородцевъ, укрѣплена была, кромѣ сей духовной печати, 58-ю гражданскими. Рать Московская вложила мечи свои въ ножны, опхдынула отъ спѣнъ и городъ ошперся. Радость, восхищеніе обуали жишелей; они закованы были собственною свободой. Она замерла подъ державой Іоанна; но другая, необходимѣйшая для нихъ, заставила ихъ забыть прежнюю, возсіявъ въ полной мѣрѣ и проливъ лучи свои на всѣхъ свѣшло; искренняя веселость стерла печаль унынія съ лицъ Новгородцевъ и напечатлѣла свою, ясную; живо задвигала она душами ихъ и пошли опять пиры да пошѣхи; смѣло начали они разгуливать по городу, обнимались и радостными окриками изъясляли полное свое удовольствіе. Къ довершенію всего, имъ роздали ковци, выкашми

бочки, разспавили балаганы съ съесп-
 ными припасами и опдали все эпо въ
 жершву голода народнаго. Тушь-по
 пошла гульба! »Славныя поминки задалъ
 намъ по Вѣчу Государь нашъ бапюш-
 ка, Іоаннъ Васильевичъ, благоденство-
 вать ему многолѣшно! — Поминки-по
 радостныя; лучше назвашъ раздолье
 шеперешнее вспрысками господства
 его надъ нами!—И по шакъ, по насъ все
 равно: вѣдъ мы не изобижены имъ ни
 чѣмъ!» кричалъ народъ и веселился.

На дворъ Ярославлемъ въ послѣдній
 разъ сполнился народъ. Туда прибылъ
 В. Князь. Сперва поклонился онъ у Св.
 Софин, гробамъ предковъ своихъ, Влади-
 міру Ярославу и Мспиславу храброму,
 и опслушалъ литургію; послѣ съ любо-
 пыщствомъ осмотрѣлъ Вѣче и оппра-
 вился возвращнымъ путемъ въ спанъ
 свой. Онъ былъ милоспивъ, привѣшливъ;
 конь его, окруженный сдавившимися шол-
 пами народа, загнувъ високо голову свою

и расширяя ноздри, гордо вышупалъ подъ нимъ, какъ бы щеславясь всадникомъ своимъ. Владыко Теофилъ, Спароспы пяши концовъ Новгородскихъ и многіе другіе сановники, встрѣчавшіе его съ хлѣбомъ, солью и богатыми дарами, были приглашены имъ къ трапезѣ его и щедро ошдарены. Князь Иванъ Сприга-Оболенскій и брашъ его оспались на Ярославемъ дворницѣ и заняли его именемъ Государя и вмѣсто самаго его; а В. Князь не оспался шамъ пошому, что въ срединѣ города начинали свирѣпствовать болѣзни.

Веселья народныя прекрапились; пишина глубокая, предзнаменующая что-то, водворялась въ Новгородъ. Народъ, сходясь другъ съ другомъ, шептался о чемъ-то, раскачивалъ задумчиво головами и шотчасъ разбродился въ разныя спороны, боясь зоркихъ наблюденій Москвишянъ надъ ними. Въ одинъ

день многіе Московскіе полки въ полномъ вооруженіи вспунали одинъ за другимъ въ градскія вороша и обшонавливали Въче. Народъ удивлялся сему, оспанавливался, кучки разросшались около Дворища Ярославлева; но разъезды конейщиковъ и убѣдительныя угрозы обнаженныхъ оружій ихъ удерживали на граничныхъ рубежахъ народъ, подсмапривающій за дѣйствіями Москвитянъ, и отгоняли его далеко разсуждашь о семъ шаинспвенномъ явленіи.

Скоро вороша ошворились широко и показались длинныя пошевни, выѣзжающія изъ Дворища съ высокимъ грузомъ поклажи, щцашельно закушаннымъ ошъ любопышныхъ глазъ рогожами; множество лошадей выпягивалось предъ пошевнями, везя ихъ, и лишь только онѣ показались наружу, воины Московскіе окружили ихъ со всѣхъ споронъ и, держа надъ головами своими обнаженные мечи, ѣхали шихо, молчаливо, какъ буд-

по провожая важнаго преступника. Но народъ догадался, что было скрыпо ошъ взоровъ его. »Башюшка ты нашъ!« вскричали многіе, всплеснувъ руками, »не спало тебя, судін, голоса, вождя души нашей! Хоть бы дали проспишься, наглядѣшься на себя въ послѣднее и послушашъ хоть еще разочекъ гласа швоего громкаго, заливчашаго, что мирилъ, судилъ насъ, вливалъ мужество въ сердца и славилъ Новгородъ Великимъ, сильнымъ, могущимъ во всѣ концы земли Русской и иноземной! Еще бы хоть разочекъ напрыгалось сердце, слушая тебя ненасышимо, и замерло, онѣмъло бы, какъ ты теперь!« Иные плакали навзрыдъ, проспирая руки къ нему, иные молча поникали головами.

Вывезя колоколъ Вѣчевой за градскія ворота, ошрядъ воиновъ, сопровождавшихъ его, ошдѣлился ошъ прочихъ и поскакалъ ошпашъ въ городъ. Проѣхавъ многія улицы, ошшановился онъ у чуд-

наго дома Марѣы, у ворошѣ коего спояла уже Московская спража. Возшедъ на огромный дворъ ея, войны нашли его пустымъ. Ни одна тѣнь человѣческая не бродила по немъ; только въ углу у забора дрогла собака опъ холода, поджавъ подъ себя хвостъ и съживъ голову въ плеча. По всему видно было, что челядинцы Марѣы, разбѣжавшись опъ госпожи своей при несчастливомъ переворошѣ дѣль ея, покинули шакже и собаку, предоспавивъ ей голодную смерть: ибо желъзная цѣпь, кошорою она прихвачена была къ конурѣ, налегала холодомъ своимъ на оскаленныя коспи ея. Пройдя дворъ и многія запусшья свѣшлицы, войны опшупались уже опъ понсковъ своихъ. Вездѣ безлюдіе унылое, пустоша царшвенная окружала ихъ; вечеръ наводилъ уже тѣни свои на всѣ предметы; наконецъ доспигли они до одной наглухо замкнушой двери, спук-

нули въ нее, окликнули: нѣтъ никого! Нѣкошорые приложились къ ней плечами, дружно ударили въ нее и сшибли нушряную задвижку. Вдругъ передній воинъ, вошедшій въ узкой корридоръ, обомлѣлъ: что-то тяжелое опустилось на него. Вглядывающагося: эшо былъ давленникъ, порвавшій веревку опть быспраго написка двери, которая задѣла и разкачала его. Изумленіе еще больше овладѣло ими, когда они распознали въ немъ корошинькое шуловище Богапырки. Закашившеса глаза его были ошкрышы и блиспали въ посинѣломъ свинцовомъ лицѣ шакже лукаво, какъ у живаго; ротъ его былъ разомкнутъ; руки сведены предсмершными судорогами; въ кулакахъ были сжаты драгоцѣнности; шѣло еще не совсѣмъ оспыло.

»Эшимъ не ошкупишьса опть ада; эшо шибѣ не нужно шеперь,« говорили войны, выширая у него изъ рукъ сокровище, и послѣ, пырнувъ его опть

себя ногой, какъ гадину, они, невольно содрогнувшись, пошли далѣе и, примѣшивъ слабый лучъ свѣта, отраженный изъ боковой темной гридницы, достигли ее и нашли Марѳу, стоящую къ нимъ задомъ подѣ чернымъ покрываломъ, на колѣнахъ предѣ образами. Трудно было рѣшить, что она дѣлала: хотѣла ли молиться и не смѣла, или вызывала только поскорѣй громъ небесный на себя, чтобы придавить нестерпимую жизнь для нее. Лампада дрожала, шускло освѣщая золоторизыя иконы и проливая блѣдность на лице ея; но ничто это не поразило чувствивъ воиновъ: «А, голубушка! ну что Бога по проводить, какъ людей обводила бѣсовскимъ языкомъ своимъ! Благодари Его, что мы еще не черпи, пришедшие по душу твою,» говорили они и, подхвативъ ее подѣ руки, поволокли. Безъ словъ, безъ упорности, безъ всякаго движенія далась имъ Марѳа влечь

себя всюду; только глаза ея свирѣпо обращались на проводниковъ, а разсудокъ, кажется, уже покинулъ ее.

Весна начинала уже разжигать солнечные огни свои надъ природой, когда В. Князь поѣхалъ съ побѣдоносною ратью своею, Вѣчевымъ колоколомъ и плѣнною Мареою обратно въ Москву; грудь рѣки Волхова вздувалась расщепленными снѣгами и волны ея, хлеставшія изъ-за крайницъ, напирали уже на шалые берега и съ шумомъ опшнбались опъ нихъ, скользя подъ кору льда и расплываясь подъ нимъ съ глухимъ шумомъ; поля, долины, лѣса обнажались и дѣлались попяю; ручьи бороздили ихъ, ревели, сливались межъ собой, пучнѣли, и просѣкая сами себѣ дорогу, кружили въ быспромъ бѣгу своемъ все захватываемое ими; солнце дышало живительнымъ тепломъ своимъ и улыбалось землѣ; ликъ его прояснѣвалъ болѣе

и болѣе, согрѣвалъ, золошилъ природу и—очнувшаяся земля сама ему, какъ любимому госпю своему, расширяла объятія свои. Путь В. Князя былъ веселъ и все съ нимъ ликовало. Только Новгородъ безъ души своей, какъ оцѣпенѣлый шрупъ, предавался могильному сну. Лелеянный болѣе, нежели холею шести вѣковъ, славою, богашствомъ, уваженіемъ, шорговлею, кромѣ ближнихъ къ нему земель, съ Царемградомъ, Любекомъ и другими городами, просѣкая себѣ путь сквозь чащу дѣвственныхъ лѣсовъ въ Сибирь и подводя подъ владычество свое земли, находящіяся между Ладогою, морями: Бѣлымъ и Кипрскимъ, рѣкою Обью и нынѣшнею Уфою, посѣявалъ шамъ первыя сѣмена гражданства и озаряя вѣрою Христіанскою, мѣняясь произведеніями своими съ Европою, Азіею, Византіею, одѣляя Россію первенцами плодовъ искусствъ Европейскихъ, далеко разосясь молвою въ хи-

проспи порговли и примѣрной храбрости своей въ битвахъ, наконецъ пріѣлъ срокъ величію своему и склонилъ гордую, увѣнчанную славою главу свою подъ ярмомъ Москвы новорожденной, подъ мощною десницею Великаго. Новгородцы долго кропили слезами своими опустѣлое мѣсто Вѣча и, часно сбѣраясь на него и вспоминая все бывалое, шихо, уныло заводили слова про спарину. Въ ней отражался вполнѣ разливъ кручины ихъ и только слезы, смачивая рѣсницы, расплывались сколько свинецъ доски, лежавшей въ осиротѣлыхъ душахъ ихъ. Памяшь о немъ не погасла во мракѣ временъ; молва о немъ запала далеко, въ глубь будущихъ вѣковъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Туда давно душа моя просилась,
 Какъ проснися днѣя
 Изъ чуждыхъ рукъ въ объятія родимой
 Тамъ родина моя!

Ө. ГЛЕНКА.

Солнце улыбочиво, какъ радость, обливало вспрепенувшуюся землю лучезарнымъ сіяніемъ своимъ. Милліоны цвѣповъ обсыпали бархашъ полей, шелеспимые шиховѣйнымъ въперкомъ; ярко мелькали они разноцвѣпными головками своими сквозь лоснящійся изумрудъ справы; спарыя, широкоплечія деревья, какъ вѣковые спражи, высились подъ новозелеными бронями, опущенныя гирляндами кусповъ, какъ ппенцами своими; ручейки, чуть звуча, увивались около ихъ, переползывали поля и наконецъ, скапываясь въ безграничныя объятія Блѣго моря, распрыдались въ серебряспныя ниши и радужными брызгами падали на доно его.

Волны моря скачутъ подъ самыми спѣнами уединеннаго Соловецкаго Монашья, качая на себѣ опкинушую шѣнь колокольнымъ его; всплески моря лешяшъ высоко, дождяшъ на лисья павелики, которые широкими плешяницами перевиваюшъ шрецины спѣнъ; даль его чупъ колынешся, рабѣшъ, какъ чешуя вороненыхъ лангъ, и запулываешъ взоръ въ переливчашыхъ краскахъ своихъ, падающихъ съ небесъ, разшилася безбрежною далью. Высокія ели, ошѣнная монашья съ другой шпороны, наспилаюшъ на него креповья: крылья свои и кажушъ его угрюмымъ, дикимъ, безлюднымъ.

Природа была весела, роскошна; лучи солнца дробились золотомъ своимъ еявощъ въшви деревъ, какъ будшо расплешенные, и разцвѣчали ихъ, лобызая землю; ушренняя роса жемчужилась ея на лисьяхъ и качалась на молодыхъ спибелькахъ; пшпцы веселымъ чирканьемъ

привѣшпшвовали пышное ушро и сви-
спѣли крыльями своими, дѣлая ими бы-
спрые взмахи на лешу; окреспѣ разли-
вались по лѣсу аромашы, какъ будшѣ
обишашели оспрова сего дышали ѳи-
миамомъ, кошорый наполяъ воздухъ и
вился къ небу легкими, чистѣйшими и
невидимыми слоями.

Недалеко отъ церкви, на округлен-
номъ холмѣ, спояля, колѣнопреклонен-
ный юноша въ одеждѣ чернеца и усер-
дно молился; клубукъ его лежалъ по-
одалъ, а свѣшлокашпановые волосы,
вьющіеся кольцами, распадаясь, спла-
лись шелковымъ пухомъ по плечамъ;
устремленные горѣ глаза его были свѣ-
шпы, какъ озаренные искрами Божеспва,
хотя западали глубоко; а лице было
блѣдное, какъ будшѣ могила наводила
на него шѣнь свою. Въ спѣронѣ отъ не-
го бесѣдовали два шарца, вышедшіе
только что по окончаніи ушрени по-

дышашь бальзамическимъ дыханіемъ свѣжаго упра.

»Какое же сновидѣніе привидѣлось тебѣ нынѣшнюю ночь, оиuche Аврааме?« спросилъ одинъ изъ нихъ другаго.

»Спрашно, шяжко вымолвишь его грѣшными устами!« ошвѣчалъ другой. »Не мнѣ бы подобало передашь его тебѣ! Я видѣлъ, будшо бы пророчество Наспояшеля нашего, Оиуца Зосимы, сбылось.

»Какъ?...«

»Да, будшо серпъ небесный, висѣвшій надъ Новгородомъ Великимъ, распался огненной пучей и, какъ крыломъ, обвилъ пламенемъ весь городъ. Господи! какимъ заревомъ воспалилась вся швердь! Я какъ шеперь вижу его.«

»Чудно!... Просши, Боже, беззаконіе кающихся и помилуй ихъ! Я самъ въ недавнемъ времени видѣлъ...«

»Святые опцы, благословише пришествіе въ мирную обитель вашу безпріюшнаго спранника, « раздался чистой голосъ позади ихъ и прервалъ спарцевъ. Они оглянулись и увидѣли предъ собою скромно одѣлагаго мужа, пріятнаго вида съ посохомъ въ рукѣ.

»Да будешь благословенъ приходъ швой въ пихую, безмятежную пустыню нашу и да обрѣтешь душа швоя прістани въѣчную въ нѣдрахъ святыни и созерцаніи твореній Зиждишеля! Да ищупуешь она себѣ жишіемъ праведнымъ богашство дивное — успокоеніе, какое вкушаетъ нынѣ эпошь юноша, « говорилъ отецъ Авраамій благословляя пришельца и указывая ему на молящася. — »Но кто ты самъ?« спросилъ онъ, »и за что покидаешь свѣтъ? Смощри, чщобъ раскаяніе не закралось въ душу твою когда нибудь и не разрушило бы единою мивущою

шруды долгаго времени? Гдѣ молишва
изливаешъ святое шепло свое на душу,
шамъ не далеко и ковы лукаваго.»

»Я бывшій гражданинъ падшаго Нов-
города Великаго, а называюсь Назаріемъ,
отвѣчалъ пришлецъ. »Мое намѣреніе
швердо и непоколебимо, какъ скалы, на
конхъ водружена обишель ваша.»

»Какъ! палъ Великій? Боже праведный,
чудны дѣла швои!» вскричали оба уди-
вленныя чернецы и, скинувъ клобуки
свои, перекрестились благоговѣнно, какъ
но покойникъ.

Назарій разсказалъ имъ, какимъ обра-
зомъ эшо случилось и послѣ спросилъ:
»Кшожь шакое эшошъ молящійся юно-
ша?»

»Эшо шакже землякъ швой. Онъ по-
слѣ искуса нашего удоспоиелъ поштри-
женія и названъ браномъ Геннадіемъ.»

»А прежде какъ звали его?» спраши-
валъ Назарій пренециущимъ голосомъ.

»Григоріемъ....»

«Довольно, я узналъ его, эшо она!»
 вскричалъ Назарій и бросился къ Геннадію. Но шопъ уже подслушалъ разсказъ
 его о Новгородѣ и споялъ недалеко
 опъ него. Онъ привѣшливо опверзъ
 ему объяшія свои и сказалъ: «Будь мнѣ
 новымъ брапомъ; опчизны давно я ли-
 шился, а свѣшъ самъ покинулъ. Бышъ
 счаспливымъ—эша жизнь не здѣшняго
 міра, я самъ извѣдалъ ее. Забуди всю
 неприязнь людскую. Человѣкъ долженъ
 помириться съ людьми; храмъ свашый—
 вошъ колыбель, въ копорой убаюки-
 ваепся душа его. Я любилъ жизнь,
 свѣшъ, любилъ... »Тупъ по щекамъ его,
 обвишымъ саваномъ блѣдноспи, пробъ-
 жалъ спруйчатый румянецъ... »Но все
 эшо проспудилъ въ могильной шѣни!»
 Онъ говорилъ спокойнымъ голосомъ;
 но слеза, какъ дань прошедшему, опу-
 стилась на его чешки.

«Да развѣ ты прежде смерти умеръ»
 Часть IV. 11

къ жизни, ко всему?» спросилъ его Назарій.

»Ко всему, совершенно ко всему! И мои руки крѣпко держали мечъ, а сердце кипѣло львиной кровью,« говорилъ онъ горячо, какъ будто почерпая силы неземныя. »Но шеперь хладъ жизни моей согрѣвается небеснымъ огнемъ; я вымолилъ себѣ награду: она ужъ являлась мнѣ, звала къ себѣ. Награда моя близка. О! будь и ты счастливъ, молись о сладкомъ ушѣшеніи, которое я осязаю въ себѣ, молись о немъ!« и онъ сжималъ крѣпко руку Назаріеву.

»Гдѣжь обрѣшу я это утѣшеніе? Дай услышать мнѣ его!« спрашивалъ Назарій учасливо.

Геннадій молча, но радостно блистая глазами, указалъ ему на слова, вырѣзанные на могильной плитѣ, прислоненной къ тому дереву, подлѣ котораго онъ молился.

Назарій нагнувся и прочель:

*»Придите ко Мнѣ вси обремененни и
труждающіеся, и Азъ упокою вы.»*

К О Н Е Ц Ъ .

Bayerische
Staatsbibliothek
München

40

50

